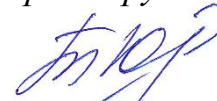

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Батютина Татьяна Юрьевна

**РОЛЬ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
В ПРОЦЕССЕ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации
Коняхин Владимир Павлович

Краснодар – 2019

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Межотраслевые связи уголовного и гражданского права в процессе квалификации преступлений.....	14
1.1. Взаимосвязь уголовного и гражданского права: философский (методологический) аспект.....	14
1.2. Взаимосвязь норм уголовного и гражданского права в процессе квалификации преступлений: юридический аспект	38
Глава 2. Роль норм гражданского права в установлении признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности.....	64
2.1. Влияние норм гражданского права на установление объективных признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности.....	64
2.2. Влияние норм гражданского права на установление субъективных признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности.....	85
Глава 3. Разграничение преступлений и гражданско-правовых деликтов в сфере экономической деятельности в процессе квалификации содеянного ..	95
3.1. Сходные признаки преступлений и гражданско-правовых деликтов в сфере экономической деятельности.....	95
3.2. Отличительные признаки преступлений и гражданско-правовых деликтов в сфере экономической деятельности.....	109
Заключение	134
Список литературы.....	139
Приложение.....	160

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Важность правильной оценки юридически значимых действий в правоприменительной деятельности неоспорима. Неслучайно в уголовно-правовой науке выделено специальное направление исследований, посвященное разработке теоретических основ квалификации преступлений. В доктрине встречаются предложения закрепить и структурно обособить правила квалификации в рамках самостоятельной главы Уголовного кодекса Российской Федерации или вне его путем издания свода таких правил, имеющего рекомендательное значение¹. При этом в одном из исследований справедливо указано на сочетание достаточной степени разработанности теории квалификации преступлений с отсутствием сформированного представления о правилах использования в механизме квалификации преступлений отраслевых и межотраслевых конструкций, формально находящихся за пределами уголовного права².

Ключевая роль в процессе квалификации содеянного отводится уголовно-правовым нормам. Вместе с тем, охранительный характер уголовного права обуславливает его связь с другими отраслями материального права как на законодательном уровне при решении вопроса о криминализации, так и на правоприменительном в процессе установления признаков состава преступления. Эта связь выражена законодателем текстуально при описании уголовно-правовой нормы бланкетным способом. Разработка круга проблем, связанных с введением в российское уголовное законодательство таких уголовно-правовых норм и спецификой применения их на практике, длительное время ведется российскими учеными-юристами. Однако констатировать достаточную изученность вопроса о значении положений иного отраслевого (неуголовного) законодательства для процесса ква-

¹ См. например: Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 174, 260; Идрисов Н. Т. Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблема правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 11.

² Тарханов И. А., Челышев М. Ю., Хасанов Р. А. Гражданско-правовые конструкции в механизме квалификации преступлений // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2003. № 4. С. 76.

лификации преступлений не представляется возможным. Особый интерес в данном контексте вызывает гражданское право, призванное регулировать динамично развивающиеся в условиях современной рыночной экономики общественные отношения.

Изучение межотраслевых связей уголовного права, обнаруживающихся при юридической квалификации содеянного, приобретает актуальность ввиду частых изменений уголовного законодательства. Рекордсменом можно назвать главу 22 УК РФ, число статей которой с 32 в первоначальной редакции возросло до 58. Необходимость обращения к нормам гражданского права в процессе квалификации деяний по статьям данной главы predetermined тем, что именно оно выступает правовой основой осуществления экономической деятельности. Проведенное анкетирование судей подтвердило, что нормы гражданского права в данном случае не только учитываются в процессе квалификации, но и позволяют сделать вывод о наличии или отсутствии в содеянном состава преступления.

Статистические данные подтверждают потребность в научной разработке вопросов квалификации деяний в сфере экономической деятельности. Согласно данным судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, число осужденных по статьям главы 22 УК в 2014 г. составило 3842, в 2015 г. – 4225, в 2016 г. – 5363, в 2017 г. – 6375, а в 2018 – 7717¹. Как видно, число лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности, увеличивается ежегодно более, чем на 1000. И это при том, что руководство страны в последние годы не раз негативно оценивало использование Уголовного кодекса в качестве инструмента решения хозяйственных конфликтов².

¹ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 04.05.2019 г.)

² Заседание коллегии Генпрокуратуры России 15 февраля 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56863> (дата обращения: 16.04.2018); Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 12.05.2018); Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Рос-

Квалификация деяния, как представляется, не ограничивается механическим процессом установления состава преступления, а требует понимания сути преступления и отличия его от иных правонарушений. Продолжительная научная дискуссия относительно целесообразности криминализации деяний в сфере экономической деятельности актуализируется в свете возможной перспективы появления уголовных проступков в российском законодательстве. В такой ситуации обостряется необходимость оценки существующих уголовно-правовых запретов на поведение субъектов экономической деятельности и обобщения специфики процесса квалификации их деяний.

Степень научной разработанности темы исследования. Обозначенная проблематика исследования вызвала необходимость обращения к обширному кругу доктринальных источников. Вопрос о значении нормативных правовых актов, к которым отсылает бланкетная диспозиция, для квалификации преступлений, ранее рассматривался в работах Л. Д. Гаухмана, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, К. В. Ображиева и ряда других авторов. Фундаментальный труд, посвященный межотраслевым связям уголовного закона, принадлежит перу Н. И. Пикурова. Интерес вызывает цивилистическое исследование М. Ю. Чельшевым межотраслевых связей гражданского права. Комплексный анализ системы российского права проводили Д. Е. Петров, С. В. Дорохин и другие правоведы. Значительное количество научных трудов посвящено различным вопросам квалификации преступлений в сфере экономической деятельности, среди которых необходимо акцентировать внимание на исследованиях Ю. И. Абоян, Б. В. Волженкина, А. Э. Жалинского, И. А. Клепицкого, В. Д. Ларичева, Н. А. Лопашенко, Э. С. Мурадова, М. В. Талан, В. И. Тюнина, Т. Д. Устиновой, И. В. Шишко, П. С. Яни и ряда других специалистов уголовного права. Влияние норм гражданского законодательства на квалификацию преступлений в сфере экономической деятельности (с позиции учения о логической норме права) на монографическом уровне рассмотрено Д. М. Пайвиным. Из опубликованных в 2018 г. работ, освещенных

щающих различные проблемы соотношения уголовного и гражданского права и заслуживающих внимания, следует отметить диссертации В. В. Александровой «Преступления в сфере экономики: проблемы соотношения и разграничения с гражданскими правонарушениями» и Д. В. Лопашенко «Соотношение частного и публичного в уголовном праве».

Несмотря на огромный вклад вышеназванных и других ученых-юристов в разработку проблемы определения роли норм гражданского права в процессе квалификации содеянного в сфере экономической деятельности, потребность в дальнейшем изучении данной темы сохраняется ввиду динамичности российского законодательства (специальное исследование, имеющее похожий вектор правового анализа, проводилось Д. М. Пайвиным в 2005 г.) и необходимости дальнейшего развития общей теории квалификации преступлений.

Цель исследования – выявление роли и значения гражданско-правовых норм в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности.

Необходимость достижения указанной цели обусловила постановку и решение следующих **основных задач**:

- определить, в чем выражается взаимосвязь уголовного и гражданского права с позиции философии и методологии науки;
- рассмотреть вопрос о значении частного и публичного права в формировании правовых основ общественных отношений в сфере экономической деятельности;
- выявить значение гражданско-правовых норм в легальном описании составов преступлений в сфере экономической деятельности бланкетным способом;
- разрешить вопрос о признании норм гражданского права источником российского уголовного права;
- оценить правильность употребления цивилистической терминологии при законодательном описании составов преступлений в сфере экономической деятельности и в судебной практике;

– исследовать степень использования гражданско-правовых норм в установлении содержания объективных и субъективных признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности;

– на основе анализа категории «общественная опасность» проанализировать проблему отнесения правонарушений в сфере экономической деятельности к преступлениям, уголовным проступкам и гражданско-правовым деликтам.

Объектом исследования являются особенности учета норм гражданского права в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности.

Предмет исследования – основополагающие межотраслевые связи уголовного и гражданского права, которые необходимо учитывать при криминализации деяний в сфере экономической деятельности; роль норм гражданского законодательства в установлении признаков составов преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, и отграничении их от гражданско-правовых деликтов.

В качестве **нормативной базы диссертационного исследования** выступили Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, иные федеральные законы. При анализе перспективных изменений действующего уголовного законодательства использованы находящиеся на рассмотрении в Государственной Думе Российской Федерации проекты федеральных законов.

Теоретическую основу исследования составили основные положения отечественной доктрины уголовного и гражданского права, а также относящиеся к объекту исследования труды ученых в области теории и философии права: С. В. Дорохина, М. Н. Марченко, В. С. Нерсесянца, Д. Е. Петрова, Э. А. Позднякова и ряда других.

Основные работы по гражданскому праву, ставшие базой для настоящего исследования, принадлежат перу М. М. Агаркова, Н. П. Асланян, Э. А. Евстигнеева, О. А. Красавчикова, Е. А. Суханова, Ю. К. Толстого, М. Ю. Чельшева и иных ученых.

Среди исследователей в области уголовного права, идеи которых восприняты автором настоящей работы, необходимо выделить Б. В. Волженкина, Л. Д. Гаухмана, Ю. В. Голика, Е. В. Епифанову, А. Э. Жалинского, А. В. Иванчина, Т. В. Кленову, И. А. Клепицкого, В. П. Коняхина, А. В. Корнееву, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецову, Н. А. Лопашенко, О. А. Мотина, А. В. Наумова, А. С. Новиченко, К. В. Ображиева, Д. М. Пайвина, Н. И. Пикурова, П. П. Пусторослева, А. И. Рарога, Т. Б. Сабитова, В. С. Савельеву, Э. Л. Сидоренко, Н. С. Таганцева, М. В. Талан, А. А. Толкаченко, Г. С. Фельдштейна, И. В. Шишко, О. Ф. Шишова, П. С. Яни и других авторов. Из молодых ученых необходимо отметить В. В. Александрову и Д. В. Лопашенко.

Эмпирической основой диссертационного исследования выступили: постановления Конституционного Суда РФ, обобщения судебной практики по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности в форме постановлений Пленума Верховного Суда РФ, статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации; справочные материалы правоприменительных органов (в том числе, Центрального Банка и Федеральной службы судебных приставов); 124 приговора 2010-2019 гг. российских судов по делам о преступлениях, предусмотренных главой 22 УК РФ, содержащих отсылки к гражданскому законодательству и размещенных в сети Интернет на сайтах sudact.ru, rospravosudie.com, consultant.ru, а также результаты анкетирования 112 судей.

Методологической основой диссертационного исследования является общенаучный диалектический метод познания, позволивший рассмотреть взаимосвязь уголовного и гражданского права в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Для достижения поставленных задач с его помощью было проанализировано содержание доктринальных и законодательных источников по изучаемой проблеме. Применены анализ и синтез, методы определения и классификации. В работе также использованы системно-структурный, историко-правовой, формально-юридический и иные методы научного познания.

Научная новизна диссертации заключается в том, что проведено комплексное монографическое исследование, теоретически обобщающее современ-

ные подходы к определению роли норм гражданского права в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Предложено авторское понятие влияния норм гражданского права на квалификацию преступлений. Установлено значение гражданско-правовых предписаний для определения содержания признаков составов преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ. Выявлены особенности квалификации данных преступлений с учетом норм гражданского законодательства. В результате рассмотрения вопроса об общественной опасности на примере посягательств в сфере экономической деятельности предложен нетрадиционный подход к проблеме введения в УК РФ категории «уголовный проступок».

На защиту выносятся следующие новые или содержащие элементы новизны положения:

1. В установлении правовых основ общественных отношений в сфере экономической деятельности частное и публичное право взаимно связаны, но не «сливаются». Поэтому не представляется возможным их объединение в некую единую правовую общность (отрасль), определяющую порядок осуществления экономической деятельности. Необходимость обращения к нормам гражданского права в процессе криминализации деяний в сфере экономической деятельности, описании соответствующих составов преступлений в уголовном законе и квалификации содеянного не меняет публичного характера отрасли уголовного права.

2. Характер соотношения уголовного и гражданского права, формирующих нормативную базу общественных отношений в сфере экономической деятельности, зависит от стадии юридического процесса. В силу охранительной функции уголовного права при криминализации деяний в сфере экономической деятельности законодатель опирается на определенное *гражданским* законодательством регулирование социальных отношений. Связь между данными отраслями текстуально выражается при описании состава преступления бланкетным способом. Однако при квалификации содеянного на первый план выходит уголовный закон, а нормы гражданского права используются правоприменителем исключительно с целью реализации задач *уголовного* законодательства.

3. Если состав преступления в сфере экономической деятельности описан с использованием легальных дефиниций гражданского права, их отраслевое содержание обязательно должно учитываться при квалификации преступлений. В противном случае нарушаются принцип системности, единство языка российского законодательства. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, обобщающие судебную практику по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, не должны искажать содержание понятийно-категориального аппарата гражданского законодательства.

4. О влиянии норм различных отраслей права на квалификацию преступления можно говорить только в том случае, если содержание одной или нескольких таких норм учитывается при установлении обязательных признаков состава преступления и потому определяет результат квалификации.

Содержание гражданско-правовых норм может:

1) непосредственно *использоваться* в процессе установления обязательных конструктивных признаков состава преступления в сфере экономической деятельности и *влиять на результат квалификации* содеянного. В таком случае в описательно-мотивировочной части правоприменительного акта должна содержаться отсылка к конкретным нормам гражданского законодательства, положения которых легли в основу юридической оценки деяния субъектом квалификации;

2) *учитываться* в процессе квалификации преступлений в случае, если обращение к нормам гражданского законодательства необходимо для установления факультативных признаков состава содеянного;

3) *не оказывать влияния на квалификацию* преступления. Это возможно, например, в случаях, когда гражданско-правовое понятие, используемое при описании состава преступления, является общераспространенным и однозначно понимаемым; если в УК РФ для целей определенной статьи (или группы статей) закреплена своя трактовка цивилистического понятия.

5. Признаки составов преступлений в сфере экономической деятельности несут в себе характеристику негативного (отрицательного), *запрещенного* общественно опасного поведения и устанавливаются только уголовным законом. С

помощью норм гражданского законодательства при квалификации преступлений определяются правила, закрепляющие *законный* порядок функционирования отношений в сфере экономической деятельности, а также уясняются содержание различных институтов гражданского права и смысл цивилистической терминологии. Потому представляется логически ошибочным утверждение о том, что гражданское законодательство содержит признаки составов преступлений.

6. На примере преступлений в сфере экономической деятельности представлено дополнительное обоснование несостоятельности идеи об отнесении нормативных правовых актов иной (неуголовно-правовой) принадлежности к формальным источникам уголовного права: в главе 22 УК РФ нет составов преступлений, содержание всех признаков которых устанавливается с помощью гражданско-правовых норм. Признать акты, к которым отсылает бланкетная диспозиция, материальными источниками уголовного права также не представляется возможным, поскольку общая теория права вкладывает иной смысл в данное понятие: это экономические, политические, социальные и иные условия жизни общества как силы, «творящие» право.

7. В целях экономии уголовно-правовой репрессии в отношении поведения субъектов экономической деятельности предлагается: а) не включать в главу 22 УК РФ составы преступлений, криминообразующие признаки которых отграничивают их от гражданского правонарушения только стоимостным критерием – размером причиненного ущерба; б) в наметившейся перспективе перевести в разряд уголовных проступков в сфере экономической деятельности преступления, наказание за которые не связано с лишением свободы; в) при введении в российское право категории «уголовный проступок» следует исходить из того, что он выступает разновидностью уголовно-правового деяния, не являющегося преступлением. Уголовный проступок не должен дополнять категоризацию преступлений.

В диссертации выражено авторское понимание проблемы, а также поставлен ряд вопросов, требующих дальнейшего осмысления и обсуждения. В целом

работа носит полемический характер. Поэтому диссертантка не претендует на бесспорность сформулированных выводов и на исчерпывающее освещение темы.

Теоретическая значимость результатов исследования состоит в том, что они углубляют и расширяют традиционные представления о содержании концептуальных вопросов о системе российского права, делении права на частное и публичное. Кроме того, уточняется содержание таких базовых категорий уголовно-правовой науки как источники уголовного права, общественная опасность, преступление и уголовный проступок, признаки состава преступления, преступления в сфере экономической деятельности. Полученные результаты исследования роли гражданско-правовых норм в процессе установления признаков составов преступлений в определенной мере развивают учение о теоретических основах квалификации преступлений, дополняют доктринальные разработки в области межотраслевых связей уголовного права РФ и философии уголовного права.

Прикладное значение диссертационного исследования состоит в том, что изложенные в нем положения и основанные на них выводы могут быть использованы: в правотворческой деятельности, направленной на дальнейшее совершенствование российского уголовного законодательства; при подготовке разъяснений Пленума Верховного Суда РФ; в правоприменительной деятельности субъектов квалификации; в ходе учебного процесса при преподавании уголовного права, курса «Квалификация преступлений» и производных от них спецкурсов, в том числе, по «Преступлениям в сфере экономической деятельности».

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается изучением широкого круга научных работ, в том числе ведущих ученых в области теории и философии права, уголовного и гражданского права; исследованием действующего уголовного и гражданского законодательства, устанавливающего правовые основы осуществления экономической деятельности; анализом находящихся на рассмотрении в Государственной Думе РФ проектов федеральных законов, а также практики применения уголовно-правовых норм, входящих в главу 22 УК РФ, и иных данных, составляющих эмпирическую базу исследования.

Апробация результатов диссертационного исследования. Диссертация подготовлена на кафедре уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, на заседаниях которой проходило ее обсуждение и рецензирование. Основные положения исследования нашли отражение в 15 опубликованных автором научных статьях, 4 из которых – в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Во время работы над диссертационным исследованием автор приняла участие в одной всероссийской конференции – «Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью» (Кубанский государственный аграрный университет им. Т. М. Трубилина, 26 октября 2018 г.) и 9 международных научно-практических конференциях, в том числе – «Право и политика: теоретические и практические проблемы» (Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, 20 декабря 2016 г.); «Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании экономических отношений» (Уральский государственный экономический университет, 16-17 марта 2017 г.); «Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики» (Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 11 апреля 2017 г.); «Юридический факультет Кубанского государственного университета: 60 лет служения науке и практике» (Кубанский государственный университет, 20 апреля 2018 г.) и др. Положения диссертации апробированы автором в процессе преподавания Общей и Особенной частей уголовного права, а также курса по квалификации преступлений на юридическом факультете им. А. А. Хмырова Кубанского государственного университета.

Структура работы определяется ее целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих шесть параграфов, заключения, списка литературы из 226 наименований и приложения.

Глава 1. МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ СВЯЗИ УГОЛОВНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В ПРОЦЕССЕ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

1.1. Взаимосвязь уголовного и гражданского права: философский (методологический) аспект

Межотраслевые связи в праве определяются как отношения взаимной зависимости, обусловленности и общности между различными правовыми отраслями, включая и их отдельные части¹.

М. Ю. Чельшев отмечает, что категория «межотраслевые связи» является широкой и включает в себя межотраслевое взаимодействие. Последнее представляет собой взаимную динамическую *связь* (здесь и далее курсив мой – Т. Б.) гражданского права и различных иных частей системы права, которая последовательно отражается на всех стадиях гражданско-правового регулирования и во всех элементах его механизма. Кроме того, цивилист указывает и на статическую связь, проявляющуюся во внешней форме права, в его источниках².

Конструктивная связь норм уголовного и гражданского права, с позиции Н. И. Пикурова, проявляется различными способами³ и не сводится лишь к охране общественных отношений, а представляет собой сложную систему, образованную путем имплантации в уголовное право разнородного нормативного материала, составляющего его инфраструктуру, а также посредством подключения диспозитивных элементов к императивному в целом методу данной отрасли права.

¹ Чельшев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2008. С. 74.

² Там же. С. 80. Ученый анализировал межотраслевые связи гражданского права (в меньшей степени – с уголовным), но представляется, что его выводы можно использовать для изучения различных правовых отраслей. Он устанавливает содержание правовой категории «межотраслевое взаимное влияние», представляющее собой процесс воздействия друг на друга различных, в некоторой степени взаимопересекающихся (в предметном и содержательном отношениях) правовых образований, в результате чего может происходить их известная трансформация. Она выражена в двух аспектах: 1) изменение и формирование новых правовых норм, а, возможно, и новых правовых институтов и других подразделений правовой отрасли; 2) установление направления и границ правореализации.

³ Пикуров Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград. 1998. С. 106.

Рассмотрим характер взаимосвязи гражданского и уголовного права при квалификации преступлений. Потребность в применении философского подхода к, казалось бы, исключительно прикладному процессу юридической оценки деяния в сфере экономической деятельности обусловлена следующими причинами. Во-первых, данный процесс связан не просто с установлением в деянии признаков состава, описанного в статьях Особенной части УК РФ, а с признанием его опасности для общества. При оценке общественной опасности деяния следует исходить как из самого законодательного запрета, так и особенностей социальных отношений, сложившихся в той или иной сфере в определенный исторический период. При этом опасность ненасильственных посягательств на отношения в сфере экономической деятельности не всегда очевидна. Во-вторых, данный процесс требует понимания значения каждой используемой нормы, ее роли в определении правовых рамок поведения субъектов общественных отношений. Здесь речь идет не об исключительно правовых вопросах, в частности, юридической силе норм. Она может быть равной, тем более что уголовное и гражданское законодательство находятся в ведении Российской Федерации. Субъект правоприменения должен использовать нормы гражданского права в той мере, в которой это необходимо для квалификации деяния, осознавая функции и назначение отраслей уголовного и гражданского права.

Уголовное право, будучи неотъемлемой частью правового универсума, может и должно постигаться с помощью философии. Речь идет не об анализе приемов юридической техники, отражающих связи отдельных норм друг с другом. Философски можно подойти к проблемам, сути правовых предписаний, сформулированных с помощью этих приемов. Еще в начале XIX в. немецкий философ А. Фейербах отмечал, что «положительное правоведение (юриспруденцию) может философия только объяснять, но обладать оным не должна»¹.

Вместе с тем, философские основы уголовного права в целом и квалификации преступлений, в частности, изучены довольно слабо, что объясняется, прежде

¹ Приводится по: Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. В. А. Томсинова. М., 2014. С. 292.

всего, отсутствием в нашей стране исторически устоявшегося, общепризнанного мнения о необходимости «подпитки» уголовного права философией. Но все же философские направления в отдельные исторические периоды существовали в науке уголовного права. Мыслители, анализируя бытие в целом и бытие человека в частности, его связи с окружающим миром и другими людьми, не могли не обратить внимание на отклоняющиеся от нормы акты поведения, нарушающие общественный порядок. Потому философа часто можно одновременно назвать также и правоведом, государствоведом. В политико-правовых трактатах сформулированы подходы к определению природы преступлений и гражданских правонарушений, а также их разграничению.

Говоря о философии уголовного права, французский философ XIX в. Адольф Франк отмечает: «ни в одной другой отрасли человеческого знания не переплетаются между собой более прямым образом, чем в ней, права частных лиц и права общества, его спокойствие, мир и достоинство, и даже сама нравственность, или, по крайней мере, общественная совесть, без которой нравственность не осуществима на Земле»¹. Что касается философии уголовного права, – отмечает Ю. В. Голик – то она поможет выработать современную систему наказаний, максимально использовать в уголовном праве метод поощрения, дать интегративное понятие преступного и непроступного. Осознание сущности преступления позволит более четко и адекватно соответствующему периоду времени формулировать конкретные составы преступлений и строить сам уголовный закон, а также разграничить преступление и проступок².

Возможность выбора каждым ученым направления своего исследования обусловила существование различных подходов к изучению уголовного права и отдельных его институтов. Безусловно, необходимо философское осмысление понятийно-категориального аппарата уголовного права. Любая новая философская концепция уголовного права, как и философско-правовая теория, формулируется

¹ Цит. по: Философия уголовного права / сост. Ю. В. Голика, А. Ю. Голик. СПб., 2004. С. 34.

² Там же. С. 8-9.

на основе предшествующих теорий и находится с ними в необходимой преемственной связи¹.

В сфере права действует один из классических законов диалектики – закон единства и борьбы противоположностей или закон диалектической противоречивости. Этот закон, получивший всеобщее значение, требует уточнения для правильного понимания. По справедливому замечанию П. В. Алексеева, нельзя механически соединять произвольно вычлененные моменты и выдавать их за проявление «противоречий» и доказательство силы диалектики. Так, вовсе не проявляется действие закона диалектической противоречивости, а просто имеет место существование противоположностей между черным и белым, низом и верхом, правой и левой стороной дома². Таким образом, не всякие противоположности, находящиеся в единстве, оставляют противоречие. Для того чтобы противоположности образовали противоречие, они должны находиться во взаимодействии (проникать и отрицать друг друга); в противоречиях – и единство, и борьба. Диалектические противоречия наблюдаются только там, где есть развитие, самодвижение. Представляется, что данные положения применимы к рассмотрению соотношения уголовного и гражданского права. Между ними прослеживаются различия и тесная взаимосвязь, как на теоретическом, так и на практическом уровнях.

Если говорить о диалектике Г. В. Ф. Гегеля, то, исходя из созданной им системы мышления, любая идея находится в процессе непрерывного развертывания, который проходит через три стадии-триады: тезиса, антитезиса и синтеза. Любое понятие (тезис), по мнению ученого, содержит свою собственную противоположность (антитезис), а процесс перехода от одного к другому происходит через категорию синтеза. Синтез затем становится начальным пунктом новой триады. В философии права Гегеля развитие права происходит от абстрактных форм до конкретных, или от абстрактного права к морали, а затем к нравственности (семье, гражданскому обществу).

¹ Нерсесянц В. С. Философия права : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 9.

² Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. Учебник. М., 2015. С. 555.

Право, по Гегелю, развивается следующим образом. Абстрактное право включает в себя те права и обязанности, которые принадлежат человеческим существам не потому, что они являются гражданами, а просто потому, что они являются человеческими личностями. Эти права философ делил на три группы: собственность, контракт и ущерб (деликт и преступление). Право собственности является результатом свободной воли, поскольку какая-либо вещь может быть присвоена определенным лицом в качестве средства удовлетворения его потребности. Для Гегеля последствия права собственности, являющегося результатом действия свободной воли, заключается не в том, чтобы собственность была поделена поровну между людьми, а, скорее, в том, что она должна быть поделена неравно, в соответствии с разными способностями и талантами. Антитезисом собственности является контракт, с помощью которого человек может отказаться от собственности посредством акта свободной воли. Правонарушение является результатом противопоставления индивидом себя всеобщей воле. Преступление поэтому представляет собой отрицание права. Целью наказания является восстановление права, или, другим словами, восстановление истинной воли преступника – той, которая находится в согласии со всеобщей волей¹.

Суть юридической оценки деяния очень точно отразили А. В. Наумов и А. С. Новиченко: как и всякое познание, этот процесс представляет собой «достижения истины, переход от явления к сущности, от чувственных форм, в которых нам дается вначале преступный факт, к логической форме, к понятию преступления»².

В. Н. Кудрявцев подчеркивал значение философских категорий, характеризующих гносеологическую природу процесса применения нормы права к конкретному случаю. Наиболее важную роль играют, по мнению ученого, категории единичного и общего, конкретного и абстрактного, а также понятия абсолютной и относительной истины. Данная концепция квалификации преступлений основана

¹ Философия права. Учебник. / Под ред. О. Г. Данильяна. М., 2007. С. 130.

² Наумов А. В., Новиченко А. С. Законы логики при квалификации преступлений. М., 1978. С. 25.

на том, что конкретный факт действительности (преступление) – это единичное явление. Правовая же норма, с точки зрения ученого, содержит общее понятие, поскольку в ней закрепляются, фиксируются в обобщенной форме наиболее существенные признаки всех общественно опасных деяний данного вида. Особенное в квалификации преступлений В. Н. Кудрявцев не выделяет (что отличается от принятой в философии триады всеобщего, особенного и единичного), объясняя это тем, что «этот промежуточный термин принципиально не вносит ничего нового, так как “особенное”, в свою очередь, выступает в одной связи явлений как общее, а в другой – как единичное»¹.

Иначе подходил к этому вопросу А. С. Новиченко, признавая содеянное единичным, состав преступления – особенным, а подлежащую применению норму уголовного закона, в которой описан состав преступления – всеобщим. Именно конкретная норма уголовного права по мысли ученого имеет решающее значение для квалификации, а через состав как логическое основание квалификации «осуществляется переход от явления к преступной сущности совершенных действий, от эмпирически данного преступления к духовно конкретному»². Следует солидаризироваться с высказанной А. С. Новиченко позицией, что квалификация – не формальное сравнение элементов состава преступления, описываемого нормой, и признаков общественно опасного деяния. Напротив, это сложный оценочно-познавательный процесс, в котором устанавливается преступный характер совершенных действий³. Таким образом, в процессе квалификации через установление юридически значимых признаков правоприменитель приходит к выводу о преступности конкретного акта человеческого поведения. Другими словами, содеянное как соответствующее юридической модели состава преступления одновременно должно обладать всеми признаками преступления, из которых особо необходимо выделить общественную опасность.

¹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2004. С. 33-38.

² Новиченко А. С. Логико-методические основы квалификации преступлений: дис. ... канд. филос. наук. М., 1977. С. 154.

³ Там же. С. 7.

Представляется, что отдельное деяние – факт реальной жизни – по ряду признаков следует рассматривать как (единичное) проявление модели, закрепленной в УК в виде состава преступления (особенного), выступающего, в свою очередь, характеристикой преступления (всеобщего). Именно преступлению как категории высшего порядка при квалификации содеянного должно уделяться наибольшее внимание, поскольку уголовному праву известны случаи (малозначительность и обстоятельства, исключающие преступность деяния), когда деяние может содержать признаки состава, однако не обладает общественной опасностью и потому не признается преступлением.

Исследовав вопрос об истинности квалификации преступлений, А. В. Наумов и А. С. Новиченко приходят к выводу о том, что речь нужно вести о диалектическом взаимодействии моментов объективного (в квалификации преступления есть содержание, не зависящее от субъекта: уголовно-правовая норма, деяние) и субъективного (относительная самостоятельность в выборе путей познания фактических и юридических особенностей преступного деяния), абсолютного (наличие знаний, исчерпывающе объясняющих сущность конкретного преступления) и относительного (субъект квалификации отвлекается от многих обстоятельств совершения преступления, не имеющих юридического либо криминологического значения)¹. Вопрос об абсолютной и относительной истине при квалификации преступлений поднимает В. С. Савельева. Истинность (как философская категория) применительно к оценке преступления с позиции норм уголовного права рассматривается следующим образом: «Если юрист составил правильное представление о содержании соответствующей уголовно-правовой нормы и о соотношении между этой нормой и деянием, инкриминируемым обвиняемому, можно утверждать, что в результате квалификации преступления установлена объективная истина, если же нет, то квалификация будет ложной»².

¹ Наумов А. В., Новиченко А. С. Указ. соч. С. 58-59.

² Савельева В. С. Основы квалификации преступлений. Учебное пособие. 2-е изд. М., 2012. С. 16-18.

В литературе упоминается также философская составляющая отдельных элементов состава преступления. Так, при установлении объективной стороны материального состава «философские категории “причина” и “следствие” отражают объективные причинно-следственные связи и имеют универсальное значение»¹.

В опубликованных в относительно недавнее время научных работах представлен герменевтически-феноменологический подход, с позиции которого квалификацию преступлений следует рассматривать как постижение смысла определенной правовой ситуации и ее разрешение на основе действующей уголовно-правовой нормы. При этом понимание, интерпретация и ее применение находятся в неразрывном единстве, а потому В. В. Марчук отмечает, что «в контексте квалификации преступлений понимание фактических обстоятельств дела и постижение смысла уголовно-правовой нормы представляют собой не два отдельных акта, а единый процесс, в конечном итоге редуцирующийся в применении уголовно-правовой нормы»². Заслуживает поддержки мнение В. В. Марчука о том, что в основе понимания, предшествующего применению уголовно-правовой нормы, лежит историческое познание смысла закона, при котором должны учитываться не только воля законодателя и протоколы заседаний правотворческого органа. Важно осознание субъектом правоприменения произошедших с тех пор изменений правовых отношений, отражающихся на определении функции закона. Данное правило, с позиции названного автора, чрезвычайно актуально при изменении содержания норм, к которым отсылает уголовный закон при описании (бланкетным способом) состава преступления³.

Поскольку составы преступлений в сфере экономической деятельности в контексте темы исследования представляют особый научный интерес, следует обратить внимание на соотношение понятий «форма» и «содержание». В теории

¹ Поливцев А. В., Соловьев А. Н., Ставило С. П. Состав преступления: структура и характеристика элементов. Учебное пособие. Краснодар, 2000. С. 25.

² Марчук В. В. О философской основе квалификации преступлений // Философия права. 2009. № (32). С. 104-105.

³ Там же. С. 105.

права принято вести речь об организации неправовой (экономической) сферы жизни общества с помощью права – правовой формы. В этом случае правовая форма рассматривается не столько как прием опосредования и организации неправовой материи, сколько как способ воздействия на нее. Соответственно, содержание рассматривается преимущественно как объект или предмет воздействия со стороны всего права. Последнее выступает как относительно самостоятельное явление, «накладывающееся» на другие – экономические – неправовые феномены (институты, отношения) и оказывающее на них регулятивное воздействие. То есть право проявляется как форма по отношению к неправовому объекту (экономике), полностью опосредуя его и активно воздействуя на него¹.

Для социальной системы со смешанной экономикой, к которой относят Россию, соотношение права и экономики определяется следующим образом: право, учитывая объективные законы экономики, стремится с помощью нормативных установок восстановить социальную и экономическую справедливость в обществе. Целью правового регулирования является достойное существование всех членов общества, право – это средство в достижении социального компромисса. Динамичное же развитие экономических отношений влияет на изменения правовой базы². Таким образом, в настоящий момент, в противовес советскому периоду истории нашей страны³, соотношение права и экономики уже не видится как вторичная надстройка над базисом, на что было указано в Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере (далее – Концепция): «право, как система, влияющая на возникновение и существование формальных и неформальных институтов, является одним из тех важнейших механизмов, который не просто ускоряет или тормозит движение экономики, но и, по сути, предопределяет параметры экономической модели, поменять которую можно либо путем из-

¹ Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. М. Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2008. С. 432-435.

² Там же. С. 319.

³ В советский период полноценных философских школ уголовного права не существовало (как и в дореволюционное время философский подход был на второстепенных ролях), не было и кардинально отличающихся от материалистической теории взглядов на уголовное право.

менения реального правопорядка либо ценой экономического и социального кризиса»¹.

Право регулирует реально существующие общественные отношения. При этом основой формирования российской экономики, правовым полем гражданского оборота служит отрасль гражданского права. Именно данной правовой отрасли принадлежит первенство в определении дозволенного поведения участников экономической деятельности. Уголовное же право призвано охранять установленные гражданско-правовыми нормами правоотношения исходя из уровня развития общества и динамики процессов, происходящих в сфере экономической деятельности.

Велением законодателя норма может быть изменена или переведена в другую отрасль. Отношения же в общественной жизни так и существуют, но им придается другой вид правовой формы. С течением времени и она может подвергнуться корректировке: это будет иное видение законодателем тех же отношений с учетом трансформации политической и (или) социально-экономической ситуации в стране. Таким образом, принято считать, что право – это особая форма, где содержание – реальные общественные отношения. В действительности же право закрепляет в нормах новое содержание, представляющее собой модель общественных отношений, очерченную им же. Смена места нормы в системе права предполагает изменение содержания социальных взаимодействий. В сходном ракурсе рассматривает данный вопрос А. В. Денисова, указывающая на способность уголовно-правовых норм творить объективную реальность: они действуют «как своеобразные масштабы, средства “измерения” и изменения поведения людей»².

Еще Н. С. Таганцев указывал на историческую изменчивость границы между неправдой уголовно наказуемой и уголовно безразличной: «Мы можем себе представить, в связи с условиями общественной культуры, что, например, в одном

¹ Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере на основании Поручения Президента Российской Федерации № ПП-3169 от 28 ноября 2009 г. [Электронный ресурс] URL: www.insor-russia.ru/files/modernUK.pdf С. 6. (дата обращения: 16.05.2019).

² Денисова А. В. Система российского уголовного права: теория, закон, практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 19.

периоде всякий обман при купле-продаже остается не наказуемым и влечет обязанность гражданского вознаграждения; в другом – признаются уже наказуемыми особенно тяжкие торговые обманы, например, обманы с особыми приготовлениями; а в третьем – становится наказуемым всякий торговый обман, подходящий под общие условия наказуемого мошенничества, так что, следовательно, при подобных изменениях неправда гражданская переходит мало-помалу в неправду сложную¹»². Из современных авторов эту мысль развивает Э. А. Поздняков: «Не существует неизменной границы, которая отделяла бы на вечные времена общественно целесообразное от нецелесообразного, вредное от невредного, то, что следует запретить, от того, что нужно дозволить»³.

Как отмечает Бочкарев С. А., соотношения гражданского и уголовного в древнем праве одним из первых коснулся основатель социологии права и юридической антропологии Генри Джеймс Самнер Мэн, который пришел к выводу, что доля одного и другого зависела от уровня развития соответствующего общества. Интерес вызывает вывод Мэна о том, что действующие в настоящее время уголовные законы не похожи на свои аналоги древних эпох: деяния, которые мы привыкли рассматривать как преступления, расценивались ранее как деликты (воровство, насильственное ограбление), влекущие ответственность в виде денежных выплат потерпевшему. Как среди германских племен, так и в англосаксонском праве ученый находит, что и за убийство, и другие преступления полагалась денежная компенсация, а виновные лица преследовались по деликтному праву, применяемому в случаях наступления гражданской ответственности, не вытекающей из обязательств по договору. Шотландский ученый Уильям Гэлбрейт Миллер также отмечает, что на исходе древних времен многие деяния, которые в

¹ Под сложной неправдой Н. С. Таганцев понимал ситуацию, когда содеянное одновременно наказуемо и уголовным, и гражданским законодательством, поскольку посягает и на норму «в ее реальном бытии», и причиняет имущественный ущерб (например, кража, поджог). При этом ученый отмечал, что граница между неправдой сложной и неправдой чисто гражданской также определяется исторически в зависимости от культурных условий конкретного народа. См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. В 2 ч. Часть 1 / Н. С. Таганцев. М., 2019. С. 67.

² Цит. по: Пусторослев П. П. Анализ понятия о преступлении. М., 1892. С. 124.

³ Поздняков Э. А. Философия государства и права. 2-е издание, исправленное и дополненное. М., 2016. С. 146.

настоящее время рассматриваются как преступления, признавались гражданскими деликтами¹. Таким образом, уже в исследованиях XIX века находит подтверждение мысль о том, что признание определенных видов человеческого поведения преступными в отдельном социуме зависит от уровня его представления о справедливом.

Следует учесть позицию Герберта Харта, представителя аналитической юриспруденции и правового позитивизма XX в., указывающего на соотношение норм уголовного и иного законодательства. Между ними, по мнению правоведа, есть некоторая аналогия, проявляющаяся в обеспечении их соблюдения санкциями. Однако социальная функция актов гражданского и уголовного законодательства различна. «Правовые нормы, предусматривающие порядок заключения договоров, завещаний или браков, не требуют, чтобы люди действовали определенными способами, хотя бы они того или нет. Такие законы... предоставляют своим субъектам возможность для самореализации и необходимую для этого юридическую среду»². Ученый отмечает: игнорирование предусмотренных для выполнения названных действий правил не является ни нарушением³, ни преступлением, а влечет только юридическую ничтожность совершенного акта или произошедшего события. Предписания же уголовного права, по мысли автора, представляют собой обеспеченный санкцией запрет на определенные типы поведения и потому отличаются самодостаточностью, поскольку не нуждаются в смысловом дополнении и подкреплении санкциями других отраслей законодательства. В этой позиции усматривается распространенное сегодня представление об уголовном праве как охранительной отрасли, велением публичной власти призванной дополнительно обеспечивать защиту регулятивного законодательства от нарушений.

В Уголовном кодексе предусмотрена ответственность за общественно опасные деяния. Именно государство в лице уполномоченного на то органа признает

¹ Бочкарев С. А. Философия уголовного права в истории европейских и англо-американских школ // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 140-141.

² Цит. по: Бочкарев С. А. Указ. соч. С. 143.

³ Данное высказывание может вызвать обоснованное возражение у современных цивилистов, поскольку гражданским правом также предусмотрен механизм привлечения к юридической ответственности.

тот или иной поступок таковым. Э. А. Поздняков отмечает, что, например, ловля рыбы или охота в запрещенное время или в запрещенном месте не столь оскорбительны для чувств всего российского общества. Появление такого состава в уголовном законодательстве вызвано скорее необходимостью государственной власти осуществлять её функции и задачи¹. И хотя праву как идеальной ценности приписывают способность независимо от политики и государства иметь свои особые цели и функции и реализовывать их, не представляется возможным думать, что политический курс лидеров государства вообще не влияет на него.

«Политика имеет неоспоримый приоритет не только над индивидуальным поведением, но и над позитивным законом и даже кодексом законов: она может лишать его силы, отодвигать на второй план, игнорировать, не отменяя его формально. Даже в случае, когда тот или иной политический факт не имеет правового оформления, он, тем не менее, часто соблюдается всеми как совершенно обязательный, будучи прочнее многих предписаний закона»². В то же время известно, что юридическая наука как раз призывает отказаться от такой модели регулирования общественных отношений, при которой право используется как «инструмент» для принятия государством решений, основанных на разовом интересе ограниченного круга лиц³. Однако перестройка нравственных ориентиров и повышение уровня правосознания как участников рынка (предпринимателей), так и государственных органов, требует времени.

Обозначенная проблема не нова и может быть увязана с изменениями социально-политического строя. Так, И. А. Клепицкий отмечает, что в результате идеологического кризиса в конце XIX в. право в разных странах мира представляло собой не воплощенную справедливость, а произвольно используемый государ-

¹ Поздняков Э. А. Указ. соч. С. 331.

² Там же. С. 138.

³ Российской уголовной политике, в том числе и в сфере экономической деятельности, посвящен цикл научных работ Н. А. Лопашенко. См.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009; Лопашенко Н. А. Уголовная политика по принципу «чего изволите?», или уголовный закон как средство решения всех проблем // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 1. С. 44-55. См. также: Огородникова Н. В. Российская уголовная политика на современном этапе: тенденции развития // Современные проблемы уголовной политики: материалы III Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2012.

ством способ решения текущих задач. Уголовные кодексы наполнялись нормами, вредоносность и аморальность которых не вполне очевидна, в том числе – и в хозяйственной сфере. Названный автор приводит в пример английское законодательство, в котором в качестве преступлений рассматривались деяния, связанные с неисполнением предписаний относительно регистрации и учета имущества и сделок с ценными бумагами, формирования и деятельности органов управления, функционирования офиса, гласности операций инсайдеров на фондовом рынке¹. Следует солидаризироваться с И. А. Клепицким в том, что недопустимость подобного поведения вытекает скорее из самого факта законодательного запрета, нежели из его негативной этической оценки широкими слоями населения.

Проблема отнесения законодателем того или иного акта человеческого поведения к правонарушению вообще и отдельной его разновидности объективно требует разрешения, но в то же время не имеет для этого надежной «формулы». Связано это с тем, что в самом правообразовании заложена двойственность (объективные и субъективные факторы правотворчества). Если же взглянуть еще глубже, самое главное, ключевое понятие всей юриспруденции – понятие *права* – имеет множество значений и интерпретаций в зависимости от того, какой юридической школы придерживается исследователь, исходя из своего уровня правосознания и господствующей правовой доктрины в его стране. Потому и вопросы о структуре права, роли составляющих его элементов неоднозначны в понимании.

В то же время, в разных правовых системах содержатся такие отрасли права, которые последовательно сформировались и обусловлены укладом жизни общества. Среди них – гражданское и уголовное право. С этой точки зрения, частное право является порождением свободного экономического развития, а, следовательно, – отмечает Е. А. Суханов, – именно оно составляет базу, ядро всякого правопорядка, основанного на рыночной организации хозяйства². При этом гражданско-правовые средства приемлемы только для защиты частных прав и интере-

¹ Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 16-17.

² Российское гражданское право: Учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е. А. Суханов – 4-е изд., стереотип. М., 2014. С. 58.

сов, однако в этом их эффективность не всегда достаточна – отмечает И. А. Клепицкий. Гражданское право прекрасно регулирует отношения между добросовестными людьми, но нередко оказывается бессильным для предотвращения недобросовестных посягательств¹. Уголовное же право во взаимодействии с иными отраслями законодательства призвано обеспечить в обществе правопорядок, соответствующий определенному этапу его исторического развития².

Примечательно, что идея деления позитивного права (на законы «распределительные» и уголовные) затронута еще в середине XVII в. в известном труде Томаса Гоббса. К распределительным мыслитель относил те, которые определяют права подданных, объявляя каждому человеку, каким путем он приобретает и сохраняет собственность на землю или на движимое имущество и право или свободу предъявлять иск. Отличительной чертой таких законов является то, что они адресованы всем подданным. В свою очередь, уголовными являются те, которые объявляют, какие наказания должны быть наложены на нарушителей закона, и эти законы адресованы не столько преступнику, сколько должностным лицам, ответственным за то, чтобы наказание было приведено в исполнение³. В современный период такое разграничение по адресату правовых норм уже не совсем отражает суть уголовного законодательства, одна из задач которого – предупреждение преступлений – охватывает как общую, так и частную (специальную) превенции.

Анализ взаимосвязи уголовного и гражданского права немыслим без обращения к проблеме деления права на частное и публичное. Данная идея известна мировой юридической мысли еще со времен классического римского права: Ульпиан провозгласил, что публичное право относится к положению Римского государства, а частное – к пользе отдельных лиц⁴. Таким образом, отграничение одного от другого проходит по линии интереса. Такое утверждение величайшего юри-

¹ Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 10.

² Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В. П. Коняхина и М. Л. Прохоровой. М., 2014. С. 7.

³ Гоббс Томас. Левиафан. Пер. с англ. А. Тутерман; вступ. ст. А. Ф. Филиппов. М., 2018. С. 358.

⁴ Медведев С. Н. Римское частное право. Учебник. Ставрополь, 2004. С. 20.

ста древнего мира позднее подвергалось критике по различным основаниям, но остается основополагающим в отечественной доктрине и сегодня.

Следует отметить, что позднее в науке предпринимались и другие попытки выделить критерии разграничения публичного и частного права. Например, С. В. Дорохин в своей работе на этот счет приводит две разновидности теорий: 1) материальные (теория интересов; теория, основанная на делении регулируемых отношений на имущественные и неимущественные); 2) формальные (теория инициативы защиты, теория различия положения субъекта в правоотношении, теория разделения права по характеру обязательности предписаний)¹.

В литературе также упоминается, что термин «публичность» появился в XVIII в. и включал в себя «общественное отношение, которое шире, чем отношение я – ты, так как вводит третьего, то есть того, кого мы встречаем как дополнение нас самих в некоем институте»². В этой связи Н. И. Пикуров справедливо полагает, что первоначальное содержание данного понятия выводилось из отношений конкретного человека, являлось развитием его частных интересов, появлением на этой почве относительно самостоятельного, общего для многих, публичного интереса. Понятие же частного появилось как парная категория при сопоставлении с ним³. В свою очередь, С. Н. Хорунжий отмечает, что многомерность удовлетворения публичного интереса обусловлена диалектическим преобразованием количества в качество, когда частный интерес некоторых частных лиц может стать социально значимым интересом неограниченного круга заинтересованных субъектов и тем самым подойти к признанию такого интереса уже публичным⁴. Таким образом, суть взаимосвязи уголовного права с частным некоторые ученые

¹ Дорохин С. В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект. М., 2008. С. 41. См. также: Лопашенко Д. В. Соотношение частного и публичного в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 19-34.

² Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 30.

³ Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права. 2-е изд. СПб., 2008. С. 504.

⁴ Хорунжий С. Н. Правовые основы защиты частных и публичных интересов // Юридическая наука. 2016. № 5. С. 39.

видят в том, что уголовно-правовая охрана частных интересов есть вполне естественная форма придания публичной значимости частным интересам.

В последнее время в научной литературе вектор рассмотрения проблемы существования частного и публичного права изменил направление с позиции их диаметрального противопоставления в сторону их сближения и взаимовлияния. Это связывают с тем, что общественные отношения в условиях рыночной экономики развиваются, появляются новые сферы правового регулирования и даже формируются новые правовые отрасли, многие из которых именуют комплексными. А. Э. Жалинский, считая опасным внедрение уголовно-правового регулирования в сферу частного права, тем не менее, настаивал на самостоятельном развитии институтов и норм Общей и Особенной частей уголовно-экономического права и предлагал даже принять уголовно-экономический кодекс, включающий административно-правовые и уголовно-процессуальные нормы¹. Кроме того, в литературе встречается идея о необходимости разделения права и соответственно правоотношений на публичные, комплексные (публично-частные и частно-публичные) и частные². Чельшев М. Ю., в свою очередь, считает допустимым использование термина «частно-публичное регулирование» и применительно к законодательству, и к праву в целом³, а предпринимательское право считает комплексным (вторичным) образованием, гармонично сочетающим публично-правовые и частноправовые начала⁴.

¹ Жалинский А. Э. Избранные труды: в 4 т. / сост. К. А. Барышева, О. Л. Дубовик, И. И. Нагорная, А. А. Попов; отв. ред. О. Л. Дубовик. Т. 2. Уголовное право. М., 2015. С. 313. В то же время, И. А. Клепицкий не видит оснований для выделения в действующем праве России хозяйственного уголовного права ни как самостоятельной (ввиду отсутствия предмета и метода правового регулирования), ни как комплексной (нормы хозяйственного и финансового права используются лишь при уяснении смысла уголовного закона, его толковании) отрасли права. С другой стороны, автор, рассматривая нормы о хозяйственных преступлениях как институт Особенной части уголовного права (что является наиболее распространенной позицией среди представителей отечественной уголовно-правовой науки и находит отражение в структуре УК РФ), считает, что названные нормы одновременно входят в комплекс хозяйственного (предпринимательского) права. См.: Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 53.

² Лупарев Е. Б., Добробаба М. Б., Мокина Т. В. Общая теория публичных правоотношений. М., 2011. С. 16.

³ Чельшев М. Ю. Указ. соч. С. 116.

⁴ Там же. С. 113.

Таким образом, на доктринальном уровне все чаще обосновывается мнение о том, что в современных реалиях происходит смешение частного и публичного права; частные начала проникают в публичные отрасли, а публичные начала – в частные; уже нет необходимости в привычном дуалистическом делении права; провести границу между частным и публичным интересом всё сложнее и т. п. «Публичному праву так же необходимо частное, как и частному – публичное. Усиление частных начал в уголовном праве (не в ущерб публичным) обязательно будет происходить в ближайшие годы и десятилетия – отмечает Ю. В. Голик. В противном случае уголовная юстиция просто захлебнется в потоке мелких уголовных дел и перестанет функционировать»¹. Остановимся подробнее на некоторых аспектах данной проблемы.

В правовой, равно как и в любой иной, системе... нет и не может быть не взаимосвязанных между собой и бездействующих элементов². Следует согласиться с А. Н. Аверьяновым в том, что «взаимодействие выступает как пульсирующая, динамическая система изменяющихся отношений между взаимосвязанными системами» и что «любая система является по существу комплексом взаимодействий, то есть она взаимодействует с другими системами множеством своих свойств, граней, сторон»³. Вместе с тем, каждая отдельная система «обладает комплексом свойств, регулирующих ее поведение таким образом, чтобы в условиях динамических изменений внешней среды и собственной внутренней структуры была бы обеспечена ее устойчивость и безопасность. Если этого нет, система утрачивает свои системообразующие свойства, ее целостность нарушается»⁴.

Д. Е. Петров считает взаимопроникновение и взаимодействие частных и публичных начал проявлением интеграции в праве, представляющей собой закономерность в развитии и функционировании системы права⁵. По словам ученого,

¹ Философия уголовного права. / сост. Ю. В. Голика, А. Ю. Голик. Указ. соч. С. 19.

² Философия права. Курс лекций: учебное пособие: в 2 т. Т. 2 / А. В. Аверин, И. А. Гобозов, А. Г. Гузнов [и др.]; отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2017. С. 254.

³ Там же. С. 256.

⁴ Там же. С. 257.

⁵ Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. С. 245-246.

возврат исключительно к дуалистическому делению не отражает современного состояния системы права и не влечет за собой открытия каких-либо новых закономерностей правового развития. В связи с этим он предлагает вектор сближения взаимоисключающих теоретических моделей строения права, основанный на признании его полиструктурности¹. Сомнения в необходимости по-прежнему строго отграничивать две указанные противоположности высказывает Г. Э. Адыгезалова, приводя аргументы представителей социологической школы права. Она полагает, что в условиях формирования новых отраслей (информационного, медицинского, образовательного и др.) деление права на частное и публичное становится еще более уязвимым, причем развитие новых отраслей права тормозит стремление отнести их к частному или публичному праву².

Действительно, система законодательства с течением времени меняется, обростаёт новыми элементами и приемами законодательной техники, связующими нормы различных отраслей для обеспечения полноты и внутренней согласованности правового регулирования. Если же говорить о структурном выделении новых отраслей права, представляется, что в большинстве случаев речь идет об объединении норм определенной сферы общественных отношений. Причем это явление не столь ново: в 1927 г. С. Ф. Кечекьян писал о земельном, рабочем, промышленном праве: «Всякая классификация есть не более, как весьма относительное орудие научного познания, и только. Ее истинность есть ее удобство, ее целесообразность»³. Таким образом, усомниться в концепции деления права на частное и публичное не представляется возможным по крайней мере до тех пор, пока не появится обоснованная научная концепция строения права, кардинально отличающаяся от существующей, базирующейся на древнеримской правовой мысли.

«Римская идея», по мнению Н. П. Асланян, не является просто классификацией, а отражает правопонимание римских юристов, констатировавших, что в

¹ Там же. С. 14.

² Адыгезалова Г. Э. Соотношение частного и публичного права с позиции социологического правопонимания. // Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. II. С. 14-15.

³ Кечекьян С. Ф. К вопросу о различии частного и публичного права. Харьков, 1927. С. 13.

праве в процессе его естественного развития сложились две сферы, два правопорядка, которые существенно отличаются друг от друга по своему «духу», обусловленному существованием в совместном человеческом общежитии двух сфер – общественной и частной жизни¹.

Концептуальный смысл данной идеи таков: главное, что отличает частное право от публичного – это «дух» правового регулирования, его начала: публичное право проникнуто началом иерархии, субординации, власти и подчинения, не применяемым в сфере частного права; частноправовые отношения государство не регулирует принудительно, а предоставляет их регулирование частной воле и частным соглашениям².

На наш взгляд, стоит согласиться с Н. П. Асланян в том, что «смещения частных и публичных начал не может быть в принципе, поскольку это начала взаимоисключающие, полярные: либо равенство сторон, либо власть и подчинение. Быть одновременно равным и подчиненным – нонсенс, а поскольку всегда побеждает тот, на чьей стороне сила, любое “смещение начал” с неизбежностью приведет к господству публичного начала и страна вновь может вернуться в тоталитарное, кратократическое государство, в котором личные права не имеют статуса неотъемлемых, а их попрание считается обыденным делом»³.

Поэтому речь нужно вести о взаимодействии различных отраслей, взаимном использовании «чужих» инструментов, методов правового регулирования, но никак не о проникновении частных начал в публичное право (и наоборот), не о появлении некоего нового «публично-частного» правового образования.

Примечательно, что даже имеющийся в России правовой институт, именуемый «публично-частное партнерство», по сути является публичным и имеет публичные цели, что подтверждается его как легальной, так и доктринальной дефинициями. В п. 1 ст. 3 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Россий-

¹ Асланян Н. П. Основные начала российского частного права : автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 30-31.

² Асланян Н. П. Основные начала российского частного права. Иркутск, 2001. С. 125.

³ Там же. С. 140.

ской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определено, что государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство представляет собой юридически оформленное на определенный срок соглашение ... в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества¹. В. Ф. Попондопуло в своем определении указывает на цель создания данного института: решение государственных, муниципальных и иных общественно значимых задач; а также на то, что объекты инвестирования находятся в сфере публичного интереса и контроля².

Каковы же «точки соприкосновения» уголовного и гражданского права?

Как отмечается в литературе, введение публично-правового регулирования в отраслях частного права может происходить в очевидной (когда в этих отношениях принимает участие правительство или его органы) и скрытой (использование механизмов публичного права, введение ограничений, запретов, санкций) формах³. При этом следует учесть еще и то, что далеко не всегда нормы, сформулированные, как мы думаем, диспозитивно, толкуются соответствующим образом. Так, в частности, Э. А. Евстигнеев приходит к выводу о том, что большинство норм об исполнении обязательств действующего ГК РФ включают в себя императивные положения, а некоторые из них и вовсе в полном объеме являются императивными. В итоге практически 50 % гражданско-правового регулирования имеет императивный уклон. Хотя суд вследствие загруженности может воспринять норму императивного характера как диспозитивную⁴. В основу настоящей работы

¹ Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13 июля 2015 № 224-ФЗ / СЗ РФ. 2016. № 27. ст. 4294.

² Попондопуло В. Ф. Публично-частное партнерство: понятие и правовые формы. URL: <http://m.ppt.ru/news/134718> [Электронный ресурс] дата доступа: 20.10.2017.

³ Измоденов А. К., Коростелева К. В. Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании экономических отношений: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 16–17 марта 2017 г.). Екатеринбург, 2017. С. 107.

⁴ Евстигнеев Э. А. Императивные и диспозитивные нормы в договорном праве. М., 2017. С. 174.

положена идея о взаимосвязи, взаимодействии и взаимовлиянии уголовно-правовых и гражданско-правовых норм. В то же время, изучение круга вопросов, связанных с влиянием уголовного права на право гражданское не входит в предмет изучения, однако, представляется, что данная проблема в перспективе найдет своего исследователя.

В свою очередь, наличие частного в уголовном праве связывают, прежде всего, с частным интересом потерпевшего. Э. Л. Сидоренко его рассматривает как социальную категорию, допустимую правом возможность физических и юридических лиц распоряжаться принадлежащими им благами и на основе метода дозволения участвовать в уголовно-правовой оценке случаев посягательства на эти блага посредством выражения своей воли¹. К основным частным интересам в уголовном праве данный автор относит здоровье человека как личное неимущественное благо, личную свободу, честь и достоинство личности, конституционные права человека и гражданина, право собственности. Н. И. Пикуров же выделяет два типа частных интересов, попадающих в сферу действия уголовного закона. Это интересы, непосредственно охраняемые уголовным правом без опосредования нормами других отраслей (честь и достоинство человека, половая свобода женщины). Второй тип образуют частные интересы, урегулированные нормами гражданского и других отраслей права (отношения собственности, коммерческая тайна)². О. А. Мотин констатирует наличие группы охраняемых уголовным законом отношений, в которых главенствуют частные интересы. Автор считает необходимым дополнить Общую часть УК РФ нормой, связывающей вопрос о наступлении уголовной ответственности за совершение конкретных преступлений (в диссертационном исследовании 2005 г. выделил 43 состава преступлений, предусмотренных 37 статьями УК РФ) с волеизъявлением потерпевшего³. В частности, в случае согласия потерпевшего на причинение вреда, по мысли ученого, отсут-

¹ Сидоренко Э. Л., Карабут М. А. Частные начала в уголовном праве. СПб, 2007. С. 17.

² Пикуров Н. И. Указ. соч. С. 38.

³ Мотин О. А. Частный интерес в системе объектов уголовно-правовой охраны: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 13.

ствуется нарушенный объект уголовно-правовой охраны, а значит, нет состава преступления¹.

Кроме того, в уголовном праве есть отдельные проявления диспозитивности, институты, в которых допускается выбор варианта поведения (Э. Л. Сидоренко именуется их средствами диспозитивности): институт примирения с потерпевшим, согласие потерпевшего², добровольное согласие на лечение от наркомании. И, разумеется, в уголовном законе содержатся положения, допускающие определенный выбор суда: это статьи с альтернативными санкциями (коих большинство в УК), возможность освобождения лица от ответственности и наказания в определенных случаях и т. д.

Д. В. Лопашенко частное в уголовном праве видит в деятельном раскаянии, примирении с потерпевшим, специальных (закрепленных в Особенной части УК) видах освобождения от уголовной ответственности, освобождении от уголовной ответственности на основе ст. 76¹ УК, частных институтах и субинститутах. Частными данный автор признает институты частного и частно-публичного обвинения, привлечения к уголовной ответственности в рамках частно-публичного порядка по заявлению частной коммерческой или иной организации, а также согласия лица на причинение вреда³.

Также в некоторых ситуациях одновременно применяется уголовное и гражданское законодательство: при компенсации потерпевшему причиненного преступлением вреда, при причинении вреда в состоянии крайней необходимости.

Следовательно, в частном праве встречаются нормы императивного характера, а в публичном допускается некоторая диспозитивность. Но «размывания»

¹ Там же. С. 93.

² Д. В. Лопашенко высказала интересную мысль: наличие согласия потерпевшего как критерий наступления уголовной ответственности умаляет значение объекта главы 23 УК РФ и противоречит теории общественной опасности, предполагающей, что преступление как общественно опасное деяние посягает не только на права и законные интересы потерпевшего, но и на безопасность и защищенность общества в целом. См.: Лопашенко Д. В. Частно-публичный порядок привлечения к уголовной ответственности в случае совершения преступлений, предусмотренных главой 23 Уголовного кодекса Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 199-201.

³ Лопашенко Д. В. Соотношение частного и публичного в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 14-15.

границ между ними нет и не может быть. Различные способы, методы правового регулирования в той или иной отрасли права применяются именно с целью всесторонней охраны определенных, очерченных ею отношений. Сама же суть правовых предписаний от этого не меняется.

На основе вышеизложенного, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, представляется, что правоведам следует больше внимания уделять философской составляющей уголовного права. Это необходимо для понимания особенностей охраняемых общественных отношений, выбора способов правового воздействия на них на законодательном уровне, в том числе – при определении отраслевой принадлежности правонарушения.

Взаимосвязь гражданского и уголовного права при установлении правовых основ общественных отношений видится в следующем. Их единство проявляется, прежде всего, в совместном создании нормативной базы правопорядка. Нарушение норм любой из указанных отраслей является недопустимым, а потому преступления и гражданско-правовые деликты являются в равной степени проявлением нарушения *права*. Кроме того, как гражданское, так и уголовное законодательство содержит санкции, способы защиты нарушенных прав.

Противоположность гражданского и уголовного права является социально обусловленной и исходит из назначения каждой из отраслей: гражданское право – это основа рыночного товарооборота, нормативная база частной жизни граждан, позволяющая удовлетворять их имущественные и личные неимущественные потребности. Уголовное же право защищает в целом общество и государство от опасных актов поведения. Именно рассмотрение уголовного и гражданского права как самостоятельных явлений, но действующих совместно и противопоставляемых друг другу, позволяет исследователю выявить новые качества каждого из них.

Во-вторых, при криминализации и декриминализации деяния в сфере экономической деятельности и сопоставлении его с имеющимися видами гражданских правонарушений на законодательном уровне сталкиваются объективный и субъективный факторы правотворчества. С одной стороны, разница между пре-

ступлением и гражданским правонарушением должна быть объективна и определяема общественной опасностью с учетом предмета, целей, задач, содержания каждой из отраслей. С другой стороны, граница между конкретным преступлением и гражданско-правовым деликтом, отраслевая принадлежность того или иного правового запрета может быть смещена под влиянием как правосознания субъекта права законодательной инициативы, так и политического курса руководства страны. И все же представляется, что главным показателем преступности деяния должна служить его общественная опасность, а не противоправность.

1.2. Взаимосвязь норм уголовного и гражданского права в процессе квалификации преступлений: юридический аспект

В продолжение характеристики взаимосвязи норм уголовного и гражданского права следует остановиться на исходных теоретико-правовых вопросах, подлежащих учету при квалификации преступлений. Охранительный¹ характер уголовно-правовой отрасли предполагает развитую систему межотраслевых связей с регулятивными отраслями как публичного, так и частного права. Поэтому, чтобы обеспечить внутрисистемное согласование правовых предписаний, законодатель использует различные способы оформления их заимствования для выра-

¹ В то же время, в литературе можно встретить указание на то, что назначение уголовного права не сводится только к охране общественных отношений, регулируемых другими отраслями. Так, Ю. Е. Пудовочкин и С. С. Пирвагидов отмечают, что нормы гражданского, семейного и иных отраслей не только регулируют, но и охраняют гражданско-правовые, семейные и иные общественные отношения. В свою очередь, нормы уголовного права не применяются в случае совершения гражданско-правовых, административно-правовых и иных деликтов, а потому проводить четкий водораздел между регулятивными и охранительными отраслями права нельзя. См.: Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых государств. СПб., 2003. С. 25. В свою очередь, П. С. Яни придерживается позиции, согласно которой правовая охрана отношений, регулируемых отдельными отраслями права, входит в понятие «регулирования». См: Яни П. С. Актуальные проблемы уголовной ответственности за экономические и должностные преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996. С. 55. О наличии регулятивной функции (в узком смысле) уголовного права, наделяющего граждан определенными правами, связанными с правомерным причинением вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, см. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. П. Коняхина и М. Л. Прохоровой. Указ. соч. С. 9, 15.

жения уголовно-правовой нормы. Н. И. Пикуров сводит их к следующим вариантам: использование «чужих» предписаний со всеми атрибутами нормы и имплантация отдельных признаков таких норм, заимствование терминов, а также более сложных лексических структур иной отраслевой принадлежности¹. Названный автор отмечает, что уголовное право, соединяясь в динамичные системы с нормами практически всех отраслей права, не только имплантирует их предписания в свою ткань для определения границ между преступным и не преступным, но и само передает им часть своей юридической энергии, присутствуя в качестве потенциальной силы, например, при заключении гражданско-правовой сделки, охраняя стороны от возможных мошеннических действий². Как и любая другая, правовая связь предполагает взаимность, однако в рамках настоящей работы рассмотрены лишь отдельные ее проявления: влияние уголовного права на гражданское не входит в предмет исследования³.

Наиболее ярко взаимосвязь норм различных отраслей права прослеживается на примере квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. В данной сфере действуют нормы гражданского, уголовного, административного, финансового и иных отраслей права. По справедливому замечанию М. Н. Марченко, если предположить, что из системы отраслей права «выпадет» или перестанет функционировать гражданское, уголовное право или любая иная отрасль современного права, это, несомненно, парализует действие не только других, в особенности близко «прилегающих» к ним отраслей права, но и правовой системы национального или любого иного уровня в целом⁴.

Большинство составов преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, законодатель описывает бланкетным способом. Этот факт не мог не вызвать сре-

¹ Пикуров Н. И. Указ. соч. С. 143.

² Там же, С. 17.

³ Вместе с тем, отметим, что одним из ярких примеров зависимости гражданско-правового регулирования от уголовно-правовой оценки деяния является институт признания сделки ничтожной (ст. 169 ГК РФ). В случае исполнения такой сделки, при наличии умысла у обеих сторон, в доход государства взыскивается все полученное ими по сделке. Основанием для применения такой жесткой санкции гражданского права является, в частности, признание в действиях субъектов сделки состава преступления.

⁴ Философия права. Курс лекций под ред. М. Н. Марченко. Указ. соч. С. 255.

ди ученых-юристов спор о самых разных теоретических и практических проблемах¹ (реальных и мнимых), связанных с отсылкой к нормам иной (неуголовно-правовой) отраслевой принадлежности². Ведь, исходя из ст. 1 и ст. 3 УК РФ, уголовное законодательство состоит из Уголовного кодекса; и преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только им. Поэтому а priori УК является источником уголовного права и его норм. Содержание же уголовно-правовой нормы, сконструированной бланкетным способом, складывается из нормативных предписаний уголовного закона и других нормативных правовых актов. Поэтому в рамках настоящего исследования необходимо выявить природу взаимосвязи уголовно-правовых норм и норм иной отраслевой принадлежности при отсылке к ним.

Прежде всего, стоит определиться с терминологией. В научной литературе можно встретить употребляемые как синонимы понятия: «бланкетная диспозиция», «бланкетная норма», «бланкетный состав». В этой связи следует согласиться с Б. В. Волженкиным, указывающим на то, что «ни уголовно-правовая норма как общеобязательное правило поведения, ни состав преступления как совокупность признаков, характеризующих деяние как преступление, не могут быть бланкетными. Бланкетен лишь способ изложения соответствующей нормы в диспозиции статьи закона и в описании состава преступления опять-таки в статье закона. Поэтому бланкетными могут быть лишь диспозиции статей уголовного закона»³.

В наиболее общем виде можно выделить следующие основные вопросы, ответы на которые ищут представители уголовно-правовой науки:

¹ Подробнее: Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2003. С. 241-247.

² Некоторые авторы утверждают, что бланкетность диспозиций экономических статей вызывает необходимость обращения также к решениям, принятым в порядке гражданского судопроизводства. См. об этом, например: Тарбагаев А.Н., Тарбагаева Е.Б. Особенность применения бланкетных норм при квалификации преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ // Уголовное право. 2010. № 2. С. 73-76.

³ Волженкин Б. В. О содержании бланкетных диспозиций статей об экономических преступлениях в УК РФ // Актуальные проблемы юридической ответственности за нарушения в сфере экономической деятельности и налогообложения. Материалы третьей научно-практической конференции. Ярославль, 2004. С. 22.

— являются ли нормы, к которым отсылают диспозиции статей главы 22 УК РФ, источниками уголовного права (или уголовно-правовой нормы)?

— как найти баланс между использованием полезных свойств формулирования диспозиций бланкетным способом (экономичность, гибкость уголовного закона) и недопущением неточности, неясности, «размытости» уголовно-правовой нормы?

— нужно ли сохранять терминологическое единство или в уголовном законе может содержаться собственная трактовка понятий иной отраслевой принадлежности?

— влияют ли (и если да, то как) нормы различных отраслей права на квалификацию преступлений?

Ответ на вопрос, является ли гражданское законодательство (равно как и нормы иных материальных отраслей, к которым отсылает бланкетная диспозиция уголовного закона), источником уголовного права или уголовно-правовых норм, является принципиальным, поскольку определяет характер взаимодействия норм гражданского и уголовного права как при конструировании составов преступлений, так и квалификации деяния. От четкой и ясной обрисовки состава преступления в законе напрямую зависят результаты практической деятельности в сфере противодействия преступности. Поэтому еще на стадии описания состава «творцу» уголовного закона важно найти баланс между использованием полезных свойств формулирования диспозиции бланкетным способом и недопущением неточности, неясности, «размытости» уголовно-правовой нормы. Интересна правовая позиция Конституционного Суда РФ по этому вопросу. Во-первых, в одном из своих постановлений Суд указал на то, что принцип правовой определенности, обязывающий федерального законодателя формулировать уголовно-правовые предписания с достаточной степенью четкости, позволяющей лицу соотносить с ними свое поведение – как дозволенное, так и запрещенное – и предвидеть вызываемые им последствия, не исключает введения в уголовный закон юридических конструкций бланкетного характера. Во-вторых, обратил внимание на необходимость оценки степени определенности содержащихся в законе понятий исхо-

дя не только из самого текста закона и используемых в нем формулировок, но и из их места в системе нормативных предписаний, а также с учетом смежных составов правонарушений. И, в-третьих, высший орган конституционного правосудия решил важную проблему, которая была предметом многолетних научных дискуссий¹: конституционность бланкетной конструкции как таковой не ставится под сомнение и в случаях, если нормы, несоблюдение которых влечет уголовную ответственность, установлены подзаконными нормативными правовыми актами².

Остановимся на проблеме отнесения актов, к которым отсылает бланкетная диспозиция, к источникам уголовного права. Анализ научной литературы по изучаемой проблеме позволяет с определенной долей условности выделить следующие точки зрения по рассматриваемому вопросу:

1. Нормы иной отраслевой принадлежности являются источником уголовного права. М. А. Ибрагимов и К. В. Ображиев в подтверждение этого тезиса указывают на то, что изменение нормативных актов иной отраслевой принадлежности, на которые имеется ссылка в уголовном законе, влечет изменение содержания уголовно-правовой нормы³. В свою очередь, Ю. Е. Пудовочкин, С. С. Пирвагидов считают правомерным признание источниками уголовного права нормативных актов, к которым отсылает бланкетная диспозиция, но только на уровне федеральных конституционных и федеральных законов⁴.

2. Рассматриваемые нормативные акты являются источником уголовно-правовой нормы. Так, Т. В. Кленова отмечает, что «источником бланкетной уголовно-правовой нормы кроме уголовного закона выступают и нормативные акты

¹ В частности, Н. Ф. Кузнецова писала, что все статьи УК РФ, описанные бланкетным способом, должны иметь единую формулировку – «незаконное», рассматриваемую в узком смысле. Она полагала, что субъект квалификации должен обращаться именно к законам, а не подзаконным актам. См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М., 2007. С. 114.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О. Е. Недашковского и С. П. Яковлева» // СПС «КонсультантПлюс»

³ Ибрагимов М. А., Ображиев К. В. Нормативные акты иных отраслей права как источники уголовного права: монография. Ставрополь, 2005. С. 24.

⁴ Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Указ. соч. С. 176.

других отраслей права»¹. Д. М. Пайвин с позиции концепции логической нормы права (основанной на разработках теории права), согласно которой понятие «норма права» шире понятия «статья нормативно-правового акта», утверждает, что нормы УК РФ составляют санкции логических норм, диспозиции которых состоят из положений гражданского законодательства². Будучи противником самого термина «логическая норма», В. П. Коняхин полагает, что «реальная правовая норма» никогда не имеет адекватной обособленной законодательной формы. Содержание реальной правовой нормы включает также бланкетную ее часть, нередко охватывающую предписания, закрепленные в нормативных правовых актах других отраслей законодательства³. Н. И. Пикуров говорит о полной уголовно-правовой норме: это запрет как система объединенных в единый состав преступления признаков, содержащихся в различных нормативных предписаниях, к которым отсылает уголовный закон⁴.

3. Нормативные правовые акты, к которым необходимо обращаться в процессе применения уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией для уяснения отдельных признаков состава преступления, относятся к источникам уголовного права не в формальном, а в материальном смысле⁵.

4. Данные нормативные правовые акты служат источником толкования уголовно-правовой нормы⁶.

Изучение научных трудов отечественных правоведов позволило сделать вывод, что позиция авторов, признающих нормативные акты, к которым отсылает бланкетная диспозиция, формальным источником уголовного права, является

¹ Кленова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара, 2001. С. 144.

² Пайвин Д. М. Влияние норм гражданского законодательства на квалификацию преступлений в сфере экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

³ Коняхин В. П. Указ.. соч. С. 179.

⁴ Пикуров Н. И. Указ. соч. С. 99.

⁵ Пшипий Р. М. Бланкетная диспозиция уголовно-правовой нормы: доктринальное понимание, законодательные подходы к конструированию и проблемы применения (на примере главы 22 УК): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. С. 12.

⁶ Ключко Р. Н. Бланкетность уголовно-правовых норм и критерии определения источников уголовно-правового регулирования // Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 4. Правазнаўства. Псіхалогія. 2007. № 4. С. 41-43.

скорее исключением, нежели правилом. Причина такой ситуации очевидна: наличие противоречие постулату об уникальности УК РФ как акта, составляющего уголовное законодательство России. Представляется, что применительно к Особенной части¹ уголовного права действительно неверно рассматривать акты, к которым отсылает бланкетная диспозиция, в качестве формального источника.

Именно в Особенной части Уголовного кодекса содержится исчерпывающий перечень составов преступлений и их основная характеристика, тогда как нормативные правовые акты, к которым отсылают бланкетные диспозиции, сами по себе не содержат уголовно-правовых норм. Если говорить о гражданском законодательстве, то в нем закреплены правила, закрепляющие *законный* порядок гражданского оборота, раскрывается содержание различных институтов гражданского права и смысл цивилистической терминологии и предусмотрены гражданско-правовые санкции за нарушение данных норм. Таким образом, утверждать, что нормы гражданского права – формальный источник уголовного права – просто нелогично. В уголовном законе закрепляются *противоправные*² деяния, имеющие максимальную степень общественной вредности, именуемой общественной опасностью. Задача уголовного права отнюдь не сводится к тому, чтобы установить санкцию за нарушение всех гражданско-правовых отношений. Так, например, по ст. 170 УК РФ наказуемым является не само по себе совершение незаконной сделки с недвижимым имуществом (такая сделка в соответствии с гражданским законодательством может быть оспоримой или ничтожной), а ее регистрация, совершенная из корыстной или иной личной заинтересованности должностным лицом с использованием своего служебного положения.

Некоторым компромиссом среди представителей уголовно-правовой науки можно назвать признание рассматриваемых нормативных актов источником уголовно-правовой нормы, поскольку отрицать взаимосвязь предписаний различных

¹ Об источниках уголовного права применительно к Общей части УК РФ см. подробнее: Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. П. Коняхина и М. Л. Прохоровой. Указ. соч. С. 74-75.

² Кроме предусмотренных уголовным законодательством случаев совершения уголовно наказуемых деяний

отраслей права в определении правовых основ общественных отношений бессмысленно. Если говорить о формулировке статьи Особенной части уголовного закона, то следует признать, что гражданско-правовые положения содержательно вплетены в канву состава преступления, но лишь постольку, поскольку состав описан с использованием цивилистической терминологии и законодатель подразумевает обращение к институтам права гражданского. Например, чтобы квалифицировать действия лица по ст. 170 УК РФ, при установлении объективной стороны правоприменитель должен с помощью актов гражданского законодательства уяснить, в зависимости от обстоятельств совершения конкретного деяния, порядок ведения государственного кадастра недвижимости и (или) Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, а также правила определения кадастровой стоимости объектов недвижимости. Но все же, опять-таки, состав данного преступления закрепляется только в Уголовном кодексе Российской Федерации, значит, и формальным источником уголовно-правовой нормы гражданское законодательство быть не может. Ведь каждый признак состава преступления определяет общественную опасность, противоправность, виновность и наказуемость деяния. Нормы гражданского права такую функцию не выполняют. Потому их учет при квалификации преступлений в сфере экономической деятельности видится необходимым не с позиции вопроса об источниках права, а ввиду признания норм различных отраслей взаимосвязанными. Как отметил А. В. Иванчин, «конструируя состав преступления и размещая его в уголовном законе с использованием бланкетной диспозиции, законодатель фиксирует все его признаки именно в УК РФ»¹. Другое дело – отмечает ученый – что они должны быть согласованы с иноотраслевым законодательством.

Вопрос о возможности отнесения гражданско-правовых норм к материальным источникам уголовного права разрешим при обращении к теории права. Данная фундаментальная наука признает таковыми экономические, политические, социальные и иные условия жизни общества как силы, «творящие» право. Ми-

¹ Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика. М., 2014. С. 51.

рошник С. В. отмечает, что к названному виду источников права следует относить материальные условия жизни общества, порождающие потребность правового регулирования общественных отношений, необходимость достижения компромисса прямо противоположных интересов различных субъектов¹. Итак, именно меняющиеся социально-экономические условия жизни определяют вектор правового регулирования в целом и отдельных отраслей права. Потому формальный источник одной отраслевой принадлежности (права гражданского) не может служить материальным для другого формального (в нашем случае – уголовного закона).

Следующим немаловажным моментом, возникающим при квалификации преступлений, является установление содержания цивилистической терминологии. Поскольку понятия гражданского права используются во многих других отраслях права и законодательства, М. Ю. Чельшев отмечает, что гражданско-правовая отрасль имеет межотраслевое терминологическое значение². Н. И. Пикуров же утверждает, что пренебрежение правилами связи слов и терминов при формулировании состава преступления, а также неточное определение отраслевой принадлежности термина и области его применения могут повлечь за собой ошибки в квалификации преступления³».

Заметим, что сама по себе отсылка к нормам других отраслей права еще не означает, что норма сформулирована неточно, неясно, непонятно. Нужно, прежде всего, обращать внимание на речевые обороты при формулировании состава преступления. Так, С. С. Тихонова при анализе качества уголовно-правовых предписаний с позиции законодательной техники отмечает, что формулировка диспозиций статей 170¹ и 185⁵ УК РФ не выдерживает критики. Диспозиция ч. 1 ст. 185⁵ УК содержит многочисленные причастные обороты, не считая огромного количества однородных членов предложения, в связи с чем «смысловая нить» теряется при прочтении менее трети от общего текста диспозиции». Для устранения погрешностей текста такого рода автор предлагает разделить предложения, излишне

¹ Мирошник С. В. Источник права и форма права: соотношение понятий // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 35-37.

² Чельшев М. Ю. Указ. соч. С. 129.

³ Пикуров Н. И. Указ. соч. С. 102.

перегруженные синтаксическими конструкциями. Отступление от принципа экономии текста уголовного закона в данном случае, по словам С. С. Тихоновой, повысит эффективность восприятия уголовно-правовых предписаний правоприменителем¹.

В то же время, нельзя оставить без внимания позицию А. И. Ситниковой: «повышение ясности законодательного текста одновременно ведет к снижению точности нормативных предписаний... Следует отказаться от принципа упрощения нормативных текстов, за счет которого достигается пресловутая ясность. Решение проблемы качества уголовного закона связано с решением проблемы компетентности адресатов»².

Представляется, что правоприменитель в случае необходимости, например, установления признаков состава преступления, описанного в уголовно-правовой норме бланкетным способом, способен найти текст нужного акта гражданского законодательства. В этой связи можно согласиться, что проблема установления конкретного круга нормативных правовых актов, к которым отсылает бланкетная диспозиция, представляется надуманной ввиду современного потенциала таких информационно-правовых систем, как «КонсультантПлюс» и «Гарант»³. Поэтому вопрос об использовании цивилистической терминологии при применении статей главы 22 УК РФ состоит не в том, чтобы отыскать нужный гражданско-правовой нормативный акт, раскрывающий ее сущность, а в том, что в уголовном законодательстве встречаются случаи искажения значения «чужого» понятийно-категориального аппарата⁴. Ярким примером служит ст. 191 УК РФ, в которой неточно переданы понятия драгоценных металлов и драгоценных камней, что ста-

¹ Тихонова С. С. О качестве современного уголовного закона: юридико-технический аспект новеллизации УК РФ // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 173-174.

² Ситникова А. И. Проблема качества уголовного закона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2014. № 4. С. 125-126.

³ Пшипий Р. М. Указ. соч. С. 33.

⁴ И. В. Шишко в диссертационном исследовании отмечает, что иногда такое происходит еще и с одновременным обоснованием недопустимости использования значения, приданного этому термину в неуголовном законодательстве. См.: Шишко И. В. Взаимосвязь уголовно-правовых и регулятивных норм в сфере экономической деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 5.

новится очевидным при сопоставлении данной нормы со ст. 1 одноименного федерального закона¹. Также следует иметь в виду, что в процессе квалификации в редких случаях может возникнуть потребность в историческом толковании. Если изменилось наименование понятия в регулятивном законодательстве, но еще не произведена соответствующая терминологическая замена в уголовном, надлежит исходить из того значения, которое было определяющим на момент принятия уголовно-правовой нормы².

Необходимо отметить, что законодатель использует понятия, традиционно разрабатываемые гражданским правом, не только в главе 22 УК РФ. Они пронизывают всю ткань уголовного закона, начиная с первых его статей. Так, одной из задач уголовного законодательства является охрана собственности (ч. 1 ст. 2 УК РФ). В ст. 46 УК РФ при описании наказания в виде штрафа также массово используется гражданско-правовая терминология (иной доход, работник контрактной службы, контрактный управляющий, член комиссии по осуществлению закупок и иные уполномоченные лица, представляющие интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд и т. д.). В ст. 127¹ УК РФ объективная сторона состава преступления характеризуется как купля-продажа и совершение иных сделок в отношении человека, а ст. 127² УК РФ упоминает правомочия, присущие праву собственности. Однако наибольшее количество упоминаний в уголовном законе цивилистических понятий в силу особенностей охраняемых общественных отношений содержится в главе 22.

Итак, терминология гражданского права, используемая при описании составов преступлений в сфере экономической деятельности, может содержаться:

¹ См. об этом: Благоев Е. В. Дискуссионные вопросы конструирования норм о преступлениях в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 2. С. 5-6.

² Ругина О. А. приводит в пример изменение в 2002 г. термина в законодательстве о рынке ценных бумаг с «проспект эмиссии ценных бумаг» на «проспект ценных бумаг», что не послужило тогда препятствием для применения ст. 185 УК РФ. См.: Ругина О. А. Судебное толкование уголовного закона и его роль в законотворческой и правоприменительной деятельности. М., 2014. С. 38.

1) В гражданском законодательстве, включающем федеральные законы во главе с Гражданским кодексом, Указы Президента и Постановления Правительства, нормативные правовые акты иных федеральных органов исполнительной власти. В данном случае использование гражданско-правовой терминологии должно сопровождаться сохранением ее содержания. В судебной практике, как правило, подтверждается настоящий тезис. Так, например, в приговорах по делам о незаконной банковской деятельности суды всегда приводят положения ФЗ «О банках и банковской деятельности», закрепляющие понятие банка, кредитной организации.

2) В материалах судебной практики. Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного суда РФ (не утратившие силу) содержат толкование различных терминов, которое фактически приобретает нормативный характер несмотря на то, что до сих пор идут споры относительно правовой природы данных актов и возможности считать их источниками права. Как видится, судебное толкование термина одной отраслевой принадлежности, как и законодательное определение, должно сохранять свою силу и применительно к другой отрасли права. Возникает вопрос: должно ли уголовное законодательство использовать значение понятия, если оно содержится не в Постановлении Пленума Верховного Суда, а выработано судебной практикой в рамках рассмотрения конкретного дела по существу? Как известно, решение не признавать сон беспомощным состоянием принято Президиумом Верховного Суда РФ. Разумеется, встречаются также и ситуации, когда значение определенного понятия устанавливается непосредственно в ходе гражданского судопроизводства. Особенно интересна эта ситуация в контексте применения к гражданским правоотношениям аналогии закона. Этот вопрос пока остается открытым и требует дальнейшего осмысления. Однако в условиях непризнания прецедента источником российского права вряд ли правовая наука даст на него положительный ответ.

3) В цивилистической доктрине. Даже сами цивилисты не признают ее источником права. Обоснованные учеными выводы, изложенные в комментариях, монографиях и т.д., обычно представляют собой результат доктринального (науч-

ного) толкования закона и других источников права, но не имеют обязательного характера¹. Так что наука уголовного права более свободна в определении содержания термина иной отрасли, если он не является законодательным. Получается, что в случае отсутствия легальной дефиниции, термин иной отраслевой принадлежности может трактоваться именно в интересах уголовно-правовой отрасли без привязки к гражданской.

Далее рассмотрим, какие рекомендации по применению терминологии гражданского права в процессе квалификации содеянного содержатся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. Примечательно, что в данных актах встречается использование такой терминологии, но при этом с отличным от традиционного для цивилистики содержанием. Так, в п. 7 постановления № 48 Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»² указано, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве *в установленном законом порядке*. Далее отмечается, в каких случаях преступления следует считать совершенными в сфере предпринимательской деятельности. На первый взгляд, данное определение дублирует понятие, закрепленное в абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ (при этом ссылка на указанную норму в постановлении не содержится). Однако это не совсем так. В гражданском законодательстве сказано, что лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве *в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено Гражданским кодексом*. По смыслу ст. 23, 86.1 ГК РФ и Федерального закона от 11 июня 2003 г.

¹ Российское гражданское право: Учебник. Под ред. Е. А. Суханова. Указ. соч. С. 86.

² Российская газета. 2016. 24 ноября. № 7134 (266).

№ 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»¹ граждане могут вести совместную деятельность в области сельского хозяйства как путем создания юридического лица – крестьянского (фермерского) хозяйства, так и без образования юридического лица на основе соглашения о создании крестьянского (фермерского) хозяйства. В обоих случаях к данной предпринимательской деятельности применяются правила гражданского законодательства, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями. Таким образом, в названном выше постановлении Пленума Верховного Суда явно не отражен особый правовой статус лиц, являющихся главами фермерского хозяйства, которые, разумеется, занимаются предпринимательской деятельностью. Кроме того, с 2017 г. (после выхода постановления № 48) в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности гражданским законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (абз. 2 п. 1 ст. 23 ГК РФ). Об особом статусе самозанятых граждан будет сказано ниже.

В то же время в постановлении № 23 Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве», раскрывающем сущность состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ², в п. 1 отмечено, что в соответствии со ст. 23 ГК РФ гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации, в качестве индивидуального предпринимателя, а глава крестьянского (фермерского) хозяйства – с момента государственной регистрации крестьянского (фермерского) хозяйства. Также при характеристике ст. 176 УК РФ и Федеральная служба судебных приставов в своих Методических рекомендациях³ отмечает, что глава крестьянского (фермерского) хозяйства, осуществляющий деятельность без образования юридического лица,

¹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42662/.

² URL: <http://base.garant.ru/1353895/> (дата обращения: 12.03.2018).

³ Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства (утв. ФССП России 15 апреля 2013 г. № 04-4). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.03.2018).

признается предпринимателем с момента государственной регистрации крестьянского (фермерского) хозяйства (ст. 23, 257 ГК РФ).

Похожая ситуация встречается в постановлении № 32 Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»¹. В п. 6 Постановления дается следующая трактовка ключевого для цивилистики понятия: к сделкам как признаку преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174¹ УК РФ, могут быть отнесены не только действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (это положение соответствует ст. 153 ГК РФ), но и на создание видимости возникновения или перехода гражданских прав и обязанностей. Очевидно, что в один ряд поставлена сделка в ее подлинном, «чистом» виде и ничтожная (абсолютно недействительная) по смыслу ст. 170 ГК сделка, не имеющая юридической силы. Представляется, что при конструировании составов и квалификации преступлений в сфере экономической деятельности использование устоявшихся и имеющих легальное закрепление гражданско-правовых понятий допустимо только в их исходном содержании. Примечательно, что Федеральная служба судебных приставов при выявлении и пресечении преступлений в сфере экономической деятельности на основе названных выше рекомендаций опирается именно на дефиницию сделки, указанную в ст. 153 ГК РФ (прямая отсылка к этой статье дается при описании состава преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ). Проведенное анкетирование судей показало, что 74 % опрошенных считают подобные ситуации недопустимыми и нарушающими принцип единообразного применения юридической терминологии, в то время как 26 % респондентов полагают, что уголовное законодательство может с учетом своей специфики сужать или расширять содержание терминологии гражданского права.

Другая немаловажная проблема учета норм гражданского права при юридической оценке содеянного обнаруживается в п. 1 этого же постановления Пленума

¹ Российская газета. 2015. 13 июля № 6722 (151).

Верховного Суда РФ. В нем зафиксировано положение, прямо не указанное в тексте уголовного закона, а именно: предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174¹ УК РФ, могут быть денежные средства или иное имущество, полученные в качестве платы за сбыт предметов, ограниченных в гражданском обороте. Получается, чтобы уточнить, какие предметы ограничены в гражданском обороте, необходимо учитывать ст. 129 ГК РФ, которая, в свою очередь, отсылает еще к другим законодательным актам. Таким образом, Верховный Суд акцентирует внимание на том, что пласт гражданского законодательства, используемого для квалификации преступлений в сфере экономической деятельности, может быть шире, чем это явствует из формулировки диспозиции статьи УК РФ.

Примечательно, что в названных выше постановлениях необходимость обращения к нормам гражданского права логически вытекает из текста, но прямо Пленум Верховного Суда РФ на это редко указывает. Исключением в этом смысле является его постановление № 14 от 26 апреля 2007 г. «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака»¹. Верховный Суд РФ утверждает, что, разрешая вопрос о наличии в действиях лица составов преступлений, предусмотренных статьями 146, 147 и 180 УК РФ, суды должны учитывать положения гражданского законодательства о том, что использование результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридического лица, являющихся объектом исключительных прав (интеллектуальной собственностью), может осуществляться третьими лицами только с согласия правообладателя (п. 4). Кроме того, в тексте многократно встречаются ссылки на гражданское законодательство, в том числе – и на конкретную статью (в п. 24 содержится прямая отсылка к ст. 15 ГК РФ), а в п. 33 упоминаются даже законодательные акты, которые утратили силу, и указывается на необходимость вместо них использовать нормы части четвертой ГК РФ.

¹ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12053266/> (дата обращения: 14.06.2018)

Следует также иметь в виду, что при установлении признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности может возникнуть необходимость обращения к обобщениям судебной практики, изначально не имеющим уголовно-правовую направленность. Это, например, постановление № 28 Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости»¹. Кроме того, само понятие недвижимого имущества, сформулированное в ГК, применительно к различным жизненным ситуациям нуждается в уточнении и конкретизации. Если речь идет о, допустим, полученной законным способом квартире, этот термин однозначно понимаем. Однако если фактический статус объекта является спорным, правоприменителю целесообразно изучить позицию высшей судебной инстанции страны относительно толкования содержания ст. 130 ГК РФ. Изложена она в постановлении № 25 Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

В целом следует отметить, что взаимосвязь между нормами уголовного и гражданского права при квалификации преступлений в сфере экономической деятельности объективна и потому должна быть учтена при юридической оценке деяния. При этом уголовное законодательство и практика его применения (как отдельные судебные приговоры, так и обзоры и обобщения результатов рассмотрения уголовных дел) должны исходить из системности права. Необходимо исключить искажение содержания легальных дефиниций гражданского (как и иных отраслей) права, используемых в УК РФ.

Переходя к установлению роли гражданско-правовых норм непосредственно в квалификации преступлений, надлежит отметить следующее.

Понятие «квалификация» употребляется в праве применительно к отнесению социально значимого поведения людей по его качественным признакам к определенным разрядам, видам, категориям. Юридическая квалификация, высту-

¹ Российская газета. 2015. 10 июля № 6721 (150).

пая одной из важнейших стадий правоприменительного процесса, предполагает оценку всей совокупности фактических обстоятельств дела путем отнесения конкретной ситуации к юридическим нормам определенных отраслей права¹. Говоря об уголовно-правовой квалификации, важно отметить, что она является частным случаем квалификации юридической, осуществляется на основе норм уголовного закона и выступает в качестве квалификации преступлений.

По общепризнанному в уголовно-правовой науке мнению В. Н. Кудрявцева, квалификация преступления определяется как установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой². Таким образом, перед тем, как квалифицировать деяние в уголовно-процессуальном акте, необходимо осуществить определенную мыслительную деятельность, основанную на знании как норм права, так и законов логики. Ключевое значение в квалификации деяния имеют именно признаки состава преступления, ведь если неверно истолковать и уяснить содержание хотя бы одного из них, можно допустить ошибку в выборе нормы, подлежащей применению.

Юридически значимыми характеристиками поведения человека, которое подлежит уголовно-правовой квалификации, являются только те, которые могут быть соотнесены с абстрактной уголовно-правовой моделью состава преступления, включающую объект, объективную сторону, субъективную сторону, субъект преступления. Квалификация преступлений как форма правоприменительной деятельности позволяет установить основание уголовной ответственности (согласно ст. 8 УК РФ это совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом). Таким образом, базовой категорией для квалификации являются преступление и его состав.

В рамках теоретических основ квалификации преступлений отдельные аспекты вопроса о роли положений актов иной (неуголовно-правовой) принадлежности рассматривались в ракурсе выделения переменных признаков состава пре-

¹ Толкаченко А. А. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 2004. С. 9.

² Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 5.

ступления (главным образом, если он описан бланкетным способом). Это означает, по мнению В. Н. Кудрявцева, что конкретное их содержание зависит от другой, зачастую подзаконной нормы, относящейся к иной отрасли права. Переменный признак состава внешне как бы стабилен: текст соответствующей статьи Особенной части на протяжении ряда лет остается прежним. Однако в действительности содержание этого признака состава может существенно корректироваться из-за изменений подзаконной нормы¹. В то же время, в литературе встречаются уточнения о том, к какому уровню актов отсылает бланкетная диспозиция. В частности, Р. М. Пшипий полагает, что правоприменителю для конкретизации отдельных объективных и субъективных признаков состава преступления необходимо обращение к нормам иных отраслей законодательства, закрепленных в нормативных актах не только федерального, но и регионального, муниципального уровней, а также в локальных актах организаций². Соглашаясь с последней позицией, отметим, что обусловленность результата квалификации преступления актами регионального, муниципального и локального уровней не всегда очевидна при изучении текста уголовного закона, однако может проявиться при установлении обстоятельств конкретного дела.

С точки зрения Д. М. Пайвина, рассматривавшего вопрос об этапах квалификации преступлений, нормы гражданского законодательства могут оказывать влияние на квалификацию:

- при определении круга составов преступлений, признакам элементов которых соответствуют признаки деяния;
- при установлении соответствия признаков деяния признакам соучастия в совершении преступлений;
- в ходе установления соответствия признаков содеянного признакам квалифицированного состава преступления³.

¹ Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 111-116.

² Пшипий Р. М. Указ. соч. С. 9.

³ Пайвин Д. М. Указ. соч. С. 59-63.

При этом, по мнению автора, правильное применение положений гражданского законодательства при квалификации преступлений требует особого внимания правоприменителя при установлении объекта, предмета и субъекта преступления, а также потерпевшего.

Интересен подход С. А. Иванова, рассматривающего квалификацию преступлений через призму принципов уголовного права. В частности, в содержание принципа законности, по его мнению, входит следующее положение: квалификация не может выходить за пределы уголовного законодательства. Нормативные акты, к которым отсылает уголовный закон, – отмечает ученый – не заменяют его, а позволяют лишь конкретизировать те общие предписания, которые закреплены в статьях УК РФ¹.

Своего рода «прорывом» в разработке обозначенного круга проблем можно назвать сформулированное на уровне принципа указание на необходимость учета в процессе квалификации преступлений норм, к которым отсылает бланкетная диспозиция.

На взгляд К. В. Ображиева, «принцип точности квалификации преступлений сводится к обеспечению необходимой и достаточной конкретизации результатов уголовно-правовой оценки деяния, предполагая определенные требования к квалификации». К их числу названный автор относит следующее: «Если диспозиция подлежащей применению статьи (части статьи) Особенной части имеет бланкетную конструкцию, то есть в качестве обязательного признака преступления предусматривает нарушение специальных правил, в описательно-мотивировочной части правоприменительного акта необходимо указать конкретные пункты нарушенных правил»².

Справедливости ради следует отметить, что мысль о такой дополнительной характеристике принципа точности в российской уголовно-правовой доктрине появилась недавно и является скорее исключением, чем правилом. Да и вообще

¹ Иванов С. А., Третьяк М. И. Теоретические основы квалификации преступлений: курс лекций. Ставрополь, 2006. С. 30.

² Квалификация преступлений: учеб. пособие / под ред. К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. М., 2016. С. 71-73.

принципы квалификации выделяются не во всех работах, посвященных общей теории квалификации преступлений¹.

И все же прежде чем говорить о том, в каких случаях и каким образом нормы гражданского или иных отраслей права влияют на процесс и результат квалификации преступлений, следует определиться с тем, что понимается под таким влиянием норм. Как ни странно, этот вопрос до сих пор остается нерешенным. В этой связи возникает потребность в выработке критериев, опираясь на которые правоприменитель сможет определить, влияют ли положения, содержащиеся в той или иной норме, на квалификацию преступления. Это необходимо, чтобы не допустить установления «мнимой» связи конкретных норм гражданского и уголовного права при фактическом ее отсутствии.

Итак, влияние – это действие, оказываемое кем-чем-нибудь на кого-что-нибудь, воздействие². В свою очередь, воздействие – действие, направленное на кого-что-нибудь с целью добиться чего-нибудь, внушить что-нибудь³. Причем глагол «воздействовать» употребляется в качестве синонима слова «влиять».

В центре квалификации преступления – его состав, включающий обязательные и факультативные признаки. Все они образуют юридическую модель, и потому «лишних» признаков в ней нет. В то же время, вывод о преступности деяния формулируется субъектом квалификации на основе установления в нем тех базовых признаков, которые описаны уголовным законом. Представляется, что изучение влияния норм гражданского права на квалификацию преступлений должно отвечать потребностям правоприменительной деятельности в выборе конкретной уголовно-правовой нормы, описывающей запрещенное деяние. Потому акцент в настоящем исследовании сделан на обязательные признаки состава.

¹ Предприняты попытки выделить принципы квалификации преступлений, например, в работах: Корнеева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие / под ред. А. И. Рарога. М., 2009; Сабитов Т. Р. Система уголовно-правовых принципов: монография. М., 2012; Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. М., 2015.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 12-е, стереотип. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1978. С. 80.

³ Там же. С. 85.

Таким образом, можно говорить о влиянии норм различных отраслей права на квалификацию преступления только в том случае, если содержание одной или нескольких таких норм используется при установлении обязательных признаков состава преступления и отражается на результате квалификации.

Например, при квалификации деяния по ст. 172 УК РФ для установления объективной стороны необходимо доказать, что обвиняемый осуществлял банковскую деятельность (банковские операции). Его конкретные действия сопоставляются с положениями регулятивного законодательства, закрепляющего понятие и виды кредитных организаций, а также возможные для каждого из предусмотренных видов банковские операции и порядок их осуществления¹. Таким образом, в данном случае от положений актов гражданского законодательства, регламентирующих банковскую деятельность, зависит позитивная или негативная квалификация содеянного.

В то же время не всегда используемые в УК понятия гражданского права требуют обязательного уточнения содержания. Так, одна из форм деяния, предусмотренных в ст. 173² УК, – выдача доверенности. Представляется, что понятие «доверенность», хоть и разработано цивилистикой, является в большинстве случаев однозначно понимаемым. Также следует учитывать, что нормы гражданского права утрачивают значение для квалификации, если в Уголовном кодексе РФ закреплена своя трактовка цивилистического понятия. Например, в примечании к ст. 171⁴ УК РФ установлено содержание понятия незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, применяемое для целей данной статьи.

Как было отмечено выше, исходя из классического понимания квалификации преступлений, в содержание данного термина входит как процесс установления соответствия признаков общественно опасного деяния признакам состава преступления, так и его результат, выражающийся в юридическом закреплении данного соответствия. Получается, если правоприменитель в своей деятельности

¹ См. Федеральный закон от 02 декабря 1990 № 395-1 (ред. от 03.08.2018) «О банках и банковской деятельности» URL: <http://www.consultant.ru/>.

использует нормы гражданского или иной отрасли материального права, то это должно быть отражено и в результате квалификации, то есть в правоприменительном акте. Представляется, что это не противоречит положению ч. 1 ст. 1 УК и не говорит о необходимости признать неуголовное законодательство формальным источником уголовного права или его норм, но вполне отражает ход реальной мыслительной деятельности субъекта квалификации. Примечательно, что в гражданском судопроизводстве учитываются нормы уголовного права и указывается на то в судебном акте, если из существа дела вытекает, что может быть нарушено уголовное законодательство. Так, при рассмотрении спора о признании действительной сделки купли-продажи земельной доли, признании права собственности на земельную долю, проанализировав нормы гражданского права, суд отмечает, что сделка не является мнимой либо притворной. Основания для признания ее недействительной в соответствии со ст. 170 УК РФ у суда нет¹.

Немаловажным является вопрос о действии закона во времени. Если в гражданском законодательстве закреплен порядок ведения определенного вида экономической деятельности, а состав преступления содержит признак, отражающий нарушение этого порядка, то преступность деяния напрямую зависит от редакции регулятивной нормы. Так, например, если лицо осуществляло определенную предпринимательскую деятельность в нарушение законного требования о получении лицензии, при наличии прочих конструктивных признаков его деяние квалифицируется по ст. 171 УК РФ. Если же принимается нормативный правовой акт, в соответствии с которым данный вид деятельности исключается из перечня лицензируемых, деяние не подлежит квалификации по ст. 171 УК РФ. В то же время следует учесть, что формулировка ч. 1 ст. 10 УК РФ не содержит основания ее применения к таким случаям. Ведь в данной статье речь идет об Уголовном законе, с принятием которого связывается улучшение положения лица, совершившего преступление, в то время как в рассматриваемом нами примере диспозиция

¹ Решение Кавказского районного суда Краснодарского края по делу № 2-1017/2015 от 23 ноября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/11FPpCdSC9NB/> (дата обращения: 25.02.2019).

статьи Особенной части внешне неизменна. Поэтому в контексте действия закона во времени предлагаются правила квалификации преступлений, составы которых описаны в Уголовном законе бланкетным способом:

Правила применения ч. 1 ст. 10 УК РФ распространяются на случаи, когда следствием принятия, изменения или отмены нормативного правового акта, к которому отсылает статья Особенной части УК РФ для установления признаков состава преступления, становится устранение уголовной противоправности конкретного деяния или иное улучшение положения лица, совершившего преступление. Нормативный правовой акт иной (неуголовно-правовой) отраслевой принадлежности, принятие или изменение которого привело к расширению объема преступных деяний или иному ухудшению положения лица, совершившего преступление, при квалификации содеянного обратной силы не имеет.

Представляется, что такой алгоритм квалификации преступлений не ограничивается применением к преступлениям в сфере экономической деятельности. Похожие ситуации могут возникнуть при изменении, например, законодательного подхода к оценке степени тяжести вреда здоровью, а также к определению размера наркотических средств. Потому сформулированные правила могут не только дополнить теорию квалификации преступлений, а также, с учетом оценки допустимости их применения для юридической оценки по всем статьям УК РФ, описанным бланкетным способом, подлежать включению в ст. 10 УК РФ в рамках новой ее части (ч. 1.1).

С учетом того, что преступность деяния должна определяться нормой, действующей на момент его совершения, алгоритм использования норм гражданского права при квалификации преступлений в сфере экономической деятельности следующий:

1. предварительная уголовно-правовая оценка деяния: выбор статьи (нескольких статей) УК, подлежащей (подлежащих) применению;
2. установление редакции статьи (статей) УК РФ и времени начала ее действия на момент совершения деяния;

3. определение круга законодательных актов и конкретных норм, регулирующих отношения в сфере экономической деятельности, на которые было направлено посягательство;

4. уточнение даты вступления в силу данных актов, а также редакции подлежащих использованию статей регулятивного законодательства на момент совершения деяния;

5. уяснение сути предписания (предписаний), гражданского законодательства, необходимого для установления признаков состава преступления;

6. с помощью норм уголовного и гражданского права установление в содеянном составе преступления (либо формулирование вывода о его отсутствии);

7. в случае позитивной¹ квалификации указание в процессуальном акте на конкретную норму (подпункт, пункт, статья) гражданского законодательства и начало действия ее редакции, на основе которой был сделан вывод о наличии признака (признаков) состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой.

В контексте всего вышеизложенного, можно сформулировать ряд выводов, характеризующих взаимосвязь между нормами гражданского и уголовного права при квалификации преступлений в сфере экономической деятельности.

Во-первых, наличие этой связи выражено технико-юридическим оформлением статьи, при описании состава преступления бланкетным способом.

Во-вторых, нормы гражданского права не следует признавать ни формальными, ни материальными источниками уголовного права.

В-третьих, значение легальных дефиниций гражданского права должно сохраняться как на законодательном уровне при формулировании текста статей Особенной части УК РФ, так и при обобщении материалов судебной практики Пленумом Верховного Суда и правоприменителем в уголовно-правовой сфере.

¹ В правовой науке в зависимости от результата выделяют позитивную (в деянии установлены признаки состава преступления) и негативную (не установлены соответственно) квалификацию.

В-четвертых, представляется обязательным указание в мотивировочной части приговоров по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности на конкретные нормы гражданского права, потребность обращения к которым возникает в процессе квалификации деяния. При этом необходимо учитывать правила действия уголовного закона во времени и распространять их на гражданское законодательство, то есть применять редакцию нормативного правового акта цивилистической направленности, необходимого для установления признаков состава преступления, действовавшую во время совершения уголовно наказуемого деяния.

ГЛАВА 2. РОЛЬ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В УСТАНОВЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

2.1. Влияние норм гражданского права на установление объективных признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности

Под составом преступления в юридической науке принято понимать совокупность (систему) объективных и субъективных элементов, образующих общественно опасное деяние, признаки которого описаны в уголовном законе¹.

К объективным элементам состава относят объект (общественные отношения², охраняемые уголовным законом от преступных посягательств) и объективную сторону (внешнее проявление преступного посягательства). Объект включает следующие признаки: общественные отношения, предмет преступления, потерпевший; объективная сторона – общественно опасное деяние в форме действия или бездействия, общественно опасные последствия, причинно-следственная связь между ними, способ, место, время, обстановка, орудие, средство совершения преступления. Обязательным признаком объекта выступают общественные отношения, объективной стороны – общественно опасное деяние (в форме действия или бездействия), а для материального состава также общественно опасные последствия и их причинно-следственная связь с деянием.

¹ Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. П. Коняхина и М. Л. Прохоровой. Указ. соч. С. 148.

² Дискуссия об объекте преступления выходит за рамки настоящего исследования. См. подробнее: Винокуров В. Н. Объект преступления: аспекты понимания, способы установления и применения уголовного закона. М., 2012; Корякина Е. А. Жизнь человека как объект уголовно-правовой охраны: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011; Краснопеев В. А. Объект преступления в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2001; Мальцев В. В. Учение об объекте преступления. В 2 т. Волгоград, 2010; Мотин О. А. Указ. соч.; Павлов С. Н. Объект и последствия преступления в теории уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011; Семченков И. П. Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Софронов Е. П. Уголовно-правовая защита частного интереса в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. и др.

Прежде чем характеризовать конкретные объективные признаки составов преступлений в сфере экономической деятельности, следует отметить чрезвычайную динамичность положений уголовного закона, содержащихся в главе 22 УК РФ. В результате исторически изменчивой политической ситуации в России менялся и подход законодателя к определению круга общественных отношений в сфере экономической деятельности, подлежащих уголовно-правовой охране. И. А. Клепицкий приходит к обоснованному выводу о том, что в главу 22 действующего уголовного закона вошли 1) универсальные нормы, существовавшие в праве России до революции 1917 г., воспринятые советским законодателем и перешедшие (в обновленном виде) в УК РФ (175, 180, 186, 191, 198-199²); 2) норма, унаследованная (в обновленном виде) от советского права (ст. 192); 3) нормы, сформировавшиеся под влиянием зарубежного и дореволюционного русского права (171, 172, 174, 174¹, 176, 178, 183, 185, 185¹, 187, 189, 195-197); 4) новые нормы, оригинальное российское нормотворчество конца XX в. (169, 171¹, 177, 179, 181, 184, 190, 193, 194)¹. С момента выхода исследования И. А. Клепицкого (2005 г.) утратили силу анализируемые им статьи 173, 182, 188, однако в главу 22 УК были добавлены новые нормы, содержание которых позволяет дополнить его классификацию предписаниями, являющимися результатом правотворчества уже начала XXI в. К числу самых актуальных примеров можно отнести 199³, 199⁴, 200³, 200⁴, 200⁵, 200⁶ УК РФ.

На момент введения в действие УК РФ его глава 22 включала 32 статьи с описанием соответствующих составов преступлений, а в настоящее время² действуют 58 статей, периодически обрастающих дополнительными частями. Результаты одного из недавних исследований Н. А. Лопашенко впечатляют: с момента принятия УК РФ до 2018 г. 83,3 % статей главы 22 были изменены³.

¹ Примеры статей приведены по: Клепицкий И. А. Указ. соч. С. 47., но без учета статей, утративших силу.

² по состоянию на 23 июня 2019 г.

³ Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: о руинах уголовного закона // Законы России: Опыт, Анализ, Практика. 2018. № 2. С. 27.

Видовой объект рассматриваемой группы преступлений в сфере экономики – отношения в сфере экономической деятельности¹ – весьма неоднороден: в круг уголовно-правовой охраны входят связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности налоговые, кредитные, таможенные отношения; социальные связи в сфере рынка ценных бумаг, банкротства, управления юридическими лицами, оборота драгоценных металлов, алкогольной продукции, участия в долевом строительстве, сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд и др. Классифицировать имеющиеся составы преступлений на виды с учетом специфики разнообразных охраняемых отношений (а значит, объекта) возможно лишь на доктринальном уровне, поскольку в структуре главы 22 УК РФ названия подвидовых объектов не нашли отражения.

Так, например, в своей докторской диссертации Н. А. Лопашенко, используя в качестве классификационного критерия принципы осуществления экономической деятельности, выделила виды объектов преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ. Это общественные отношения, отвечающие 1) принципу свободы экономической деятельности; 2) принципу осуществления экономической деятельности на законных основаниях; 3) принципу добросовестной конкуренции субъектов экономической деятельности; 4) принципу добропорядочности субъектов экономической деятельности. Также ученый отдельно останавливается на сугубо уголовно-правовом принципе, который сформулирован ею как запрет заведомо криминальных форм поведения при осуществлении экономической деятельности².

М. В. Талан в зависимости от непосредственного объекта посягательства группирует преступления в сфере экономической деятельности на: 1) преступле-

¹ В данной работе воспринят подход ученых-юристов, признающих объектом в рамках главы 22 УК именно отношения в сфере экономической деятельности, а не сферу экономической деятельности как место преступного посягательства. См.: Российское уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / под ред. В. П. Коняхина и М. Л. Прохоровой. М., 2015. С. 300.

² Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1997. С. 33-34.

ния, связанные с нарушением установленного порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности; 2) преступления, направленные на недопущение монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции; 3) таможенные преступления; 4) преступления в сфере финансовой деятельности¹. К пятой группе было отнесено преступление, связанное с нарушением прав потребителей, однако в декабре 2003 г. деяние, предусмотренное ст. 200 УК, было декриминализовано. В другой научной и учебной² литературе также традиционно предпринимаются попытки сгруппировать составы преступлений главы 22 УК РФ в зависимости от определенной сферы охраняемых уголовным законом общественных отношений, однако вступать в полемику с российскими учеными-юристами относительно количества и наименования таких подгрупп в рамках настоящего исследования нецелесообразно. Интерес вызывает именно степень участия норм гражданского законодательства в квалификации преступлений вне зависимости от области законодательного регулирования конкретных общественных отношений. Анализ судебной практики показал, что даже в приговорах по делам, связанным с нарушением налогового законодательства, встречаются отсылки к положениям права гражданского. Вопрос о корректности с точки зрения архитектоники уголовного закона нахождения той или иной статьи именно в 22, а не иной главе УК РФ, также находится вне поля нашего внимания, поскольку неоднократно рассматривался на страницах научной печати, принадлежащей перу авторитетных российских ученых.

¹ Талан М. В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2002. С. 86-90.

² Например, в учебнике, подготовленном кафедрой уголовного права и криминологии КубГУ, выделены преступления против: 1) конституционных гарантий и свобод осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности; 2) установленного порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности; 3) интересов кредиторов; 4) отношений, обеспечивающих добросовестную конкуренцию; 5) установленного порядка обращения денег и ценных бумаг; 6) установленного порядка осуществления внешнеэкономической деятельности; 7) установленного порядка обращения драгоценных металлов, драгоценных камней и иностранной валюты; 8) установленного порядка уплаты налогов и сборов. См: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. РФ В. П. Коняхина и М. Л. Прохоровой. Указ. соч. С. 308-309.

Как отмечалось ранее, связь между нормами уголовного и гражданского права при регламентации отношений в сфере экономической деятельности очевидна уже на уровне законодательства. Прежде всего, заметим, что изменения гражданского законодательства в определенной сфере могут вызвать вопрос о круге охраняемых общественных отношений и, вместе с тем, и объеме запрещенных деяний. Ярким примером служит ст. 171 УК РФ, предусматривающая ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или лицензии в случаях, когда последняя обязательна.

На важность учета норм законодательства о лицензировании указывает п. 17 постановления № 23 Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве», из которого следует, что если лицо в нарушение требований закона о получении соответствующего специального разрешения (лицензии) осуществляло один из видов лицензируемой деятельности, а впоследствии соответствующий вид деятельности был исключен из перечня лицензируемых, то в действиях лица отсутствует состав преступления, предусмотренного статьей 171 УК РФ¹.

Вместе с тем, в мае 2014 г. в ст. 49 ГК РФ внесены изменения. Теперь в предусмотренных законом случаях юридическое лицо может заниматься отдельными видами деятельности также на основании специального членства в саморегулируемой организации (далее – СРО) или выданного ею свидетельства о допуске к определенному виду работ.

В соответствии с ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»² (далее – ФЗ № 315) такая организация разрабатывает и утверждает стандарты и правила предпринимательской или профессиональной деятельности, под которыми понимаются требования к ее осу-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/1353895/#friends#ixzz5FdkpxEuN> (дата обращения: 14.06.2018).

² Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» от 01.12.2007 № 315-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/ (дата обращения: 14.06.2018).

ществлению, обязательные для выполнения всеми членами саморегулируемой организации. Вступление в такие организации является добровольным. Однако есть случаи и обязательного членства, предусмотренные федеральным законодательством. Это касается, например, лиц, выполняющих инженерные изыскания; тех, кто осуществляет подготовку проектной документации; арбитражных управляющих; организаций-участников финансового рынка; аудиторов; лиц, осуществляющих энергетическое обследование; оценщиков; актуариев.

СРО в рамках своей деятельности взаимодействует с государственными органами и органами местного самоуправления, осуществляет профессиональное обучение, аттестацию работников ее членов или сертификацию произведенных ими товаров (работ, услуг), если иное не установлено федеральными законами. Также осуществляет контроль путем проведения плановых и внеплановых проверок и вправе применять меры дисциплинарного воздействия, предусмотренные ФЗ № 315 (в числе которых – наложение штрафа и рекомендация об исключении лица из членов СРО) и внутренними документами саморегулируемой организации в отношении своих членов.

Важно отметить, что СРО входят в специальный государственный реестр, который ведется уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти (в зависимости от сферы деятельности). Все вышеуказанные и другие положения законодательства, характеризующие деятельность СРО и ее членов, позволяют сделать вывод о том, что по своей сути СРО выполняют функции, похожие на те, что осуществляют органы, лицензирующие отдельные виды деятельности. При этом фактическая деятельность лиц, не вступивших в СРО в случае, если такое членство обязательно в соответствии с законом, вполне может быть общественно опасной (например, в области промышленной безопасности) и сопряженной с извлечением дохода в крупном или особо крупном размерах, предусмотренных уголовным законодательством для состава преступления в рамках ст. 171 УК РФ. Закономерно встает вопрос о том, что объективную сторону

незаконного предпринимательства необходимо характеризовать в Уголовном кодексе РФ тремя (а не двумя) формами преступной деятельности¹.

Некоторые ученые-юристы² выступают против идеи признавать в качестве объекта данного преступления установленный порядок осуществления предпринимательской деятельности, обеспечивающей соблюдение экономических интересов и прав граждан, организаций, государства как раз в силу того, что такой подход приводит к распространению действия ст. 171 УК РФ на случаи осуществления предпринимательской деятельности в нарушение правил законодательства о саморегулируемых организациях³. В действительности же судебная практика уже идет по такому пути несмотря на то, что в этом можно усмотреть применение уголовного закона по аналогии.

По одному из уголовных дел⁴ был признан виновным в осуществлении незаконной предпринимательской деятельности в сфере строительства многоквартирных жилых домов Т., который являлся генеральным директором и учредителем ООО, осуществляющего розничную торговлю преимущественно пищевыми продуктами. При этом в приговоре сначала указано на то, что лицо не вступало в Ассоциацию саморегулируемых организаций строительного комплекса Краснодарского края, а уже после – что подсудимый не зарегистрировался в качестве индивидуального предпринимателя и выступал как физическое лицо. Здесь можно возразить, что порядок перечисления нарушений закона в судебном акте не столь существенен, тем более что лицо не было зарегистрировано и в качестве ИП. Однако же сам факт такой регистрации с точки зрения гражданского законодательства не открывает возможность для строительства многоквартирных домов. Про-

¹ Лескова Ю. Г., Диденко А. А. Незаконное предпринимательство: изменение признаков состава уголовного преступления в свете реформирования гражданского законодательства // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 1. С. 96-104.

² Мерзлякова А. В. Объект незаконного предпринимательства // Экономика, предпринимательство и право. 2016. Т. 6. № 2. С. 189.

³ Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» от 01.12.2007 № 315-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/ (дата обращения: 14.06.2019).

⁴ Приговор Геленджикского городского суда Краснодарского края по делу № 1-202/2018 от 29 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/W9AkbGUAagZf/> (дата обращения: 12.05.2019).

веденный анализ судебной практики позволяет констатировать, что случаи привлечения к уголовной ответственности в подобных ситуациях отнюдь не единичны.

Стоит отметить, что выполнение задач уголовного закона не всегда находится в прямой зависимости от уровня развития законодательства регулятивного. Во-первых, уголовное право может менять содержание соответствующей терминологии, что отмечалось ранее. Во-вторых, правоприменение адаптируется к потребностям защиты общества и государства и в случаях, когда те или иные легальные дефиниции отсутствуют вовсе.

Показательно в этом смысле молчание законодателя относительно правовой природы криптовалюты, использование которой упрощает, в сравнении с осуществлением банковских операций с денежными средствами, получение прибыли.

Этот момент может быть значимым не только для злоумышленников, но и для добросовестных участников рынка, поскольку третья сторона денежных операций в виде банка порой затрудняет предпринимательскую деятельность субъектов. Дело в том, что, осуществляя противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в соответствии с Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ¹, банки выполняют функцию контроля за сомнительными операциями клиентов: могут запросить необходимые документы, а клиент обязан эти документы предоставить. Признаков проводимой операции, на основе которых сотрудник банка может усомниться в ее законности, огромное количество. Содержатся указания на такого рода необычный характер сделки в приложении к Положению Банка России от 2 марта 2012 г. № 375-П². В итоге по формальным критериям банк может отказаться заключать с клиентом договор, прекратить операции с денежными средствами, что может су-

¹ Российская газета, № 151-152. 2001. 9 августа.

² О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. [Электронный ресурс] // URL: http://base.garant.ru/70162622/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/#block_1000 (дата обращения: 14.05.2018)

щественно навредить предпринимательской деятельности клиента или даже расторгнуть договор банковского счета.

Проблема тут в том, что не все «подозрительные» операции являются такими на самом деле и не всегда они явно становятся катализатором преступной деятельности. Отчетливо прослеживается данная тенденция в анализе судебной и банковской практики Владимира Ефремова. Из 1417 судебных дел 61% исковых заявлений к банкам о неправомерном расторжении договора банковского счета или прекращении операций были разрешены в пользу клиентов, ранее отнесенных банками к категории подозрительных¹. Таким образом, под санкцию банка могут попасть как настоящие злоумышленники, так и добросовестные предприниматели, которые вынуждены будут приостановить хозяйственную деятельность и нести как материальный, так и репутационный ущерб. И тем не менее, особую значимость проблема оборота криптовалют приобрела именно в рамках противодействия преступности.

В январе 2018 г. в Государственную Думу РФ был внесен проект федерального закона «О цифровых финансовых активах»², предлагающий закрепить понятия «токен», «криптовалюта», «майнинг». В свою очередь, чтобы устранить неточности этого законопроекта, депутаты В. В. Володин и П. В. Крашенинников 26 марта 2018 г. представили новый законопроект «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», которым предполагается введение понятий «цифровое право», «цифровые деньги»³. До сих пор данный вопрос российским гражданским и финансовым правом не урегулирован. И если в течение длительного периода различные государственные органы в целом негативно оценивали существование криптовалюты, правоохранители хоть и указывали на возникающие на практике сложности в юридической

¹ Банки против бизнеса: как применяются нормы о противодействии отмыванию средств [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.ru/story/201558/> (дата обращения: 14.05.2018).

² Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах» [Электронный ресурс] // URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810 (дата обращения: 14.05.2018)

³ Проект федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1187665/> (дата обращения: 14.05.2018).

оценке содеянного, тем не менее должны были найти оптимальное решение этого замкнутого круга. Сначала при рассмотрении судами уголовных дел в качестве доказательств совершения преступления признавались устройства, подтверждающие операции с криптовалютой (в частности, мобильный телефон с установленной на нем программой «Bitcoin» и сохраненным фотоизображением надписи в виде последовательности букв и цифр, необходимой для проведения операции в пиринговой платежной интернет-системе¹). Позднее, с учетом положений международного права, Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что предметом преступлений, предусмотренных ст. 174 и ст. 174¹ УК РФ, могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления².

Обозначенная проблема поднимает вопрос об использовании недопустимых для уголовных правоотношений, но возможных для гражданских аналогии закона и аналогии права. Если в приведенной выше ситуации прерогативой на правовое регулирование обладают не только гражданское, но и финансовое право, то в определенных условиях (ст. 6 ГК РФ) к отношениям исключительно гражданско-правового характера, не получившим законодательной регламентации, применяются нормы, регулирующие сходные отношения, а при отсутствии таковых – общие начала и смысл гражданского законодательства. Стало быть, в процессе юридической оценки деяния, связанного с гражданским правоотношением и содержащего признаки состава преступления, правоприменитель в уголовно-правовой сфере не может ссылаться на неурегулированность данных правоотношений гражданским законодательством.

Приведенные примеры еще раз подтверждают важность учета системных свойств права и согласованного действия норм различных его отраслей при опре-

¹ Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) по делу № 1-41/2018 от 19 января 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-yakutskij-gorodskoj-sud-respublika-saxa-yakutiya-s/act-579805767/> (дата обращения: 14.03.2018)

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // КонсультантПлюс.

делении правовых границ общественных отношений в сфере экономической деятельности. Далее, переходя к правоприменению, определим степень участия норм гражданского права в процессе установления конкретных объективных признаков основных составов преступлений в сфере экономической деятельности. По итогу проведенного анкетирования судей получены следующие данные: 64 % респондентов считают, что обращение к нормам гражданского законодательства необходимо при установлении объективной стороны состава преступления, 31 % – объекта.

Д. М. Пайвин полагает, что среди всех признаков состава только охраняемые нормами уголовного закона общественные отношения определяются исключительно в гражданско-правовых нормах, тогда как нормами и уголовного, и гражданского законодательства из числа объективных признаков определяются предмет, преступное деяние, количественные показатели ущерба.

Остановимся на некоторых основных позициях, которые нужно учитывать при определении влияния норм гражданского права на установление объективных признаков. Прежде всего отметим, что формулировки статей главы 22 УК РФ изобилуют гражданско-правовыми терминами и понятиями, однако это не значит, что для установления каждого признака объекта и объективной стороны состава конкретного преступления правоприменителю нужно выявлять и проверять их значение. Так, характеристика потерпевшего от преступления, предусмотренного ст. 169 УК, не требует детального изучения регулятивного законодательства, поскольку как любой юрист, так и гражданин другой профессии понимает значение терминов «юридическое лицо» и «индивидуальный предприниматель». Вместе с тем, заметно несоответствие между употреблением данных терминов в уголовном законе и тем содержанием, что вкладывается в них гражданским законодательством. Дело в том, что как юридическое лицо, так и индивидуальный предприниматель признаются таковыми как раз после прохождения процедуры государственной регистрации. В диспозиции статьи же содержится формулировка «отказ в государственной регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица». Представляется, что по смыслу статей 23 и 48 ГК РФ правильнее бы-

ло бы после слова «регистрации» добавить «в качестве». И, тем не менее, говорить о том, что содержание норм гражданского права всегда необходимо для установления потерпевшего, ошибочно. Может понадобиться обращение к ним, например, для того, чтобы через потерпевшего (в зависимости от предполагаемой в будущем организационно-правовой формы) определить регистрирующий орган.

Что касается объективной стороны состава преступления, предусмотренного названной статьей, то она характеризуется совершением деяния путем: 1) неправомерного отказа в государственной регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица; 2) уклонения от регистрации; 3) неправомерного отказа в выдаче специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности; 4) уклонения от его выдачи; 5) ограничения прав и законных интересов индивидуального предпринимателя или юридического лица в зависимости от организационно-правовой формы; 6) незаконного ограничения самостоятельности; 7) иного незаконного вмешательства в деятельность индивидуального предпринимателя или юридического лица. Рассматривая имеющуюся в диспозиции статьи цивилистическую терминологию, отметим, что, опять-таки, общеупотребимым и однозначно понимаемыми являются сами по себе институты государственной регистрации и лицензирования отдельных видов деятельности. Знание всех нюансов предусмотренных ими процедур, описанных в специальном законодательстве, для квалификации не требуется, однако по первому виду предусмотренного статьей деяния нужно выяснить, в каких случаях отказ в государственной регистрации или выдаче лицензии является правомерным. В то же время, говорить о влиянии норм ГК, устанавливающих допустимые в РФ организационно-правовые формы юридических лиц, на содержание пятого (из указанных выше) варианта объективной стороны, не приходится. Простая констатация факта, что определенное юридическое лицо было ограничено в правах, поскольку является, например, унитарным предприятием, не определяет суть деяния. Для характеристики объективной стороны в данном случае имеет значение только конкретная форма ограничения прав и законных интересов потерпевшего, а не весь правовой массив, регламентирующий деятельность унитарных предприятий.

В каких же случаях действительно от норм гражданского права зависит результат квалификации? Прежде всего, к гражданскому законодательству необходимо обратиться, чтобы уяснить требования, предъявляемые к лицу, желающему пройти государственную регистрацию. То есть в самом регулятивном законодательстве не содержатся признаки состава преступления. Для квалификации оно применяется по принципу «от обратного»: зная, в каких случаях отказ в государственной регистрации или выдаче специального разрешения (лицензии) будет правомерным, мы приходим к выводу о том, когда он будет противоправным. По такому же принципу устанавливается и ограничение прав и законных интересов индивидуального предпринимателя или юридического лица и иные формы деяния, предусмотренного настоящей статьей.

Также важно заметить, что настоящее исследование направлено именно на изучение учета в процессе квалификации *норм* гражданского законодательства, но установление объективных признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности часто связано еще и с элементами гражданских правоотношений. Таковые могут учитываться при определении факультативного объекта преступления. Например, если лицо изготовило поддельные банковские билеты Центрального банка Российской Федерации, и затем воспользовалось ими в магазине, осуществив покупку предметов личного пользования, налицо вред общественным отношениям, охраняемым статьей 186 УК РФ и, кроме того, страдает нормальный гражданский оборот, поскольку правоотношения между продавцом и покупателем порочны (не исполнена надлежащим образом обязанность покупателя оплатить товар). Особенности гражданских правоотношений, в которых находился субъект преступления, имеют значение и при определении иных объективных признаков состава. На квалификацию деяния могут оказать влияние права и обязанности, закрепленные в гражданско-правовом договоре, а также особенности осуществления гражданских правоотношений. Так, срок исполнения договора имеет значение при определении времени, юридический и фактический адрес — места, содержание документов (например, демонстрирующие возможности пред-

приятя, из которых контрагент может сделать вывод, что оно крупное и успешно осуществляет предпринимательскую деятельность) – обстановки.

На примерах из российской судебной практики определим роль норм гражданского законодательства в процессе установления объективных признаков составов преступлений. Прежде всего, стоит отметить, что в описательно-мотивировочной части приговоров суд иногда указывает на то, что та или иная область экономической деятельности регулируется именно гражданским законодательством. Например, в приговоре¹ в отношении Г., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 173¹ УК РФ, отмечено, что он действовал в нарушение требований главы III Федерального закона № 129-ФЗ от 08 августа 2001 г. «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»². Здесь можно говорить об определении объекта посягательства. Далее в тексте приговора указано, что лицо подало документы, предусмотренные ст. 12 данного закона, в налоговую инспекцию для регистрации юридического лица. Стоит обратить внимание, что в данной норме содержится требование достоверности представленных для государственной регистрации сведений, однако вывод о преступности деяния делается не только на основе нарушения данного требования, ведь при квалификации используется понятие подставного лица, закрепленное в примечании к ст. 173¹ УК РФ. Отсылка к ст. 12 в данном случае используется для констатации передачи необходимых для государственной регистрации документов. Поскольку все из них были подготовлены в соответствии с требуемой формой и были представлены в полном объеме, положения приведенной статьи в данной ситуации сами по себе не послужили основой для вывода о преступности деяния. В то же время, достаточность полученных от предполагаемого предпринимателя документов позволяет сделать вывод о законности и обоснованности действий сотрудника налоговой инспекции. Однако если

¹ Приговор Славянского городского суда г. Славянска-на-Кубани по делу № 1-172/2018 от 17 октября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HZGDAX6nY1Zm/> (дата обращения: 13.05.2019)

² Федеральный закон № 129-ФЗ от 08 августа 2001 г. «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. 13.08.2001, № 33 (часть I), ст. 3431.

бы правоохранительные органы в процессе изучения представленных для государственной регистрации документов установили отсутствие или, например, грубое нарушение формы одного из тех, что указаны в ст. 12 названного закона, юридическая квалификация могла измениться. В частности, в такой ситуации возникает вопрос о преступном сговоре между лицом, подавшим документы, и представителем регистрирующего органа.

При оценке деяния К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 191 УК РФ, суд также обращает внимание¹ на то, что действующий уголовно-правовой запрет базируется на установленных гражданским законодательством правилах поведения. Так, отмечено, что ГК РФ на основе ст. 129 предусматривает введение ограничений оборотоспособности отдельных объектов гражданских прав. Далее приводятся конкретные пункты специального законодательства², регламентирующего порядок законных действий с драгоценными металлами. На данном примере можно показать особенности установления характеристик деяния, преступность которого определяется размером. Следует отметить, что, хотя крупный размер и определен Уголовным законом, его установление в каждом конкретном случае зависит от учетных цен, определяемых Центральным банком России. А поскольку эти показатели меняются, в приговоре указывается цена золота и серебра по состоянию на время совершения преступления. Следовательно, в данном случае размер как специфическая особенность признака деяния четко определен Уголовным законом (в настоящее время – в примечании к ст. 170²) и потому не является оценочным. В то же время, стоимость предмета преступления зависит от определяемых Центральным банком учетных цен на конкретную дату. Последний показатель, хоть и законодательно не закрепленный по понятным причинам, может повлиять на квалификацию содеянного.

¹ Приговор Сусуманского районного суда Магаданской области по делу № 1-22/2018 от 9 июля 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/869ISgcIhA4/> (дата обращения: 13.05.2019).

² Федеральный закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» от 26.03.1998 № 41-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18254/; Постановление Правительства РФ от 28.09.2000 № 731 (ред. от 17.10.2015) «Об утверждении Правил учета и хранения драгоценных металлов, драгоценных камней и продукции из них, а также ведения соответствующей отчетности http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28704/

В одном из приговоров при характеристике объективной стороны судом было отмечено, что Р. обладала информацией о содержании п. 1 ст. 23 и ст. 51 ГК РФ, а также ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08 августа 2001 г. № 129-ФЗ и ст. 5 ФЗ «О банках и банковской деятельности» от 02 декабря 1990 г. № 395-1 (кратко изложен смысл данных правовых предписаний), разработала преступный план, направленный на незаконное извлечение дохода в виде комиссионного вознаграждения от осуществления банковских операций без специального разрешения, намеренно отказалась от создания и государственной регистрации юридического лица в качестве кредитной организации, получения лицензии, планируя осуществлять свою незаконную деятельность в обход государственного контроля¹.

В судебном акте, на основе которого лицо признано виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 169 и ч. 1 ст. 286 УК, отмечено, что преступление было совершено заместителем директора государственного учреждения путем приостановления работ одного ООО по государственному контракту. В условия технического задания к контракту были включены требования к программному обеспечению, выполнить которые могло только другое ООО, находящееся под контролем друга подсудимого. Таким образом были созданы условия для исключительной победы в аукционе второго юридического лица. За вышеуказанными действиями последовали существенное нарушение нормальной деятельности как сторон государственного контракта, так и неопределенного круга организаций, которые не смогли стать исполнителями по данному договору в результате незаконно включенного условия².

Также можно заметить, что суд обращается к гражданскому законодательству для определения предмета преступления. Так, значительный объем одного из

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Смоленска по делу № 1-109/2018 от 19 сентября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bRxLpF6ydMW4/> (дата обращения: 13.05.2019).

² Приговор Ленинского районного суда г. Оренбурга по делу № 1-523/2018 от 19 сентября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/f72g4LeY2ib4/> (дата обращения: 13.05.2019)

приговоров¹ по ч. 1 ст. 191 УК РФ посвящен анализу ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» и подзаконных нормативных актов, регламентирующих порядок оборота драгоценных металлов. Исходя из обстоятельств дела, известно, что обвиняемая приобрела неустановленное ювелирное изделие, содержащее в своем составе золото, серебро и платину, и изготовила из него кусок металла общей массой 6,1 г. и хранила непродолжительное время его на рабочем месте. Суд использует массу терминов гражданского законодательства в указанной области, а также отмечает, что понятия «собственный металл» и термина «ювелирное золото» не существует. В другом приговоре в отношении лица, совершившего преступление, предусмотренное этой же статьей, суд в описательно-мотивировочной части отразил перечень законодательно закрепленных видов драгоценных металлов и сделал вывод о том, что золото является предметом преступления².

При квалификации действий С., направленных на получение персональных данных физических лиц, а также сведений о заключении ими кредитных договоров и договоров страхования по ч. 3 ст. 183 УК РФ суд сослался на ст. 857 ГК РФ и ст. 26 ФЗ «О банках и банковской деятельности»³, в которых содержатся сведения, относящиеся к банковской тайне, а также правовые основы ее охраны. В данном случае также от содержания гражданского законодательства напрямую зависит вопрос об установлении предмета преступления, являющегося обязательным признаком состава.

Встречаются в приговорах и некорректные, на наш взгляд, отсылки к гражданскому законодательству. Приведем текст одного из них: «А., осознавая общественную опасность деяния, ... предвидя наступление общественно опасных по-

¹ Приговор Индустриального районного суда г. Хабаровска по делу №1- 380 /2010 от 3 ноября 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gcourts.ru/case/6801630> (дата обращения: 13.05.2019).

² См: Приговор Центрального районного суда г. Читы по делу № 1-181/2017 от 14 сентября 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/f42KsG1svob/> (дата обращения: 13.05.2019).

³ Приговор Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл по делу № 1-253/2018 от 10 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Co1cbX807ONu/> (дата обращения: 13.05.2019).

следствий в виде нарушения ч.ч. 1,3 ст. 29 Федерального Закона “О драгоценных металлах и драгоценных камнях”, ... незаконно перевез шлиховое золото»¹ – связан с характеристикой объективной стороны. Во-первых, само по себе нарушение регулятивного законодательства не может трактоваться как общественно опасные последствия преступного деяния. Во-вторых, последствия не определяются соответствующими нормами.

Также в судебной практике можно найти примеры, когда норма ГК не влияет на квалификацию. П., являясь учредителем и единоличным исполнительно-распорядительным органом юридического лица, злостно уклонилась от погашения кредиторской задолженности в крупном размере после вступления в законную силу соответствующего решения Арбитражного суда. Как следует из приговора, в материалах дела содержалось заключение финансово-экономической экспертизы, в которой отмечено, что П. имела возможность с учетом очередности осуществления платежей, установленной ст. 855 ГК РФ, погасить кредиторскую задолженность правомерно. Сторона защиты указывала на недопустимость отсылки к данной статье. Однако суд отметил, что экспертом не допущено толкования указанной нормы права, а приведенные её положения использованы именно для ответа на поставленные перед экспертом вопросы с перечислением конкретных видов и назначений платежей². Таким образом, положения гражданского законодательства в данном случае лишь позволили дополнительно охарактеризовать обстоятельства совершения преступления, однако не оказали влияния на квалификацию содеянного.

Интересно, что в данном случае на злостность уклонения от погашения кредиторской задолженности, среди прочих факторов, указывал и факт попытки П. перевести долг после реорганизации юридического лица иному лицу-правопреемнику. Арбитражный суд не допустил такую замену должника, однако

¹ Приговор Центрального городского суда г. Читы по делу № 1-181/2017 от 14 сентября 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/f42KsG1svob/> (дата обращения: 13.05.2019).

² Приговор Калининского районного суда г. Новосибирска по делу № 1-526/2017 от 28 мая 2018 г. по делу № 1-526/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AGmG0bdHhK55/> (дата обращения: 13.05.2019)

в этой связи следует отметить следующее. Даже если бы произошла законная замена стороны исполнительного производства, правопреемник в таком случае не должен нести уголовную ответственность по ст. 177 УК РФ, в противном случае нарушаются основные принципы уголовного законодательства.

На данном примере рельефно отражена ситуация, когда попытки лица использовать гражданское законодательство недобросовестно приводят субъекта квалификации к выводу о его преступном умысле.

Что касается квалифицирующих¹ признаков составов, входящих в главу 22 УК РФ, примечательно, что чаще всего в их качестве выступают объективные признаки (особенно преступные последствия, соучастие в различных формах), в меньшей степени – субъективные.

Обращает на себя внимание конструкция статей рассматриваемой главы. Дело в том, что в ряде случаев в одну статью включены несколько основных составов, что отличается от привычного размещения квалифицированных составов в частях второй, третьей и последующих. В числе объективных квалифицирующих признаков составов преступлений в главе 22 УК РФ² можно назвать следующие:

- причинение крупного ущерба (ст. 169, 183);
- причинение особо крупного ущерба (ст. 170², 178, 185², 200⁴);
- деяние, совершенное в крупном размере (174, 174¹, 175, 186, 193¹, 200⁵, 200⁵);
- совершение деяния в особо крупном размере (171¹, 171³, 174, 174¹, 191¹, 193, 193¹, 194, 198, 199, 199¹, 199², 199³, 199⁴, 200¹, 200³, 200⁵, 200⁵);

¹ Позиция ученых, утверждающих, что данные признаки существенно повышают уровень общественной опасности содеянного, является наиболее распространенной. Вместе с тем, Л. Л. Кругликов отмечает, что в уголовном праве отсутствует терминологическое обозначение родового понятия, которое бы охватывало квалифицирующие (как повышающие общественную опасность) и привилегирующие признаки. А поскольку оба вида признаков, являясь обязательными в составе, способны изменить квалификацию, уголовно-правовую оценку, их следует именовать квалифицирующими. Тогда, во избежание терминологической путаницы, их надлежит переименовать в усиливающие и понижающие квалифицирующие признаки соответственно. См.: Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 97-98.

² По состоянию на 23.06.2019 г.

- извлечение дохода в крупном размере (171²);
- извлечение дохода в особо крупном размере (171, 171², 172, 178);
- деяние, сопряженное с привлечением денежных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц в особо крупном размере (172²);
- причинение ущерба в особо крупном размере гражданам, организациям или государству либо извлечение излишнего дохода или избежание убытков в особо крупном размере (185³);
- совершение деяния группой лиц (200¹);
- совершение деяния группой лиц по предварительному сговору (171¹, 171², 173¹, 174, 174¹, 175, 180, 185, 185², 185⁴, 189, 191, 191¹, 193, 193¹, 194, 199, 199⁴, 200², 200³, 200⁴, 200⁵, 200⁵);
- совершение деяния организованной группой (171, 171¹, 171², 171³, 172, 174, 174¹, 175, 179, 180, 181, 184, 185, 185², 185³, 185⁴, 186, 187, 189, 191, 191¹, 193, 193¹, 194, 200²);
- совершение деяния с применением насилия (179);
- совершение деяния, сопряженного с насилием или с угрозой его применения (170¹, 178);
- уничтожение или повреждение чужого имущества либо угроза его уничтожения или повреждения, при отсутствии признаков вымогательства (178);
- тяжкие последствия (183);
- с использованием заведомо подложного документа (193);
- с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль (194);
- деяние сопряжено с вымогательством предмета подкупа (200⁵).

Как видно, установление квалифицирующих признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности часто связано с определением ущерба, дохода, размера. В настоящее время в УК содержится стоимостное выражение

данных категорий, однако не приводится их содержание: возможен ли учет упущенной выгоды, что считать полученным доходом и т. д. Частично такая характеристика содержится в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, что не исключает ведущиеся в науке по сей день споры в этой области¹.

На основе вышеизложенного можно сформулировать основные выводы. Поскольку статьи, входящие в главу 22 УК РФ, призваны охранять сферу экономической деятельности от преступных посягательств, их текстуальное оформление немыслимо без понятийно-категориального аппарата, выработанного гражданским правом. Однако это не значит, что каждое употребленное законодателем неуголовно-правовое понятие детерминирует результат квалификации.

Положения гражданского законодательства, от которых зависит установление обязательных признаков состава, влияют на квалификацию содеянного. В наибольшей степени это проявляется как раз при определении объективных признаков состава преступления. Обращение к отдельным гражданско-правовым нормам позволяет уточнить и факультативные признаки состава преступления. В таком случае дополняется юридическая характеристика деяния, но эти нормы сами по себе не предопределяют вывод о его преступности. Если нормы гражданского права регулируют общественные отношения в сфере экономической деятельности, однако нет необходимости в их учете для установления признаков состава конкретного преступления, то они не влияют на квалификацию.

При установлении объективных признаков состава преступления в сфере экономической деятельности в ряде случаев необходимо учитывать не только гражданско-правовые нормы, но и специфику гражданских правоотношений, сопутствующих содеянному.

¹ См. Осипов И. В. Актуальные вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности по признакам ущерба, дохода и размера // Сборник научных трудов по материалам V международной научной конференции «Научные тенденции: юриспруденция». М., 2017. С. 23-26.

2.2. Влияние норм гражданского права на установление субъективных признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности

Необходимость установления объективных признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности с помощью норм иной отраслевой принадлежности отмечается в отечественной доктрине довольно часто. В свою очередь, особенности учета норм гражданского законодательства при установлении субъективных признаков в значительно меньшей степени отражены на страницах научной литературы.

Прежде всего отметим, что субъекту преступления – вменяемому физическому лицу, достигшему возраста, с которого по закону может наступать уголовная ответственность, – присущи значимые с точки зрения уголовного закона 3 характеристики: физическое свойство, возраст и вменяемость. Субъективную же сторону состава преступления как внутреннее проявление преступного поведения лица, его психическое отношение к деянию и его последствиям, составляют 4 признака: вина, мотив, цель, эмоциональное состояние (последнее выделяется не всеми авторами и практически не находит отражение в УК в качестве признака состава преступления).

Определим роль положений гражданского законодательства в установлении статуса субъекта преступления. Согласно ст. 19 УК РФ таковым признается только вменяемое физическое лицо, достигшее закрепленного уголовным законом возраста наступления уголовной ответственности. Уголовная правоспособность включает право на охрану от преступных посягательств, а также неприкосновенность от необоснованного применения уголовно-правового воздействия. Круг субъектов гражданских правонарушений шире, поскольку включает в себя также юридических лиц и публично-правовые образования. Известно, что в настоящее

время, несмотря на продолжающуюся дискуссию по этому вопросу¹, российское уголовное законодательство не признает двух последних субъектами преступления, в отличие от законодательства ряда зарубежных стран². Так что физическое свойство субъекта преступления никак не может определяться положениями гражданского права.

В то же время, круг субъектов-физических лиц конкретного преступления может уточняться из-за изменений гражданского законодательства. Примером может послужить новая редакция ст. 23 ГК после принятия федерального закона от 26 июля 2017 г. «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» № 199-ФЗ³. Теперь в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности даже без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Речь идет о физических лицах, так называемых самозанятых, оказывающих на индивидуальной основе по найму отдельные услуги другим физическим лицами. Конкретные виды возможной деятельности могут определяться как на федеральном, так и региональном уровнях. Согласно п. 70 ст. 217 НК РФ сейчас их всего 3:

- 1) по присмотру и уходу за детьми, больными, лицами, достигшими возраста 80 лет, а также теми, кто нуждается в постоянном постороннем уходе в соответствии с заключением медицинской организации;
- 2) по репетиторству;
- 3) по уборке жилых помещений, ведению домашнего хозяйства.

¹ Из недавних публикаций см. Наумов А. В. Уголовная ответственность юридических лиц (доктринальные и правотворческие аспекты) // Право и государство. 2017. № 1-2 (74-75). С. 106-118; Клебанов Л. Р., Трефилова В. В. О перспективах уголовной ответственности юридических лиц в российском законодательстве: некоторые аргументы «contra» // Legal Bulletin. 2018. Т. 3. № 1-2. С. 34-38.

² В то же время, Талан М. В. в своем диссертационном исследовании по итогу рассмотрения законодательства зарубежных государств поддержала идею поэтапной практики введения уголовной ответственности юридических лиц в экономической сфере. См. об этом: Талан М. В. Указ. соч. С. 61-63.

³ Российская газета. № 167. 2017. 31 июля.

Доходы, которые в 2017 и 2018 гг. были получены такими лицами (если они уведомили налоговый орган о своей деятельности в соответствии с п. 7.3 ст. 83 НК РФ), освобождены от налогообложения.

По мнению разработчиков закона, эти изменения позволят снизить уровень неформальной занятости экономически активного населения и станут правовой основой для выполнения поручения Президента РФ от 21 сентября 2016 г., данного на заседании созданного при нем Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам: «исключить любые возможности признания деятельности самозанятых граждан незаконным предпринимательством»¹.

Следует отметить, что количество официально зарегистрированных в таком качестве лиц несопоставимо мало в сравнении с теми, кто продолжает работать «на себя» без уведомления о своей деятельности. В связи с этим, различные государственные органы (в том числе, и Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей) продолжают обсуждать варианты дальнейшей правовой регламентации активности самозанятых граждан. Таким образом, законодательная база в этой сфере находится еще на стадии формирования. Указанные нововведения должны учитываться правоприменителем при квалификации содеянного по ст. 171 УК РФ: самозанятые граждане (осуществляющие предпринимательскую деятельность законно) не могут признаваться субъектом данного преступления.

Возраст наступления уголовной ответственности по общему правилу составляет 16 лет. Пониженный возрастной порог в рамках ч. 2 ст. 20 УК РФ для субъектов преступлений в сфере экономической деятельности не предусмотрен. С точки зрения гражданского же права (п. 1 ст. 21 ГК РФ) дееспособность, а с ней и деликтоспособность, возникают в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста². Однако следует учитывать тот факт, что лицо, вступившее в порядке исключения в брак до 18 лет,

¹ Заседание Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52929> (дата обращения: 14.05.2018).

² Именно в этом значении, то есть со ссылкой на восемнадцатилетний возраст, термин «несовершеннолетний» используется в УК, например, в ст. ст. 131, 150 и других статьях.

приобретает дееспособность в полном объеме со времени вступления в него. Полную дееспособность гражданин может приобрести в 16 лет также с помощью процедуры эмансипации. В этом случае несовершеннолетний, работающий по трудовому договору или занимающийся предпринимательской деятельностью, самостоятельно несет ответственность по обязательствам, возникшим вследствие причинения им вреда. Таким образом, возраст субъекта преступлений в сфере экономической деятельности (16 лет) вполне согласуется с возможностями гражданина заниматься предпринимательской деятельностью, однако не зависит от положений Гражданского кодекса в этой части.

Вменяемость как характеристика субъекта преступления хоть и похожа на дееспособность (катеорию гражданского права), но не отождествляется с ней. В отличие от вменяемости, дееспособность связана со способностью к планомерной рассудительной деятельности на протяжении длительного времени. Вменяемость же предполагает возможность субъекта преступления осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемого им деяния и его последствия в момент учинения. Уголовное законодательство детально регламентирует последствия совершения уголовно-противоправного деяния исходя из особенностей различных состояний психики лица и причин, вызвавших эти состояния. Так, ст. 22 УК РФ предусматривает в качестве разновидности вменяемости ограниченную (уменьшенную, пограничную) вменяемость. Также важно отметить, что уголовный закон не исключает преступность деяния, совершенного лишенным дееспособности или ограниченным в ней лицом¹. Различны и процедуры признания лица невменяемым и дееспособным соответственно. Таким образом, установление вменяемости лица не связано с обращением к гражданскому законодательству.

¹ Подтверждения тому можно найти в судебной практике по различным категориям уголовных дел. Так, например, в одном из приговоров суд признал виновным в совершении кражи ограниченного в дееспособности гражданина. Ему было назначено наказание, причем сам по себе факт ограничения в дееспособности не признан судом как обстоятельство, смягчающее наказание. См.: Приговор Александровского районного суда Оренбургской области по делу № 1-20/2017 от 26 мая 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oon0aFWX86r1/> (дата обращения: 15.05.2019).

В литературе отмечается, что с его помощью из всех субъективных признаков состава могут определяться именно признаки специального субъекта (если они предусмотрены соответствующей статьей Особенной части УК РФ)¹. Применительно к главе 22 УК РФ это могут быть, например, лица, использующие свое служебное положение, члены жюри официальных спортивных соревнований или коммерческих конкурсов (примечательно, что признак специального субъекта в ч. 4 ст. 184 УК РФ делает состав квалифицированным), руководитель или учредитель юридического лица, индивидуальный предприниматель. Правовое положение данных лиц определено в регулятивном законодательстве, а потому учет его предписаний для правоприменителей в ряде случаев является обязательным.

Примечательно, что обычно законодатель при формулировании статьи Особенной части УК бланкетным способом указывает только на сферу правового регулирования, то есть мы сами понимаем, к какому конкретно нормативному правовому акту нужно обратиться. Исключением в этом смысле в главе 22 УК является ст. 171⁴, примечание к которой для установления специального субъекта прямо указывает на Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства». Так, в примечании сказано, что лица, признаваемые сельскохозяйственными товаропроизводителями в соответствии с названным законом, и осуществляющие розничную продажу вина и игристого вина, не признаются субъектом преступления.

Следует учесть, что для признания лица субъектом преступления необходимо обращаться не только к нормативным правовым актам цивилистической направленности, но и учитывать локальные акты организации. Например, нужно проанализировать устав, чтобы оценить, действовал ли руководитель (или иное лицо) юридического лица законно, осуществляя крупную сделку.

Ядро субъективной стороны любого состава преступления – вина. Это форма психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному де-

¹ А. И. Рарог утверждает, что, поскольку соучастниками преступлений по общему правилу могут быть и лица, не обладающие специальным признаком, точнее именовать подобные составы преступлений как характеризующиеся специальным исполнителем. См.: Рарог А. И. Указ. соч. С. 220-221.

янию и его общественно опасным последствиям. Данная категория свою наиболее детальную теоретическую разработку получила именно в уголовном праве и практически в неизменном виде применяется в других отраслях права (в том числе и в гражданском), являясь неотъемлемой составляющей состава правонарушения.

В то же время в гражданском праве, в отличие от уголовного, для наступления ответственности, как правило, достаточно любой формы вины правонарушителя, причем имущественная ответственность может применяться и при отсутствии вины участника гражданских правоотношений, в том числе за вину иных (третьих) лиц. Потому и в гражданском процессуальном праве отсутствует презумпция невиновности, ведь лицо, совершившее правонарушение, определяется как причинитель вреда – нарушитель обязательств. Законодательство возлагает на него бремя доказывания собственной невиновности.

Неслучайно в научной литературе высказана мысль, что если субъект не осознавал общественную опасность и противоправность своих действий ввиду незнания регулятивного законодательства, то говорить о наличии прямого умысла некорректно¹. Вместе с тем, хотя по этому вопросу ведутся научные дискуссии, большинство составов преступлений, предусмотренных главой 22 УК, предполагают наличие именно прямого умысла.

В судебной практике встречаются случаи, когда суд связывает осознание субъектом общественной опасности содеянного с выполняемой им трудовой функцией. Так, в одном из приговоров суд утверждает, что в силу занимаемой должности (заместитель директора) гражданин знал положения Гражданского кодекса РФ и ФЗ «О защите конкуренции», составляющие основу ведения предпринимательской деятельности². В свою очередь, приговоре в отношении лиц, совершивших деяния, предусмотренные п.п. «а», «б» ч. 2 ст. 172, ч. 2 ст. 187 УК РФ,

¹ Яни П. С. Проблемы уголовной ответственности за экономические преступления // Законность. 2001. № 1.

² Приговор Ленинского районного суда г. Оренбурга по делу № 1-523/2018 от 19 сентября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/f72g4LeY2ib4/> (дата обращения: 13.05.2019).

суд указал, что обвиняемые осознавали, что в соответствии с определенными положениями законодательства (далее отмечены конкретные статьи ФЗ «О банках и банковской деятельности», ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России), а также 4 правовых акта, утвержденных Центральным Банком РФ) для осуществления банковской деятельности и, соответственно, банковских операций необходима лицензия Центрального Банка России.

Вызывает сомнения необходимость отсылки к положениям гражданского законодательства через призму субъективной стороны, а именно интеллектуального момента умысла. Даже с учетом презумпции знания закона констатировать, что все субъекты преступления (не только специальный, но и общий) осведомлены о содержании как законов, так и подзаконных актов, к которым отсылает описанная бланкетным способом норма, едва ли возможно¹. В условиях постоянного изменения российского законодательства сохраняется проблема объективного вменения, которая требует дальнейшего научного осмысления. Представляется, что указание в описательно-мотивировочной части приговора на конкретные нарушенные регулятивные нормы обязательно. Однако это должно осуществляться через характеристику объективной стороны состава преступления.

Таким образом, вина как признак состава преступления носит сугубо уголовно-правовой характер и не устанавливается с помощью норм гражданского законодательства. Д. Е. Пайвин в этой связи отмечал, что признаки субъективной стороны являются характеристиками исключительно уголовных правоотношений и не существуют до совершения преступления, а, значит, нормами гражданского законодательства определяться не могут². Однако здесь следует внести некоторые уточнения. Такие признаки как мотив и цель преступления, в отличие от вины, не существующей до и вне преступления, имеют допреступное происхождение. Мо-

¹ См. об этом: Панченко П. Н. Презумпция знания закона как условие вины и ответственности в уголовном праве и ее трактовка применительно к преступлениям, совершаемым в сфере экономической деятельности // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2010. № 2 (13). С. 227-233; Грошев А. В. Институт юридической ошибки в контексте презумпции знания уголовного закона и защиты прав человека // *Современные проблемы уголовной политики: V Международная научно-практическая конференция*. Под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар, 2014. С. 276-286.

² Пайвин Д. М. Указ. соч. С. 45.

тив – отмечает А. И. Рарог – это обусловленное определенными потребностями внутреннее побуждение, которым виновный руководствовался, а цель представляет собой субъективный образ желаемого результата действия или деятельности¹. Представляется, что мотив как побуждение (например, корыстный, личная заинтересованность) является однозначно понимаемым правоприменителем исходя из обычного жизненного и профессионального опыта и в принципе не требует обращения к нормам права. Людьюми движут различные мотивы, и они находят способы их реализации в определенных актах поведения. В свою очередь, в диспозициях ряда статей главы 22 УК РФ цель как обязательный признак состава сформулирована таким образом, что складывается впечатление, будто вывод о ее наличии в деянии отдельного лица можно сделать лишь на основе знания субъектом преступления определенных правовых положений. Так, например, среди целей совершения деяний, перечисленных в ст. 172¹ УК РФ указано сокрытие предусмотренных гражданским законодательством признаков банкротства. Получается, правоприменителю необходимо не только сопоставить фактическое положение имущественного состояния финансовой организации с признаками банкротства юридического лица, предусмотренными Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)»². Если мы утверждаем, что лицо хотело скрыть признаки банкротства, значит, полагаем, что оно знало³ *положения гражданского законодательства, определяющего эти признаки*. Затем обнаружило, что они характерны для существующего положения юридического лица, в котором оно осуществляет свою деятельность. Далее лицо совершает одно из альтернативных действий, указанных в диспозиции ст. 172¹ УК РФ, направленное на сокрытие признаков несостоятельности. Причем эти действия определяются при юридиче-

¹ Рарог А. И. Указ. соч. С. 46.

² Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/

³ С определенной долей условности можно также смоделировать ситуацию, когда неопытный сотрудник финансовой организации, услышав от коллег информацию о ее банкротстве, хочет помочь и вносит недостоверные сведения в документацию, указанную в диспозиции ч. 1 ст. 172.1 УК, не зная при этом содержание положений закона, определяющих признаки банкротства. В этой ситуации в процессе формирования у субъекта цели нормы гражданского права не участвуют даже опосредованно.

ской квалификации как преступные потому, что не отвечают требованиям *других* норм гражданского законодательства, регламентирующих порядок внесения в документы и (или) регистры бухгалтерского учета и (или) отчетность (отчетную документацию) необходимых сведений. В данной ситуации связь норм гражданского законодательства с признаками деяния и целью конкретного преступления имеет разный характер. В отличие от процесса установления деяния, вывод о цели, которую желал достичь субъект, не может базироваться на гражданском законодательстве. Умозаключение «в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 183.16 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) одним из признаков банкротства является ситуация, когда платежеспособность финансовой организации не была восстановлена в период деятельности временной администрации. Платежеспособность финансовой организации А., в которой ведет отчетную документацию С., не была восстановлена в период деятельности временной администрации. Следовательно, у С. была сокрыть признак банкротства» будет неверным. Вывод о преступной цели зависит не от гражданско-правовой нормы самой по себе, а от принятия С. решения осуществить преступные действия для достижения определенного результата.

В то же время, при квалификации преступления установление умысла может осуществляться с помощью анализа предшествующих гражданских правоотношений. Так, необходимо оценить реальные возможности у сторон к осуществлению договора. Наличие, например, форс-мажорных обстоятельств, препятствующих исполнению обязанностей по договору, не может говорить о преступном умысле.

Определенные особенности квалификации преступлений в сфере экономической деятельности при фактической ошибке выделяют в научной литературе. Нафиков М. М. отмечает, что если при совершении умышленного преступления лицо добросовестно заблуждалось относительно общественной опасности своих действий, уголовная ответственность исключается¹.

¹ Нафиков М. М. Основные проблемы квалификации преступлений в сфере экономической и финансовой деятельности // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. 2017. № 13. С. 312.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать ряд выводов. Несомненно, что ряд понятий гражданского и уголовного права (например, дееспособность и вменяемость) внешне похожи, так как относятся к регламентации в определенной степени однопорядковых явлений. Однако отождествлять их нельзя. С другой стороны, можно наблюдать их корреляцию в контексте определения возраста наступления уголовной и гражданско-правовой ответственности за правонарушения в экономической сфере. Думается, что неуместно будет говорить о возможности привлечения к уголовной ответственности за совершение деяния, содержащего признаки состава преступления в сфере экономической деятельности, лица, не являющегося в силу возраста деликтоспособным по гражданскому праву.

В целом возраст уголовной ответственности, вменяемость и физическое свойство субъекта преступления устанавливаются исключительно УК РФ. В то же время, в гражданском законодательстве закрепляются круг субъектов и конкретные формы осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, что должно быть учтено субъектом квалификации.

Обращение к положениям гражданского законодательства часто является неотъемлемым компонентом правоприменительной деятельности при определении признаков специального субъекта преступления.

Установление признаков субъективной стороны не может базироваться на гражданском законодательстве. Данный тезис представляется верным вне зависимости от момента формирования (до, во время или после совершения деяния) в сознании субъекта вины, целей и мотива совершения преступления. Гражданско-правовые нормы не регламентируют внутренний психический процесс субъекта, даже если последний, перед тем как осуществить преступную деятельность, изучил положения гражданского права, действующие в конкретно сфере общественных отношений.

ГЛАВА 3. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДЕЛИКТОВ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

3.1. Сходные признаки преступлений и гражданско-правовых деликтов в сфере экономической деятельности

Как уже отмечалось выше, наиболее тесная связь между нормами уголовного и гражданского права прослеживается на примере главы 22 УК РФ. Существующая объективно, она находит текстуальное выражение при бланкетном способе описания состава преступления в уголовно-правовых нормах. При этом, поскольку в гражданском праве есть свои меры привлечения к юридической ответственности, в процессе установления признаков содеянного и изучения содержания соответствующих ему уголовно-правовых норм перед правоприменителем стоит задача разграничить преступление и гражданско-правовой деликт.

Начиная анализ сходства и отличия признаков преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ и коррелирующих им гражданско-правовых деликтов, необходимо взять за основу следующий постулат. Гражданское законодательство, и прежде всего Гражданский кодекс РФ, не содержат исчерпывающего перечня гражданских правонарушений (деликтов). Это вполне понятно, так как гражданское право, являясь по своей природе диспозитивной отраслью, оставляет субъектам соответствующих отношений большую свободу в определении их взаимных прав и обязанностей, в том числе и взаимной ответственности. С. Ю. Рипинский обоснованно утверждает, что в рамках гражданского законодательства невозможно предусмотреть все конкретные действия, нарушающие нормы гражданского права¹. Весьма широк перечень видов защиты гражданских прав, начиная от самозащиты и заканчивая обращением в суд. Субъекты же уголовных правоотношений должны действовать исключительно в тех рамках, которые очерчены уго-

¹ Рипинский С. Ю. Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателям. СПб., 2002. С. 73.

ловным законом. Однако гражданское законодательство содержит и ряд императивных норм, нарушение которых в зависимости от конкретной ситуации может квалифицироваться и как деликт, и как административное правонарушение, и как преступное деяние.

Соотношение преступления и гражданского правонарушения В. В. Александровой определяется как отношение пересечения, поскольку одно деяние при наличии соответствующих условий может быть квалифицировано одновременно в качестве преступления и гражданского правонарушения как посягательств на публичный и частный уровни общественных отношений соответственно.

Названный автор отмечает, что проблема взаимоотношения преступлений в сфере экономики и гражданских правонарушений двухаспектна и выражается в: 1) установлении соотношения между указанными понятиями, когда в результате одного юридического факта наступают одновременно и уголовно-правовая, и гражданско-правовая ответственности; 2) определении критериев разграничения преступления и гражданского правонарушения, совершаемого при отсутствии соответствующего состава преступления¹.

Согласно словарю русского языка, сходный – похожий, подобный чему-либо². При наличии у пары объектов хотя бы одного общего признака можно говорить о сходстве объектов этой пары³. Таким образом, в рамках данного параграфа нашей задачей является установление и анализ преступлений и гражданско-правовых деликтов, обладающих общим признаком (признаками). При этом признаком состава преступления является обстоятельство преступления определенного вида, получившее закрепление в уголовном законе, характеризующее специфику данного преступления и отличающее его от преступлений других видов⁴. Вопрос же о признаках состава гражданско-правового нарушения в цивилистике

¹ Александрова В. В. Преступления в сфере экономики: проблемы соотношения и разграничения с гражданскими правонарушениями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 10.

² Ожегов С. И. Указ. соч. С. 719.

³ Философский энциклопедический словарь. Сост: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М., 1983. С. 666.

⁴ Уголовное право. Словарь-справочник. Автор-составитель Т. А. Лесниевски-Костарева. М., 2000. С. 298.

до сего дня остается невыясненным¹. При этом некоторые авторы вообще утверждают, что необходимо различать основания и условия гражданско-правовой ответственности. Так, Т. И. Илларионова и В. А. Тархов полагают, что основанием рассматриваемой ответственности является противоправное поведение причинителя вреда, а остальные элементы состава правонарушения относятся к условиям ответственности². В связи с этим, нам необходимо будет решить вопрос о том, какие признаки образуют состав гражданского правонарушения.

Понятие преступления четко определено в ч. 1 ст. 14 УК РФ как виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания. Данная дефиниция достаточно хорошо исследована в литературе, как и признаки преступления, через которые и формулируется его понятие. Сложнее обстоит дело с определением понятия «гражданское правонарушение (деликт)». Среди авторов, в разное время занимавшихся проблемой дефиниции гражданско-правового деликта следует выделить М. М. Агаркова³, Е. Н. Агибалову⁴, К. М. Варшавского⁵, А. А. Иванова⁶, С. А. Параскевову⁷, А. Е. Семенову⁸, Х. И. Шварца⁹, К. К. Яичкова¹⁰. Вместе с тем, в большинстве работ, так или иначе посвященных проблемам гражданско-правового нарушения и ответственности,

¹ См. напр.: Матвеев Г. К. Основания гражданско-правовой ответственности. М., 1970. С. 6; Смирнов В. Т., Собчак А. А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве: Учебное пособие. Л., 1983. С. 50.

² Илларионова Т. И. Основания внедоговорной ответственности организаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 6; 37. Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву Саратов, 1973. С. 33.

³ Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды. Том I. М., 2002.

⁴ Агибалова Е. Н. Состав гражданского правонарушения как основание деликтной ответственности // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. № 1/3. 2010. С. 88-94.

⁵ Варшавский К. М. Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда. М., 1929.

⁶ Иванов А. А. Правонарушение и юридическая ответственность. Теория и законодательная практика: учеб. пособие. М., 2004

⁷ Параскевова С. А. Понятие и социальная сущность гражданского правонарушения (теоретические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.

⁸ Семенова А. Е. Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и обязательства, возникающие из причинения вреда. М., 1928.

⁹ Шварц Х. И. Значение вины в обязательствах из причинения вреда. М., 1939.

¹⁰ Яичков К. К. Обязательства из причинения вреда. М., 1939.

акцент делался именно на разработке вопросов, касающихся гражданско-правовой ответственности, при этом правонарушение как бы «растворялось» в ней¹.

В литературе давались и даются различные определения гражданского деликта, которые условно можно разделить на две группы. В рамках первой деликт возводится на уровень некоторой абстракции, будучи определен в целом как нарушение тех или иных норм гражданского права. Подобной позиции придерживался М. М. Агарков, который понимал под ним поведение человека, противоречащее норме права². Также под правонарушением понималось нарушение чужого субъективного права³; деликт характеризовался и как «правонарушение, совершенное в сфере имущественных и некоторых личных неимущественных отношений»⁴.

Иные авторы пытаются определить понятие гражданско-правового деликта через перечисление возможных вариантов противоправного поведения. С этой позиции правонарушение определяется как причинение неправомерными действиями вреда личности или имуществу гражданина, а также организации; неисполнение договорных обязательств, нарушение прав собственника, заключение противозаконной сделки и т. д.⁵, причинение гражданам или их организациям имущественного вреда, неисполнение договорных обязательств, распространение сведений, задевающих честь и достоинство граждан, заключение незаконных сделок, нарушение гражданских прав тех или иных лиц либо организаций⁶; как вид правонарушения, совершенный в сфере имущественных и некоторых неимущественных отношений, выражающийся в причинении имущественного вреда, неисполнении договорных обязательств, распространении сведений, задевающих

¹ Параскевова С. А. Указ. соч. С. 59.

² Агарков М. М. Указ. соч. С. 407-425.

³ Смирнов В. Т., Собчак А. А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве: Учебное пособие. Л., 1983. С. 55.

⁴ Юридический энциклопедический словарь / под ред. А. В. Малько. 2-е изд. М., 2016. С. 116.

⁵ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учебник. М., 2016. С. 444.

⁶ Марченко М. Н. Теория государства и права: Учебник. М., 2003. С. 629.

честь и достоинство граждан, заключении недействительных сделок и других подобных нарушениях¹.

Следует согласиться с В. В. Александровой, которая полагает, что в разработке понятия гражданского правонарушения нет особой внутриотраслевой необходимости. В перечень гражданских правонарушений попадают настолько различные по своей юридической природе явления, что объединить их в общее понятие практически невозможно². Это могут быть нарушения диспозитивных и императивных норм, норм, порождающих абсолютные (например, право собственности) и относительные (договорные) правоотношения и т. д. Таким образом, деликт – это нарушение положений гражданского права, которое влечет возникновение гражданско-правовой ответственности и возможность применения способов защиты гражданских прав, предусмотренных ст. 12 ГК РФ.

Как уже отмечалось выше, имеет место в науке и дискуссия по поводу состава гражданского правонарушения. Одни авторы признают необходимым основанием гражданско-правовой ответственности наличие всех элементов состава гражданского правонарушения, другие – только некоторых из них³. Нет и ясности в вопросе о том, какие конкретно элементы содержит состав деликта. В уголовном праве вопрос об элементах и признаках состава преступления достаточно хорошо разработан, выделены четыре элемента состава, каждый из которых содержит объективные и субъективные признаки. В свою очередь, в гражданском праве к элементам (условиям наступления ответственности), как правило, относят противоправное действие (бездействие лица), вредный результат, причинную связь между ними, а также вину правонарушителя⁴. При этом большинство цивилистов отказываются от применения термина «признак гражданско-правового нарушения», заменяя его понятием «условия ответственности». Так, по мнению

¹ Александрова В. В. Указ. соч. С. 84.

² Там же.

³ См., напр.: Матвеев Г. К. Указ. соч. С. 9; Калмыков Ю. Х. Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда имуществу. Саратов, 1965. С. 8; Смирнов В. Т., Собчак А. А. Указ. соч. С. 50.

⁴ Матвеев Г. К. Указ. соч. С. 9; Калмыков Ю. Х. Об элементах состава гражданского правонарушения // Избранное: труды, статьи, выступления. М., 1998. С. 11-15.

В. В. Витрянского, основанием гражданско-правовой ответственности (единственным и общим) является нарушение субъективных гражданских прав. Применительно к отдельным видам нарушенных субъективных гражданских прав, а также субъектам, допустившим их нарушение, законодатель формулирует обязательные общие требования, соблюдение которых необходимо для применения гражданско-правовой ответственности. Такие установленные законом требования являются условиями гражданско-правовой ответственности. К их числу относятся: противоправность нарушения субъективных гражданских прав, наличие вреда, причинная связь между нарушением субъективных гражданских прав и вредом, вина нарушителя¹. Аналогичной позиции также придерживается ряд цивилистов². В свое время Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ указывал, что «ответственность наступает при наличии следующих *условий*: а) причинение вреда; б) противоправность поведения причинителя вреда; в) причинная связь между противоправным поведением и наступлением вреда; г) вина причинителя вреда»³.

Представляется, в данной ситуации речь идет только о терминологических различиях. Уголовное право и уголовный закон оперируют понятиями «признаки преступления», а в вышеприведенных примерах речь идет об «условиях наступления ответственности», то есть по сути одно и то же явление получает различное наименование. Более того, в ст. 19 УК РФ «Общие условия уголовной ответственности» установлено, что «уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом». То есть к числу условий наступления уголовной ответственности законодатель относит только обязательные признаки субъекта преступления». Следовательно, по объему понятие «условия уголовной ответственности» уже, чем предлагаемое в

¹ Брагинский М. И. Договорное право: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. М., 1998. С. 569-570.

² См. например: Болдинов В. М. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности. СПб., 2002. С. 37-38; Слесарев В. Л. Объект и результат гражданского правонарушения. Томск, 1980. С. 7; Смирнов В. Т., Собчак А. А. Указ. соч. С. 56-57. и др.

³ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 апреля 2000. № 8051/99 // Вестник ВАС РФ. 2000. № 7. С. 27-28.

науке гражданского права определение «условия гражданско-правовой ответственности».

Такая терминологическая путаница является излишней и не способствует правильному применению как уголовного, так и гражданского законодательства. Здесь вновь необходимо обратиться к философским категориям «причина» и «условие». В уголовном праве преступление (общественно опасное деяние) выступает причиной применения мер уголовно-правового характера. Условиями же, при которых наступает уголовная ответственность, можно признать наличие в деянии всех признаков состава соответствующего преступления. При этом законодатель непосредственно называет условиями уголовной ответственности только признаки субъекта преступления, хотя к их числу можно относить все признаки состава конкретного преступления, предусмотренного уголовным законом. Если какое-то условие привлечения к уголовной ответственности отсутствует, то рушится и состав преступления в целом.

Исходя из этого, в гражданском праве применительно к правонарушениям также следует говорить не об условиях наступления ответственности, а о признаках состава правонарушения. Общая теория права указывает, что четырехзвенная схема состава преступления с определенной спецификой присуща всем правонарушениям, в том числе и деликтам¹. Поэтому при квалификации преступлений в целях разграничения преступного деяния от гражданско-правового деликта следует исходить из признаков гражданско-правового нарушения:

1) объект правонарушения, то есть общественные отношения, которым причинен вред в результате совершения правонарушения, либо создана реальная угроза причинения такого вреда². Здесь в качестве дополнительных признаков необходимо указать лицо, которому причинен вред в результате совершения пра-

¹ См. например: Теория государства и права: Курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2003. С. 584-590; Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах. Т. 3. Отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2001. С. 454-462.

² Отметим, что в цивилистике существует концепция «безвредной» ответственности, например, при уплате неустойки за неисполнение договора, не повлекшее убытков. См. подробнее: Матвеев Г. К. Указ. соч. С. 5-8.

вонарушения, и предмет правонарушения. Так, при совершении ничтожной сделки вред для ее сторон может отсутствовать¹.

2) Объективная сторона правонарушения, включающая общественно вредное деяние, негативные последствия в виде различного по характеру вреда (имущественного или репутационного), предусмотренного гражданским законодательством, и причинно-следственную связь между ними.

3) Субъективная сторона – вина в форме умысла или неосторожности. При этом вина будет являться факультативным признаком гражданского правонарушения, о чем речь пойдет ниже.

4) Субъект правонарушения – физическое лицо, достигшее установленного гражданским законодательством возраста, в том числе индивидуальный предприниматель, юридическое лицо, публично-правовые образования.

Любое правонарушение, являясь формально противоправным деянием, тем не менее, посягает на определенный объект, причиняет вред общественным отношениям или создает угрозу нанесения такого вреда. Поэтому гражданское правонарушение обязательно имеет определенный объект, который должен входить в его состав. Безобъектных гражданско-правовых нарушений быть не может. В этом плане можно говорить о наличии общего элемента состава преступления и деликта – объект посягательства. Речь идет об основном непосредственном объекте, который у смежных преступлений и деликтов, как правило, совпадает. Как указывается в литературе, объект преступления представляет собой общественные отношения на публичном уровне в виде типизированных социальных связей, а гражданское правонарушение посягает на социальные связи на частном уровне, то есть на частные отношения между субъектами². Представляется, что с этим тезисом можно согласиться лишь частично. Ярким примером служит ст. 1069 ГК РФ, устанавливающая ответственность за незаконные действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц

¹ В то же время, вред может быть причинен другим субъектам гражданского права, например, лицам, которые не могут претендовать на данное имущество после заключения ничтожной сделки.

² Александрова В. В. Указ. соч. С. 110.

этих органов. Представляется, что данное деяние, отнесенное ГК РФ к разряду деликтов, не посягает на частные отношения между субъектами, а как раз-таки будет носить публично-правовой характер.

Таким образом, первый сходный общий признак составов преступления и правонарушения – это объект, который, согласно господствующей ныне точке зрения, представляют общественные отношения, на которые направлено посягательство.

Встречаются и иные точки зрения. Так, С. С. Коновалов утверждает, что для придания объекту статуса обязательного элемента состава гражданского правонарушения нет практического смысла¹. Однако в целом в литературе подтверждается значение объекта гражданского правонарушения². Разрабатывая проблему объекта гражданского деликта, В. В. Александрова обоснованно указала на плюрализм мнений относительно его содержания. Так, к объекту относят материальные и нематериальные блага, частные интересы (лица или группы лиц), субъективные гражданские права, общественные отношения (имущественные и личные неимущественные), правопорядок в целом, а также отдельные его элементы в виде нормы права, обычаев делового оборота, принципов и норм международного права, гражданско-правовых договоров³. Вместе с тем, подобная палитра характерна и для уголовного права.

Объективная сторона преступления и коррелирующего ему гражданского правонарушения может совпадать полностью. Так, легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения преступления (ст. 174¹ УК РФ) состоит в совершении сделки с данным имуществом, которая сама по себе, будучи ничтожной, является гражданско-правовым деликтом.

Н. Ф. Кузнецова отмечала: «где проходит грань между составами преступления и УК, с одной стороны, и гражданскими деликтами, и гражданским законо-

¹ Коновалов С. С. Основание гражданско-правовой ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 55.

² См. напр.: Матвеев И. В. Правовая природа недействительных сделок. М., 2002. С. 50; Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. С. 57.

³ Александрова В. В. Указ. соч. С.106.

дательством – с другой, – основной вопрос при квалификации преступлений, граничащих с деликтами»¹. По ее мнению, чаще всего проблема определения границ между преступлением и гражданско-правовым деликтом возникает в рамках корпоративного права.

Думается, что наличие общих (сходных) признаков преступлений в сфере экономической деятельности и гражданско-правовых деликтов усложняет процесс квалификации, ставя перед правоприменителем проблему «размежевания» преступлений и проступков. Однако решить эту проблему так или иначе придется, так как невозможно полностью и окончательно законодательным путем создать изолированные друг от друга составы преступлений и гражданских правонарушений. Немаловажным также является вопрос – возможна ли в таком случае квалификация по совокупности преступного деяния и гражданско-правового нарушения. Речь идет об идеальной совокупности преступлений и деликтов, так как возможность реальной совокупности в данной ситуации представляется бесспорной. В литературе указывалось, что возможность идеальной совокупности преступления и деликта обусловлены тем, что деяния посягают на два вида общественных отношений и имеется различная направленность мер юридической ответственности за их совершение². Н. Ф. Кузнецова полагала, что идеальная совокупность в этом случае будет иметь место тогда, когда «одним действием субъект причиняет два различных ущерба соответственно различным объектам»³. В случаях посягательства на один и тот же объект (по горизонтали) преступление и гражданское правонарушение могут образовывать совокупность правонарушений⁴.

И. В. Шишко обоснованно указывала, что преступления в сфере экономики одновременно нарушают нормы регулятивного законодательства и почти всегда

¹ Кузнецова Н. Ф. Указ. соч. С. 223.

² Энциклопедия уголовного права. Т. 3. СПб., 2005. С. 104.

³ Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958. С. 146.

⁴ Александрова В. В. Указ. соч. С. 114.

представляют собой иноотраслевой деликт, влекущий свои отраслевые правовые последствия¹.

Однако в науке имеются и иные мнения на этот счет. Так В. Ф. Кириченко исключает саму возможность совокупности преступлений и иных правонарушений, допуская, однако, сочетание уголовной и гражданской ответственности². Подобной позиции придерживается И. С. Самощенко³. Таким образом, исследователи так и не пришли к единому мнению относительно возможности существования идеальной совокупности преступления и гражданско-правового нарушения.

Рассмотрим данную ситуацию на примере ст. 179 УК РФ. Диспозиция ее включает принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких, при отсутствии признаков вымогательства. Основным непосредственным объектом преступления выступают общественные отношения в сфере реализации установленного порядка заключения сделок, основанного на свободе волеизъявления их участников. Объективная сторона состоит в принуждении, под которым понимается предъявление требования другому лицу подписать договор, выдать расписку, то есть вступить в сделку против его воли, либо отказаться от ее совершения. При этом виновный угрожает:

- 1) применением насилия;
- 2) уничтожением или повреждением чужого имущества;
- 3) распространением сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких.

¹ Шишко И. В. Экономические правонарушения: вопросы юридической оценки и ответственности. СПб., 2004. С. 173.

² Кириченко В. Ф. Должностные преступления по советскому уголовному праву: автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 1965. С. 16-17.

³ Самощенко И. С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963. С. 219-227.

С точки зрения гражданского права речь идет о совершении недействительной (оспоримой) сделки¹. В соответствии с п. 1 ст. 179 ГК РФ сделка, совершенная под влиянием насилия или угрозы, может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего. При этом недействительная сделка является неправомерным юридическим действием², то есть гражданско-правовым деликтом³. По объекту рассматриваемые правонарушения совпадают, таким образом, установлен первый общий (сходный) признак. Однако, если объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ, выражается в принуждении (состав преступления формальный, деяние окончено с момента предъявления соответствующего требования), то объективная сторона деликта – в непосредственном совершении сделки. Здесь проявляется уже различие между составами правонарушений. Субъективная сторона преступления – прямой умысел, как и соответствующего деликта. По субъектному составу деяния различаются: в преступлении это только вменяемое физическое лицо, достигшее установленного законом возраста; в гражданско-правовом нарушении это юридическое или физическое лицо, обладающее деликтоспособностью. Итак, как квалифицировать данную ситуацию? Здесь возможны три варианта решения:

- 1) образуется идеальная совокупность преступления и гражданско-правового деликта;
- 2) преступление поглощает гражданско-правовой деликт;
- 3) имеет место реальная совокупность преступления и гражданско-правового нарушения.

¹ Гражданское право: учебник в трех частях. Часть первая / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. М., 2010. С. 300.

² Гражданское право. Часть первая: Учебник / под ред. А. Г. Калпина, А. И. Масляева. М., 2000. С. 200.

³ По этому вопросу в цивилистике существует дискуссия. Одни авторы признают недействительную сделку деликтом, другие придерживаются противоположной позиции. См. подробнее: Желонкин С. С. Недействительность антисоциальных сделок: Монография. М., 2012; Кулматов Т. Ш. Недействительные сделки по гражданскому праву и деятельность органов Внутренних дел по их пресечению: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996; Матвеев И. В. Правовая природа недействительных сделок. М., 2002; Тузов Д. О. Ничтожность и оспоримость юридической сделки: пандектное учение и современное право. М., 2006; Хейфец Ф. С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. М., 2001; Шахматов В. П. Сделки, совершенные с целью, противной интересам государства и общества. Томск, 1966 и др.

Представляется, что верным является третий вариант квалификации. Идеальная совокупность здесь образовываться не может. Налицо совершение двух разных деяний. Первое из них преступное, то есть принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения, второе – гражданско-правовое нарушение, то есть заключение недействительной (оспоримой) сделки. Поэтому и поглотить гражданско-правовой деликт преступление не может. Следовательно, мы имеем дело с реальной совокупностью преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ и гражданско-правового нарушения. При этом у них имеются как сходные признаки (объект и субъективная сторона), так и различные (характер деяния, субъект). Различными будут и правовые последствия рассматриваемых действий. Преступление влечет применение наказания или иных мер уголовно-правового характера, гражданское право предусматривает специфические правовые последствия недействительной сделки (возмещение ущерба, реституция).

Совершенно иная ситуация складывается в случае совершения преступлений, предусмотренных ст. ст. 174 и 174¹ УК РФ. Объективная сторона данных деяний выражена в совершении финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом (ст. 174 УК РФ); и те же действия в отношении имущества приобретенного самим лицом в результате совершения преступления (ст. 174¹ УК РФ). Как видно, закон применяет гражданско-правовую терминологию (сделки, финансовые операции, имущество). По своей сути подобного рода сделки являются ничтожными. Сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки (п. 2 ст. 168 ГК РФ). Сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна (ст. 169 ГК РФ). При этом сделка может соответствовать закону и по содержанию, и по форме, но

сама цель делает ее опасной и недействительной. Частным случаем легализации может быть также совершение мнимой или притворной сделки¹. Высший Арбитражный Суд РФ в свое время указывал, что для применения ст. 169 ГК РФ необходимо установить, что цель сделки заведомо противоречила основам правопорядка и нравственности². В данном случае виновное лицо умышленно совершает действия, образующие состав преступления; именно цель делает деяние преступным, хотя при других обстоятельствах подобная сделка считалась бы вполне законной. И, конечно же, обязательным признаком преступлений, предусмотренных ст. ст. 174 и 174¹ УК РФ являются денежные средства или иное имущество, приобретенные в результате совершения преступления.

В приведенном случае налицо полное совпадение признаков преступления и соответствующих признаков гражданско-правового деликта. Они являются общими для данных видов противоправного поведения. Сделки, указанные в ст. 174 и ст. 174¹ УК РФ будут являться ничтожными и не породят правовые последствия.

По субъекту и субъективной стороне преступления и гражданско-правовые нарушения, как правило, не совпадают, поэтому речь о них пойдет в следующем параграфе.

Проведенный анализ схожих признаков преступлений и гражданско-правовых деликтов позволил сформулировать определенные выводы.

Прежде всего, разграничение преступления и гражданско-правового деликта осложнено отсутствием легальных дефиниций понятий «основание гражданско-правовой ответственности» и «гражданское правонарушение» в Гражданском кодексе РФ. Потому в процессе юридической квалификации отграничение пре-

¹ См. п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07 июля 2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем».

² См.: п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 апреля 2008 г. № 22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации».

ступления от гражданского правонарушения происходит исходя из признаков состава преступления.

Наибольшее сходство признаков преступления и гражданско-правового деликта проявляется по признакам объекта и объективной стороны.

3.2. Отличительные признаки преступлений и гражданско-правовых деликтов в сфере экономической деятельности

Некоторые историко-философские аспекты взаимосвязи уголовного и гражданского права правонарушений приводились в 1 главе настоящего исследования. Однако перед тем, как рассматривать признаки состава преступления, по которым возможно отграничить его от гражданского правонарушения, остановимся на их ключевых отличиях.

П. П. Пусторослев, исследовав разные подходы к понятию преступления, содержащиеся в трудах выдающихся отечественных и зарубежных философов, правоведов, приходил к выводу, что определить сущность уголовного правонарушения и его отличие от прочих, не так просто, как кажется¹. Свои выводы ученый строит на основе анализа разграничительных признаков различных видов правонарушений: по содержанию и важности (с точки зрения правоучредителя и государственных интересов) страдающих от них потребностей, содержанию нарушаемых правовых обязанностей и праву лиц на распоряжение ими, опасности их для правового порядка, присутствию и отсутствию в деянии безнравственного характера, запрещенности (или нет) действующим правом под страхом наказания, непосредственно поражаемым ими предметам и отношениям, присутствию и отсутствию различных стадий развития, учинителю деяния и его воле, сознанию и виновности. Как видно, здесь прослеживается отграничение преступлений от гражданских правонарушений как по признакам преступления, так и элементам и признакам состава преступления. Также ученый говорил о разграничении уголовных правонарушений от неуголовных как различных моментов одного и того же

¹ Пусторослев П. П. Анализ понятия о преступлении. М., 1892. С. 93.

правонарушения¹. То есть, если воспринять последнюю позицию, что «неправда неделима», то можно прийти к парадоксальному для современной юриспруденции выводу об отсутствии сущностных и наличии только формально определенных правовыми нормами границ между правонарушениями различного вида.

А. И. Палюмбецкий существо преступления «в отличие от несправедливости гражданской» усматривает в «сознательном нарушении права или намеренном уклонении индивидуальной воли от всеобщей, разумной, уничтожаемой посредством наказания». В случае же гражданской неправды, по его мнению, происходит только отделение «от общей воли, но еще без определенного сознания о ее отношении, и в уверенности правоты»².

Н. А. Неклюдов, опираясь на то, что общественные отношения возникают по поводу людей или вещей, утверждал, что преступление (уголовная неправда) есть посягательство, направленное непосредственно на самый объект права или на самого конкретного представителя его, на самый корпус права, все равно, личный или вещный. При гражданской же неправде (гражданском правонарушении) имеет место посягательство «на установившиеся между людьми отношения по поводу каких-либо объектов прав, все равно, личных или вещных, но не посягательство на самые объекты непосредственно»³. В подтверждение идеи о том, что гражданское правонарушение представляет собой спор об условии и праве или невыполнение условий и обязанностей по поводу лиц и вещей, Н. А. Неклюдов приводит следующий пример. Если отдать вам деньги на сохранение на срок, и по истечении срока вы вверенное не отдаете, то возможны 2 ситуации: 1) вы отказываетесь возвратить деньги, говоря, что вы их не получали – это преступление, поскольку есть посягательство на саму вещь (деньги), которую вы «истребили» и отказываетесь вернуть. 2) вы не отказываетесь возвратить вещь, а не можете вернуть ее в день срока – это гражданское правонарушение, потому как нарушено только условие о сроке возврата вещи.

¹ Там же. С. 99-152.

² См. об этом: Фельдштейн Г. С. Указ. соч. С. 449.

³ Цит. по: Пусторослев П. П. Указ. соч. С. 118-119.

С. В. Познышев, в свою очередь, о разграничении преступлений и гражданских правонарушений говорил: «Для каждого народа, в каждый момент его развития область наказуемой неправды и граница, отделявшая ее от неправды гражданской, должна определяться законодателем путем применения к наличным культурно-бытовым условиям общего принципа, указывающего, какие деяния вообще подлежат наказанию». При этом ученый отмечал, что если совершение деяния не повлечет за собой общественного регресса или не послужит препятствием к дальнейшему прогрессу общества, то это деяние не является преступным¹.

Отличие по своему лингвистическому значению представляет собой признак, создающий разницу, различие между чем-нибудь². Таким образом, задачей настоящего параграфа работы является установление тех признаков состава преступления и гражданского-правового деликта, которые не совпадают, разнятся между собой, являются уникальными для каждого из этих правовых явлений.

В отличие от частноправовых деликтных отношений, охранительные уголовно-правовые отношения в качестве обязательной стороны включают государство, установившее запрет и получающее в связи с его нарушением право применить к виновному в принудительном порядке наказание или иные меры уголовно-правового воздействия³.

Потому и уголовное право стоит на страже не всяких частных интересов, а только тех, которые имеют государственное значение. То есть наша задача – отграничить преступления в сфере экономической деятельности от нарушений тех норм гражданского права, за которыми «присматривает» государство, в которых прослеживается императивность.

Примечательно замечание В. В. Александровой о том, что на протяжении всей истории развития государства и права России в качестве основных критериев разграничения преступлений в сфере экономики и гражданских правонарушений выступали признаки субъективной стороны: преступная цель, направленность

¹ Цит. по: Елифанова Е. В. Теория преступления в науке уголовного права: исторический аспект и современность. Краснодар, 2006. С. 46.

² Ожегов С. И. Указ. соч. С. 432.

³ Пикуров Н. И. Указ. соч. С. 56.

умысла¹. При этом непосредственно на страницах диссертационной работы указанный автор формулирует единые критерии разграничения преступлений в сфере экономики и гражданско-правовых нарушений:

- 1) преступная цель и направленность умысла;
- 2) момент формирования умысла;
- 3) особенности деяния и способ его совершения².

О. Ф. Шишов отмечал, что отличие преступления от неправомерных правонарушений можно провести по всем признакам преступления, исключая разве признаки деяния и вины, так как все проступки являются виновными и противоправными деяниями субъектов³. В этой связи стоит отметить, что в гражданском деликте вина не всегда выступает обязательным признаком и ГК РФ в определенных случаях предусматривает наступление гражданско-правовой ответственности за невиновное причинение вреда.

В литературе выделяется три основных критерия разграничения преступлений и иных правонарушений:

- 1) по объекту;
- 2) по степени общественной опасности (вредности);
- 3) исходя из конкретной противоправности⁴.

Совершенно верно указывает Ю. В. Голик на то, что криминализация деяния должна производиться не произвольно, а с учетом объективности его общественной опасности. Именно этот критерий позволяет отграничить гражданские дела от уголовных. Например, невыплата долга должником – дело гражданское. Но если умысел на присвоение денег сформировался еще до того, как они были взяты в заем, то это уже мошенничество⁵.

Однако представляется, что вышеизложенные критерии должны также обязательно содержать указание на виновность как обязательный признак преступле-

¹ Александрова В. В. Преступления в сфере экономики: проблемы соотношения и разграничения с гражданскими правонарушениями: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 194.

² Александрова В. В. Указ. соч. 187-194.

³ Шишов О. Ф. Преступление и проступок. М., 1967. С. 4.

⁴ См. напр.: Энциклопедия уголовного права. Т. 3. Указ соч. С. 96.

⁵ Философия уголовного права / сост. Ю. В. Голика, А. Ю. Голик. Указ. соч. С. 31.

ния. Принцип субъективного вменения является краеугольным камнем уголовного права, отсутствие вины лица «рушит» состав преступления в целом. В то же время, п. 2 ст. 1064 ГК РФ предусматривает несколько иное правило в этой части. Лицо освобождается от возмещения вреда, если докажет свою невиновность в его причинении. Однако законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины. Прежде всего, это касается ответственности предпринимателя. Также владелец источника повышенной опасности в случае причинения вреда несет ответственность и без наличия вины (ст. 1079 ГК РФ). Остановимся на этом несколько подробнее.

Г. К. Матвеев пришел к выводу, что наличие состава гражданского правонарушения – общее, но не единственное основание гражданско-правовой ответственности. Такое положение объяснялось исследователем в том числе и тем, что в гражданском праве имела место «безвиновная» ответственность¹. В цивилистической науке сложились различные подходы к пониманию вины и ее роли как элемента (признака) гражданского деликта. Теория «исключительно виновного начала» исходит из того, что только «полный состав» является единственным основанием ответственности². Представители теории «виновного начала с исключениями» или иначе «теории стимулирования» считали принцип ответственности за вину основным, признавая при этом наличие исключительных случаев, когда ответственность может наступать без вины. При этом последняя устанавливалась государством в целях стимулирования правильного поведения³. Сторонники теории «двух начал» считали принципы ответственности за вину и ответственности без вины равноценными⁴. Возможность привлечения за невиновное причинение

¹ Матвеев Г. К. Указ. соч. С. 5-8.

² Алексеев С. С. О составе гражданского правонарушения. // Правоведение. 1958. № 1. С. 48; Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности // Категории науки гражданского права. Избранные труды. М., 1966. С. 409-414.

³ Антимонов Б. С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М., 1950. С. 38; Белякова А. М. Возмещение причиненного вреда (отдельные вопросы). М., 1972. С. 10-20; Матвеев Г. К. Вина в советском гражданском праве. Киев, 1955. С. 117; Смирнов В. Т. Регрессные иски в обязательствах из причинения вреда. М., 1960. С. 12 и др.

⁴ Яичков К. К. Система обязательств из причинения вреда в советском праве // Вопросы гражданского права. Сборник статей. М., 1957. С. 170.

вреда поддерживали также представители теории «вины и закона» или теория «вины и специальных юридических фактов»¹, теории «вины и риска»².

Законодатель исходит из того, что гражданско-правовая ответственность может наступать как за виновное, так и невиновное причинение вреда. При этом состав деликта, предусматривающий ответственность за невиновное причинение вреда, в науке иногда именуют усеченным³.

Многие ученые-цивилисты утверждают, что невиновное причинение вреда не порождает гражданско-правовой ответственности, здесь речь идет только о возникновении обязанности возместить причиненный вред. Так, Н. С. Малеин и О. Э. Лейст указывали, что отношения по возмещению вреда, причиненного в результате невиновных действий правонарушителя, хотя по своей внешней форме и напоминают отношения ответственности, исключают возможность квалификации их в качестве ответственности. При возложении обязанности возмещать убытки без вины законодатель, считают они, использует лишь «модель ответственности». И нет никаких оснований и необходимости наполнять эту модель чуждым ей содержанием и включать в понятие ответственности⁴. Аналогичной позиции придерживается и ряд других авторов. С. Б. Цветков предлагает выделять ответственность за виновное деяние и обязанность возмещения вреда независимо от вины правонарушителя⁵. Его поддерживает А. А. Тебряев, уточняя, что в случае виновного причинения вреда всегда возникает гражданско-правовая ответственность⁶. Ю. К. Толстой отмечает, что «в основе обязательств из причинения вреда

¹ Матвеев Г. К. Вина в советском гражданском праве. Указ. соч. С. 7.

² Красавчиков О. А. Указ. соч. С. 145; Ойгензихт В. А. Проблема риска в гражданском праве. Душанбе, 1972. С. 177.

³ Матвеев Г. К. Основания гражданско-правовой ответственности. Указ. соч. С. 7-8; Поляков И. Н. Ответственность по обязательствам вследствие причинения вреда. М., 1998. С. 18.

⁴ Малеин Н. С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М., 1968. С. 27.; Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. Теоретические проблемы. М., 1981. С. 131-133; Малеин Н. С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М., 1968. С. 27.

⁵ Цветков С. Б. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 11.

⁶ Тебряев А. А. Вина причинителя вреда в деликтных обязательствах // Юрист. 2002. № 3. С. 28.

в одних случаях лежит состав правонарушения (полный или усеченный); в других случаях указанные обязательства покоятся на иных условиях, которые состава правонарушения не образуют»¹. Данная позиция обоснованно подвергается критике. Так, Е. Н. Агибалова указывает, что и при отсутствии полного состава гражданского правонарушения имеет место «ответственность», а не «предусмотренная законом обязанность возмещения вреда». Такая точка зрения основана на действующем законодательстве. Действительно, законодатель в одних случаях предусмотрел вину в качестве обязательного условия возникновения обязанности по возмещению вреда, в других – нет. Вместе с тем, обе разновидности указанной обязанности в законе именуется ответственностью (ст. 1064, 1068, 1069, 1070, 1079 и др. ГК РФ).

В отличие от уголовной, гражданская ответственность несет восстановительно-компенсаторную функцию, острие которой направлено на возмещение убытков, обеспечение реализации нарушенного субъективного права. В связи с этим в гражданском праве очень распространен институт ответственности третьих лиц. Поэтому ответственность причинителя вреда будет наступать как за виновное, так и за невиновное поведение. В уголовном праве такая ситуация недопустима. Острие этой ответственности направлено, прежде всего, на личные немущественные интересы правонарушителя путем применения к нему наказания (кары) в целях его воспитания и предупреждения совершения правонарушений в будущем, а мерой ответственности является форма и степень вины правонарушителя, которая к тому же должна быть доказана. Поэтому здесь нельзя говорить об ответственности без вины².

Рассмотрим следующую ситуацию. В соответствии со ст. 1095 ГК РФ вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица вследствие конструктивных, рецептурных или иных недостатков товара, работы или услуги, а также вследствие недостоверной или недостаточной

¹ Толстой Ю. К. Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда // Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 3. – 4-е изд., перераб и доп.; под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 2005. С. 13.

² Агибалова Е. Н. Указ. соч. С. 91-92; Смирнов Г. К., Собчак А. А. Указ. соч. С. 53-54.

информации о товаре (работе, услуге), подлежит возмещению продавцом или изготовителем товара, лицом, выполнившим работу или оказавшим услугу (исполнителем), независимо от их вины и от того, состоял потерпевший с ними в договорных отношениях или нет. Данная норма представляет частный случай гражданско-правовой ответственности за невиновное причинение вреда. В уголовном законе ей корреспондируют ст. ст. 238 «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности», 171¹ «Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации» и в какой-то степени 180 «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)».

Ст. 238 УК устанавливает ответственность за производство, хранение или перевозку в целях сбыта либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, а равно неправомерную выдачу или использование официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности. Фактическое причинение вреда жизни и здоровью потребителя охватывается квалифицированными видами данного преступления. Соответственно образом уголовная ответственность возникает только при наличии вины лица, в то время как согласно ст. 1095 ГК РФ гражданско-правовая ответственность за аналогичные действия может предполагать как виновное, так и невиновное причинение вреда жизни и здоровью. При этом в ГК РФ речь также идет о вреде имуществу, о чем в ст. 238 УК РФ не говорится. Следовательно, если в результате действий, описанных в ст. 238 УК РФ, наступает вред имуществу, то это квалифицируется исключительно как гражданско-правовой деликт (совершенный как виновно, так и без наличия вины). Положения ст. ст. 167 и 168 УК РФ в данном случае считаем неприменимыми, подобная квалификация является применением закона по аналогии.

Ст. 171¹ УК РФ устанавливает ответственность за:

1) Производство, приобретение, хранение, перевозка в целях сбыта или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации, в случае, если такая маркировка и (или) нанесение такой информации обязательны (за исключением продукции, указанной в частях третьей и пятой настоящей статьи), совершенные в крупном размере;

2) производство, приобретение, хранение, перевозка в целях сбыта или сбыт продовольственных товаров без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации, в случае, если такая маркировка и (или) нанесение такой информации обязательны (за исключением продукции, указанной в части пятой настоящей статьи), совершенные в крупном размере;

3) производство, приобретение, хранение, перевозка в целях сбыта или продажа немаркированной алкогольной продукции, подлежащей обязательной маркировке акцизными марками либо федеральными специальными марками, а также немаркированных табачных изделий, подлежащих маркировке специальными (акцизными) марками, совершенные в крупном размере.

Рассматриваемая статья содержит три основных состава, каждый из них является формальным, наступление какого-либо вреда жизни, здоровью или имуществу составами не охватывается. Обязательным конструктивным признаком является крупный размер предмета преступления, денежное выражение которого дается в примечаниях к статье. Этот объективный признак позволяет отграничить рассматриваемое преступление от административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

В ст. 1095 ГК РФ предусмотрен материальный состав гражданско-правового правонарушения, когда вред причинен вследствие недостоверной или недостаточной информации о товаре (работе, услуге). Следовательно, ст. 1095 ГК РФ является логическим продолжением ст. ст. 171¹ УК РФ и 14.5 КоАП РФ. При этом, гражданско-правовая ответственность за фактически причиненный вред согласно закону может наступать как при наличии, так и отсутствии вины, уголовная и ад-

министративная – только при наличии вины. В данной ситуации возможна квалификация по совокупности:

- 1) преступления, предусмотренного ст. 171¹ УК РФ и гражданского деликта;
- 2) административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.5 КоАП РФ и гражданского деликта.

Могут ли в данном случае сочетаться две формы вины? Полагаем, что на данный вопрос следует дать положительный ответ. Производство, приобретение, хранение, перевозка в целях сбыта или сбыт предмета преступления, предусмотренного ст. 171¹ УК РФ осуществляется с прямым умыслом. Последующее причинение вреда здоровью, жизни или имуществу в результате использования данного предмета (ст. 1095 ГК РФ) составом ст. 171¹ УК РФ не охватывается, гражданско-правовая ответственность может наступать и при отсутствии вины производителя или продавца соответствующего товара.

Даже невиновное причинения вреда жизни, здоровью или имуществу, предусмотренное ст. 1095 ГК РФ, образует состав гражданско-правового деликта. В этом случае, используя цивилистическую терминологию, он будет усеченным. Таким образом, мы установили, что преступления и гражданско-правовые деликты отличаются по субъективной стороне: в преступлениях вина является обязательным признаком, в гражданско-правовом нарушении – факультативным. Позиция авторов, которые отрицают наличие гражданско-правовой ответственности в случае невиновного причинения вреда и замены ее обязанностью возместить причиненный вред также полагаем некорректной. Обязанность возместить причиненный вред входит в гражданско-правовую ответственность и выделять ее в качестве отдельного последствия невиновного нарушения норм гражданского права не представляется возможным. Поэтому субъективная сторона деликта включает вину как факультативный признак.

Общий объект преступления шире, чем аналогичный объект гражданско-правовых деликтов. Общественная опасность как критерий разграничения преступлений и иных правонарушений, в том числе деликтов, является предметом

традиционного внимания отечественных исследователей. Не вдаваясь в подробности соответствующей научной дискуссии, отметим, что большинство авторов сходится в том, что преступления несут общественную опасность, которая выступает социальным свойством исключительно преступления, а гражданско-правовые деликты, не обладая ею, тем не менее, причиняют общественный вред различной степени и характера¹.

Далее рассмотрим вопросы отграничения преступлений в сфере экономической деятельности от гражданско-правовых деликтов с позиции редакции статей, входящих в главу 22 действующего УК РФ. Так, сомнений не вызывает целесообразность уголовно-правового запрета в отношении действий, предусмотренных ст. 186.

В то же время, если рассматривать основные составы, представленные в главе 22 УК РФ, то можно отметить, что некоторые из них вызывают сомнения в части однозначной необходимости уголовно-правового запрета:

- Ст. 179 УК РФ сопоставима со ст. 179 ГК РФ;
- Ч. 1 и 2 ст. 180 отграничивается от нарушения гражданского законодательства в регулируемой сфере только размером ущерба либо неоднократностью;
- Ст. 185, 185¹, 185², 185⁴ – криминообразующими признаками также выступают ущерб или извлечение незаконного, по замыслу законодателя, дохода;
- Ст. 185⁵ – по сути представляет собой контроль за порядком управления юридическим лицом;
- В ст. 196 криминообразующим выступает крупный ущерб; ст. 200³ – крупный размер; ст. 200⁴ – корыстный мотив и крупный ущерб.

Как видно, качественная характеристика ряда преступлений как деяний, опасных для всего общества, измеряется исключительно количественным показа-

¹ См. напр: Самощенко И. С. Указ. соч. С. 50-60; Малеин Н. С. Возмещение вреда, причиненного личности. М., 1965. С. 3-14; Калмыков Ю. Х. Об элементах состава гражданского правонарушения. Саратов. 1962. С. 27-28; Шишов О. Ф. Указ. соч. С. 21-30 и др.

телем (установленная уголовным законом сумма, определяющая размер вреда, ущерба, дохода), что едва ли можно назвать обоснованным.

Особенно примечательной в этом смысле являются составы, предусмотренные ст. 180 УК. В данной статье практически полностью содержатся признаки состава гражданского правонарушения (ответственность за незаконное использование товарного знака и знака обслуживания предусмотрена ст. 1515 ГК РФ, а за незаконное использование наименования места происхождения товара – ст. 1537). В п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» как раз и приводятся в сжатом виде положения гражданского законодательства в данной сфере.

Из новелл уголовного законодательства, продолжающих отмеченную тенденцию, следует отметить ст. 200³. Формулировка основного и квалифицированного составов преступлений, по законодательной конструкции являющихся формальными, открывает возможность для правоприменителя привлекать лиц к уголовной ответственности за совершение по сути гражданского правонарушения. Представим следующую ситуацию. Гражданин, желающий приобрести жилье в многоквартирном доме стоимостью свыше 3 миллионов рублей, заключает договор на участие в долевом строительстве с представителем застройщика. Если последний нарушил порядок оформления документации, необходимой для строительства, однако осуществил строительство вовремя, с соблюдением строительных правил (что важно для потенциальных жильцов), его действия будут преступными. Более того, введение многоквартирного дома в эксплуатацию на основе примечания 2 к ст. 200³ будет расценено не как выполнение перед гражданином обязательств, а как основание освобождения от уголовной ответственности. Ставится под сомнение охранительная функция уголовного закона применительно к данным отношениям в сфере экономической деятельности¹.

¹ См.: Соловьев О. Г., Князьков А. А. Уголовная ответственность за посягательства на законные интересы участников долевого строительства многоквартирных домов: вопросы кри-

В свою очередь, ст. 200⁴ хоть и изобилует цивилистическими понятиями и предусматривает ответственность за нарушение законодательства в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, но, в то же время, отличается от упомянутых выше статей именно уголовно-правовым уклоном, что позволяет отграничить деяние от гражданских правонарушений в данной сфере не просто по размеру причиненного ущерба, но и преступному мотиву.

В этой связи следует вспомнить слова М. М. Сперанского: преступление отличается от гражданского правонарушения тем, что представляет собой нарушение чужого права при известности его с насилием или обманом¹. Классик русского уголовного права Н. С. Таганцев же отмечал: «ответственность уголовная стоит главным образом в зависимости от характера и свойств проявления преступной воли, ответственность гражданская – от размера причиненного вреда и ущерба»².

Представляется, что уголовная ответственность за посягательства на отношения в сфере экономической деятельности должна наступать только в том случае, если, помимо нарушения положений гражданского законодательства, в деянии содержатся признаки, указывающие на объективную общественную опасность, например, такие как обман, корыстный мотив, применение насилия или угроза его применения, совершение деяния в соучастии и т. д. Неслучайно А. В. Иванчин одним из основных правил уголовного законотворчества называл следующее: «признаки, вводимые в состав преступления, в своей совокупности должны отражать общественную опасность запрещаемого поведения либо существенно измененный ее уровень»³.

минализации и юридической оценки признаков состава преступления // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия гуманитарные науки. 2018. № 4 (46). С. 59-64.

¹ Цит. по: Елифанова Е. В. Указ. соч. С. 33.

² Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 63.

³ Иванчин А. В. О некоторых правилах образования уголовно-правовых запретов // Юридическая наука. 2017. № 3. С. 118.

В этой связи представляется необходимым вновь обратиться к одной из базовых категорий уголовного права, определяющей, как нам видится, и развитие иных отраслей.

Общеизвестно, что одним из важнейших отличительных признаков преступления выступает общественная опасность. Как правило, ее определение связывается учеными с причинением существенного вреда общественным отношениям или реальной угрозой такого причинения¹. То есть она должна быть очевидной и объективной. Вместе с тем, сложно себе представить «формулу», по которой можно было бы точно определять ее уровень применительно к каждому акту человеческого поведения.

Значение данной фундаментальной категории неоспоримо велико, поскольку она имеет не только теоретическое, но и практическое значение (является основополагающей при криминализации и декриминализации деяния, употребляется неоднократно в уголовном законе и должна учитываться при его применении в процессе юридической оценки содеянного). Однако легального закрепления она не находит, и, следует констатировать, остается оценочной. История показывает, что подход законодателя к определению общественной опасности и наказуемости даже посягательств против личности менялся. Юридическая оценка же деяний, негативно воздействующих на отношения в сфере экономической деятельности, и по сей день остается неоднозначной.

Общественная опасность как сущностная характеристика преступления пронизывает все элементы его состава. Обычно ее связывают с объектом посягательства. Исходя из того, что наиболее часто в уголовном законе употребляется «общественно опасное деяние», можно также предположить, что ключевое значение имеет объективная сторона, выражающаяся в действии или бездействии. В действительности речь не только об одном элементе, и, тем более, не об отдельном (хотя и конститутивном, обязательном) его признаке. Солидаризируемся с Солодковым И. А. в том, что «признаки (элементы) состава не в равной мере об-

¹ Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. РФ В. П. Коняхина и М. Л. Прохоровой. Указ. соч. С. 112.

разуют общественную опасность преступления. В каждом конкретном преступлении определенные признаки имеют преимущественное значение в ее формировании»¹.

Выделяют качественную (характер) и количественную (степень) составляющие общественной опасности. Их содержание не находит отражения в уголовном законе, но дается Пленумом Верховного Суда РФ. Так, характер общественной опасности преступления определяется *уголовным законом* и зависит от установленных судом признаков состава преступления. Ориентиром должны стать охраняемые УК социальные ценности и причиненный им вред. В этой связи, поскольку предметом нашего внимания являются отношения в сфере экономической деятельности, отметим, что единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности составляют основу конституционного строя нашей страны. Кроме того, ч. 1 ст. 34 КРФ закрепляет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Данные социальные ценности, нашедшие отражение в ч. 1 ст. 2 УК РФ (прямо не указаны, однако входят в перечень прав и свобод человека и гражданина, стоящих в данной норме на первом месте), охраняются уголовным законом, закрепляющим составы преступлений в сфере экономической деятельности.

Степень общественной опасности преступления, с точки зрения Пленума, на правоприменительном уровне устанавливается *судом* в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание и относящихся к совершенному преступлению.

Примечательно в этом смысле, что общественная опасность – свойство не только деяния, но и лица, совершившего преступление. Об этом говорится, в частности, в статьях 75 и 80.1 УК. Высший судебный орган при этом в постановлении Пленума от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства,

¹ Солодков И. А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 196.

регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» отмечает, что при выполнении условий, содержащихся в ст. 75, лицо *перестает быть общественно опасным*. При разъяснении правил применения ст. 76 речь идет об *изменении степени общественной опасности лица*, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим.

Таким образом, общественная опасность преступления не ограничивается его составом. Кроме того, общественно опасными считаются и акты человеческого поведения, не имеющие всех признаков состава (например, при недостижении возраста уголовной ответственности, отсутствии вменяемости субъекта). Рассматриваемая категория служит и критерием отграничения преступного от не преступного (малозначительность деяния и поведение субъекта при обстоятельствах, описанных в главе 8 УК), причем именно общественная опасность служит водоразделом между преступлениями и иными видами правонарушений. Неслучайно российские ученые говорят о необходимости ее закрепления в качестве основания уголовной ответственности¹ и даже принципа уголовного права². Именно общественная опасность поведения людей первична по отношению к уголовно-правовому запрету, а не наоборот. Соответственно, предполагается, что деяния, наказуемые уголовным законодательством, не просто наносят вред общественным отношениям, но рушат их основу.

Категории «общественная опасность» было уделено столь пристальное внимание, поскольку в ходе проведения настоящего исследования были обнаружены некоторые спорные, на наш взгляд, аспекты законодательного подхода к уголовно-правовой охране отношений в сфере экономической деятельности. Налицо наличие двух тенденций уголовно-правовой политики в рассматриваемой сфере – значительная криминализация и, в то же время, декриминализация всего нескольких преступных деяний, по мысли ученых, изначально не обладавших

¹ Иванчин А. В. В поисках сущности состава преступления // Уголовное право и криминология: современное состояние и перспективы развития : сб. науч. трудов / Воронежский государственный университет. Вып. 7. Воронеж, 2011. С. 80-86.

² Токарчук Р. Е. Общественная опасность как общий принцип уголовного права и уголовной ответственности // Юридические исследования. 2012. № 1. С. 126-142.

общественной опасностью (ст. 173, 182, 188, 200 УК РФ). При этом следует учесть, что в главе 22 УК РФ предусмотрено 63 основных и квалифицированных состава преступлений, по категории относящихся к небольшой тяжести.

Качественная характеристика ряда преступлений как деяний, опасных для всего общества, часто измеряется исключительно количественным показателем (установленная уголовным законом сумма, определяющая размер вреда, ущерба, дохода и т.д.). Следовательно, даже если субъект квалификации с учетом обстоятельств дела придет к выводу о невысокой степени общественной опасности посягательства, совершение лицом деяния, например, в крупном размере или причинение в результате посягательства материального ущерба, достигшего уровня, установленного законом, уже не может быть признано малозначительным деянием.

Вместо этого законодатель предусмотрел широкие возможности для освобождения (по нереабилитирующим основаниям) от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. И если при применении общих положений (например, ст. 75 и 76), лицо *может* быть освобождено от нее, то ст. 76.1 и правила, предусмотренные примечаниями к отдельным статьям главы 22 (ст. 178, 184, 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4, 200.1, 200.3, 200.5), содержат императивное предписание для суда в этой части.

Интересно в этом смысле исследование Кузнецова А. В., отмечающего, что законодательство ряда зарубежных государств предусматривает освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях, в том числе, и в сфере экономической деятельности, если они обладают признаком малозначительности, а санкции за их совершение содержат наиболее мягкие наказания¹. Российское же уголовное законодательство в примечаниях к статьям главы 22 говорит об освобождении от уголовной ответственности лиц, не только совершивших преступления небольшой тяжести, но также и средней (ч. 1 и 5 ст. 184, ч. 2 ст. 199.4, ч. 2

¹ Кузнецов А. В. Общие и специальные основания освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2017.

ст. 200.3), и даже тяжкие (ч. 2, 3 ст. 178, ч. 2 ст. 184, ч. 2 ст. 199, ч. 2 ст. 199.1, ч. 2, 3 ст. 200.5).

В то же время, анализ статистики¹, опубликованной Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, показывает, что в настоящее время говорить о распространенности и наказуемости всех деяний, предусмотренных всеми статьями главы 22 действующего УК, не приходится. Так, за 2017 г. и 2018 г. не было ни одного осужденного по ч. 2 и 3 ст. 170¹, ч. 1.1 ст. 171¹, ч. 1 ст. 172², ст. 178, ч. 2 ст. 180, ст. 184, 185, 185¹, ч. 1 и 3 ст. 185², ст. 185³, 185⁴, ст. 185⁶, ч. 1 и 2 ст. 189, ст. 190, ч. 1.1 ст. 193, ч. 3 ст. 194, ст. 199³, 199⁴, 200⁴, 200⁵. Н. А. Лопашенко, анализируя введение в УК ст. 170², отметила: «вводить самостоятельную ответственность для того, чтобы наказать нескольких человек, совершивших не обладающие существенной общественной опасностью деяния, — затея, близкая к безумной». Представляется, что данная мысль уместна и при анализе приведенных выше статистических данных.

Получается, складывается ситуация, когда законодатель одновременно строго и лояльно относится к одним и тем же деяниям. При этом возникает вопрос: можно ли говорить о том, что, выполнив указанные в законе требования, обуславливающие дальнейшее освобождение от уголовной ответственности, лицо и совершенное им деяние перестало быть общественно опасным? То есть, выплатив денежное возмещение в полном объеме (что привычнее было бы для гражданско-правовых санкций), человек может продолжать свою противоправную деятельность. То, что общественная опасность преступлений в сфере экономической деятельности обычно связывается с материальным (экономическим, финансовым и т.д.) ущербом, многократно превышающим ущерб от общеуголовных преступлений, не должно подрывать значение уголовного законодательства, призванного обеспечивать охрану общества и государства от наиболее опасных посягательств.

Полагаем, преступлением даже в рамках главы 22 УК РФ должно признаваться деяние, наносящее не только вред, измеряемый денежными средствами, но

¹ Статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> Дата обращения: 21.05.2019.

и сопряженное с обманом, насилием или угрозой его применения и иными «классическими» исключительно уголовно-правовыми признаками. Солидаризируемся с мнением разработчиков Концепции о том, что среди основных постулатов при криминализации или декриминализации деяний в экономической сфере нужно рассматривать:

- подтвержденность криминализации. Криминализации каких-либо деяний допустима лишь тогда, когда есть криминообразующие признаки, которые носят безусловно уголовно-правовой характер (обман, насилие, угроза, принуждение, подделка документов);
- имущественный ущерб не может быть единственным критерием криминализации. Наличие лишь крупного имущественного ущерба как результата отклоняющегося поведения субъектов экономической деятельности не может выступать основанием для криминализации;
- акцессорность (резервность) уголовного запрета. Криминализация допустима лишь при невозможности борьбы с данным правонарушением посредством иных отраслей права или иных применимых норм уголовного права (в частности, предусматривающих ответственность за преступления против личности)¹.

Цель и задачи настоящего исследования не связаны с предложениями в порядке *de lege ferenda* о незамедлительном внесении изменений во все статьи, затрагивающие преступления в сфере экономической деятельности². Практически с момента вступления в силу действующего уголовного закона идут дискуссии о необходимости разработки и принятия нового УК. В то же время, в условиях развивающейся в России рыночной экономики, с учетом опыта зарубежных государств, стремящихся к минимизации уголовно-правовых запретов на поведение субъектов экономической деятельности, приведем некоторые соображения отно-

¹ Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере... С. 46-47.

² Современные выдающиеся ученые-юристы говорят о снижении потребности для теории уголовного права в такого рода научных изысканиях. Подробнее см.: Наумов А. В. Теория уголовного права не должна сводиться к анализу и критике уголовного законодательства // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 1. С. 121-140.

сительно перспективного направления развития уголовного законодательства в данной сфере.

В отличие от ряда стран, уголовное законодательство которых выделяет преступления и проступки, Россия уголовную ответственность связывает только с совершением деяния, содержащего все признаки состава преступления. Вместе с тем, перспективы появления уголовного проступка в УК РФ обсуждаются в доктрине не первый год. Прежде всего, возникает вопрос о правовой природе данного явления. Необходимость перевода ряда деяний из разряда преступлений в уголовные проступки обычно связывается с их низким уровнем общественной опасности. Представляется, что такого рода законодательные изменения предполагают не просто появление новой части в ст. 14 УК РФ, но требуют выработку единого подхода к системе уголовного и законодательства в сфере административных правонарушений, а также вызывают необходимость обращения к общей теории правонарушения.

В наиболее общем виде можно выделить 3 основных подхода к целесообразности его появления в современном российском законодательстве:

1. уголовный проступок необходимо рассматривать в качестве уголовно наказуемого деяния, не являющегося преступлением;
2. уголовный проступок должен дополнить существующую категоризацию преступлений и ввиду наименьшей общественной опасности предшествовать преступлениям небольшой тяжести;
3. в законодательном закреплении уголовного проступка нет необходимости.

Следует отметить, что сам по себе вопрос наличия в уголовном законодательстве проступка не является новым. Примечательно, что С. А. Маркунцов на основе анализа дореволюционных уголовно-правовых норм пришел к выводу о видении законодателем того времени проступков и преступлений в качестве разновидности уголовно-противоправных деяний¹. Представляется, именно такой

¹ Маркунцев С. А. Генезис подходов к легальному и доктринальному определению уголовного проступка // Право. Журнал высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 115.

подход позволяет говорить об уголовном проступке как самостоятельной по отношению к преступлению категории уголовного права, и если будет воспринят современным законодателем, положит основу для формирования новой подотрасли уголовного права, объединяющей комплекс норм Общей и Особенной частей¹. Такие изменения могут потребовать существенных корректировок архитектуры уголовного закона (необходимо оценить возможность применения традиционных уголовно-правовых институтов: видов наказания и иных мер уголовно-правового характера, назначения наказания, судимости и некоторых других). Также назревает потребность в осмыслении доктринальных воззрений на содержание базовых для уголовного права предмета и метода отрасли, понятия, признаков и состава преступления и уголовного проступка, оснований уголовной ответственности и форм ее реализации и т.д.

Если же уголовный проступок относить к одной из категорий преступления (выделить из преступлений небольшой тяжести, опираясь на привычную классификацию по характеру и степени общественной опасности и предусмотреть для них наказания, например, не связанные с лишением свободы), то такая терминологическая замена внесет меньшие, чем в описанном выше случае, изменения в уголовное законодательство, однако едва ли будет оправданной с точки зрения единства понятийно-категориального аппарата различных отраслей российского права, ведь в таком случае проступок станет разновидностью преступления. Поэтому, например, В. В. Палий предлагает ввести в уголовное законодательство понятие преступлений наименьшей тяжести. Данный автор выступает против включения в УК термина «уголовный проступок» констатируя, что проступок – это «правонарушение, не дотягивающее до преступления»².

¹ Подробнее: Коняхин В. П., Жук М. С. Право уголовных проступков как подотрасль российского уголовного права: прогностический анализ // Российский следователь. 2012. № 23. С. 6-8.

² Палий В. В. Преступление и проступок: проблемы соотношения // Lex russica. 2017. № 7 (128). С. 114.

Следует учитывать, что отнесение уголовных проступков к одной из категорий преступлений¹ таит в себе опасность широкого усмотрения суда. Как известно, действующее уголовное законодательство позволяет изменить категорию преступления в пользу смягчения. Таким образом, в случае дальнейшей экстраполяции данного правила на случаи совершения преступления небольшой тяжести у суда открывается возможность с учетом предусмотренных законом условий признать преступления небольшой тяжести уголовным проступком, а значит, применить уголовно-правовые последствия совершения последнего.

Как правило, ученые говорят о необходимости признавать уголовными проступками деяния, посягающих на различные охраняемые уголовным законом общественные отношения, но схожие в низкой степени общественной опасности и в применении за их совершение наиболее гуманных мер уголовно-правового характера. В литературе приводится также обоснование необходимости признавать в качестве уголовных проступков лишь определенный круг деяний.

Так, например, Солодков И. А. полагает, что таковыми являются деяния, совершаемые по неосторожности (как по легкомыслию, так и небрежности), которые в силу особенностей интеллектуальных и волевых моментов не обладают общественной опасностью, а характеризуются общественной вредностью ввиду отсутствия «злонамеренности причинения вреда»². Учитывая то, что в действующей редакции³ уголовного закона к неосторожным относятся преступления небольшой и средней тяжести, такой подход не вполне согласуется с основаниями

¹ Данный подход положен в основу законопроекта, предложенного Верховным Судом РФ. Постановление № 42 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2017 г. «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка».

² Солодков И. А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 198.

³ На основе принятого в июне 2019 г. Федерального закона неосторожными будут признаваться и тяжкие преступления, за совершение которых максимальное наказание не превышает пятнадцати лет лишения свободы: Федеральный закон от 17.06.2019 № 146-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». // Российская газета. № 130. 19.06.2019.

дифференциации уголовной ответственности и допускает признание «несущественным» деяния, имеющего весьма негативные последствия для общества.

Леонов Р. А. рассматривает в качестве общественно опасных проступков деяния, имеющие объективные признаки преступлений, совершенные лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности¹. Как видится, общественная опасность измеряется не возрастом самим по себе, а формой вины, отношением к последствиям противоправного деяния, масштабом нанесенного урона общественным отношениям. Потому не согласимся с тем, что все запрещенные уголовным законом деяния лиц, не достигших установленного Уголовным законом возраста, обладают небольшой общественной опасностью.

Интерес представляет видение Анощенковой С. В. уголовного проступка в качестве не являющегося преступлением противоправного виновного посткриминального поведения, посягающего на порядок исполнения определенных мер уголовно-правового воздействия (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53, ч. 6 ст. 53¹, ст. 63¹, чч. 2, 2¹, 3 ст. 74, ч. 3 ст. 78, ч. 2 ст. 104⁴, ч. 2 ст. 82, ч. 2 ст. 82¹, ч. 4 ст. 90 УК РФ) и влекущего ухудшение положения лица, его совершившего². Из хода рассуждений данного автора следует, что она также исходила из различной правовой природы преступления и уголовного проступка.

Как видно, любой из вышеназванных подходов к понятию уголовного проступка связан с определением ключевого признака преступления – общественной опасности. В уголовно-правовой науке наиболее распространена точка зрения, в соответствии с которой все правонарушения обладают общественной вредностью, тогда как в преступных деяниях ее уровень максимален и переходит на качественно новый уровень – общественной опасности. Представляется, что такой подход должен сохраняться и применительно к уголовным проступкам, в против-

¹ Леонов Р. А. Общественно опасные деяния (проступки), совершаемые лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 10.

² Анощенкова С. В. Уголовный проступок и последствия его совершения // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 54-58.

ном случае грань между уголовно наказуемым деянием и административным правонарушением становится весьма зыбкой.

В научной литературе можно встретить одобрительные отзывы административистов об идее введения уголовного проступка, поскольку они считают необходимым освободить законодательство об административных правонарушениях от составов тех деяний, которые не относятся к сфере государственного управления. Соглашаясь с этой идеей, отметим, что предполагаемые уголовные проступки в целом должны отвечать всем принципам уголовного законодательства. Немаловажно также, что уголовное законодательство находится в исключительном ведении Российской Федерации, а административное – в совместном ведении федерации и ее субъектов. Таким образом, появление отдельных проступков в уголовно-правовом поле может потребовать от органов государственной власти субъектов пересмотра их административного законодательства. Вместе с тем, представляется, что перспективное смягчение уголовно-правовых запретов на деяния в сфере экономической деятельности положительно скажется на развитии российской экономики.

На основе изложенного в данном параграфе можно сделать ряд выводов.

Существенные отличия между преступлением и гражданско-правовым деликтом обнаруживаются в признаках субъективной стороны и субъекта. В гражданском праве допускается ответственность за невиновное причинение вреда, круг субъектов гражданско-правовой ответственности гораздо шире, чем субъектов преступления.

В целях унификации положений гражданского и уголовного права необходимо отказаться от использования термина «усеченный состав деликта», под которым в цивилистике понимается состав безвиновного причинения вреда. Содержание данного понятия в уголовном праве совершенно иное. Во избежание путаницы и подмены понятий предлагается заменить понятие «усеченный состав деликта» на «состав невиновного деликта».

Необходимо признать возможность не только реальной, но и идеальной совокупности преступления и гражданского правонарушения. В случае, если деяние

содержит одновременно все признаки состава преступления и гражданско-правового деликта, ответственность наступает по соответствующей статье Особенной части УК РФ. При этом возможно применение мер гражданско-правовой ответственности в соответствии с законом.

Следует положительно оценить перспективу введения в российское законодательство категории уголовного проступка, однако при разработке соответствующего законодательного акта важно учитывать следующее. Во-первых, ее содержание существенно отличается от преступления. Разграничение преступления и уголовного проступка первоначально должно проходить по материальному, а не формальному признаку. Во-вторых, данный вид правонарушений относится к уголовно-правовым, а потому обладают хоть и пониженной, но общественной опасностью, отличающей его от малозначительного деяния, правонарушений иной отраслевой принадлежности. В-третьих, для уголовных проступков вне зависимости от объекта посягательства должен быть выработан единый подход к определению вида и размера наказания, а также оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания и применению иных мер уголовно-правового характера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов. Прежде всего стоит отметить, что нормы гражданского права формируют законный порядок осуществления экономической деятельности. При этом охранительная функция у гражданского права выражена слабее, чем регулятивная. Поэтому она дополняется, компенсируется с помощью более развитой охранительной функции уголовного права. В процессе создания уголовно-правовых запретов законодатель учитывает гражданско-правовые положения, регулирующие конкретный круг общественных отношений.

Целесообразно говорить именно о связи, взаимном «общении», но не смешении и слиянии уголовного и гражданского права и их начал. Эта связь объективно существует между двумя указанными (среди многих других) правовыми отраслями, устанавливающими правовые границы поведения участников общественных отношений в сфере экономической деятельности. Дозированное использование диспозитивного метода правового регулирования в уголовном праве и наличие определенных императивных правил в праве гражданском не меняет сути указанных отраслей, их начал, «духа», целей и задач. Связь и, в то же время, самостоятельность отраслей уголовного и гражданского права на уровне определения запрещенного поведения субъектов экономической деятельности обнаруживается в следующем. Изменение гражданского законодательства может корректировать объем преступных деяний при внешней неизменности уголовно-правовой нормы. В свою очередь, уголовное право способно и опережать регулятивное законодательство, санкционируя деяния, не получившие подробной правовой регламентации, если это требуется для выполнения задач уголовного законодательства.

В то же время, представляется, что язык права должен быть единым. Несмотря на то, что эта проблема неоднократно поднималась в научной литературе, до сих пор в тексте Уголовного кодекса Российской Федерации и постановлений Пленума Верховного Суда используются устоявшиеся и имеющие легальную де-

финицию гражданско-правовые понятия в искаженном значении. Представляется, что внесение нового содержания в общепринятую терминологию недопустимо. Особенно это касается обязательных, тем более – квалифицирующих признаков состава. Если размер (в том числе размер задолженности и убытков), величина дохода (включая излишний), ущерба, в стоимостном выражении закреплены в уголовном законе, то само содержание понятия дохода, ущерба, убытков понимается на практике неоднозначно и не всегда соотносится с положениями гражданского права. Поскольку эти признаки служат основанием уголовной ответственности, определяют повышенную степень общественной опасности, противоправность, виновность и наказуемость деяния, их значение должно быть закреплено именно в УК, а не постановлениях Пленума.

Гражданско-правовые нормы участвуют в процессе уголовного правоприменения двумя способами: 1) нормы гражданского права применяются *напрямую*, совместно с уголовными, при рассмотрении гражданских исков в уголовном процессе о компенсации потерпевшему вреда, причиненного преступлением, или при причинении вреда в состоянии крайней необходимости (судебное правоприменение); 2) в процессе квалификации преступлений нормы гражданского права применяются *опосредованно*, поскольку составы преступлений, даже описанные с отсылкой к гражданскому законодательству, закреплены именно в УК.

Представлено дополнительное обоснование несостоятельности идеи об отнесении актов гражданского законодательства к источникам уголовного права как в формальном, так и материальном смысле. Формальными источниками уголовного права они не могут служить, поскольку не призваны определять преступность и наказуемость деяния. Материальными источниками права данные акты также не выступают, поскольку под этим термином понимаются условия социальной жизни как силы, «творящие» право.

В процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности регулятивное законодательство должно использоваться исходя из его содержания и назначения. При этом о влиянии норм различных отраслей права (и, в частности, гражданского) на квалификацию преступления можно говорить только

в том случае, если содержание одной или нескольких таких норм учитывается при установлении обязательных признаков состава преступления и способно изменить результат квалификации.

В данном случае необходимо в правоприменительном акте указывать редакцию статьи гражданского законодательства, действующую на момент совершения деяния. Представляется, что правила применения ч. 1 ст. 10 УК РФ распространяются на случаи, когда следствием принятия, изменения или отмены нормативного правового акта, к которому отсылает статья Особенной части УК РФ для установления признаков состава преступления, становятся устранение уголовной противоправности конкретного деяния или иное улучшение положения лица, совершившего преступление. Нормативный правовой акт иной (неуголовно-правовой) отраслевой принадлежности, принятие или изменение которого привело к расширению объема преступных деяний или иному ухудшению положения лица, совершившего преступление, при квалификации содеянного обратной силы не имеет.

Анализ судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных главой 22 УК РФ, показал, что содержащиеся в приговорах ссылки на гражданское законодательство не всегда отражают связи между нормами уголовного и гражданского права, определяющие квалификацию содеянного. В приговорах часто приводятся положения гражданского законодательства, которые в действительности не оказывают прямого влияния на установление преступности деяния, однако дают его полную юридическую характеристику. Установлено, что в наибольшей степени нормы гражданского права влияют на установление объективных признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности. Представляется не совсем корректной отсылка в приговорах судов к регулятивному законодательству при описании субъективной стороны содеянного. Указание на то, что обвиняемый достоверно знал содержание всех гражданско-правовых норм, регулирующих определенную сферу жизни, может привести к тому, что действия суда могут быть оценены как объективное вменение.

При юридической оценке деяния важно учитывать, что, если все признаки гражданского правонарушения входят в состав преступления, происходит поглощение и применима только уголовная ответственность. Если же только часть признаков гражданского правонарушения сходна с признаками состава преступления, возможны совокупность и одновременное наступление двух видов ответственности (уголовной и гражданско-правовой), имеющих разный характер, а потому это не противоречит принципу *non bis in idem*.

Представляется, что политика государства в сфере экономической деятельности должна следовать принципу экономии уголовной репрессии. Значительное количество закрепленных в главе 22 УК РФ деяний носят невысокий уровень общественной опасности, что отражено в санкциях за их совершение: 63 основных и квалифицированных составов преступлений относятся к категории небольшой тяжести. В то же время, регулярно пополняется перечень уголовно наказуемых деяний (в числе которых есть и тяжкие), от уголовной ответственности за совершение которых лицо освобождается по нереабилитирующим основаниям. Представляется, что такой эклектичный подход не позволяет говорить о гуманизации уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности. В этой связи следует положительно оценить перспективу введения в уголовное законодательство уголовных проступков, которые следует понимать как деяния, не являющиеся преступлениями и потому не дополняющее существующую в ст. 15 их категоризацию. В противном случае в силу ч. 6 ст. 15 УК РФ любое преступление небольшой тяжести суд сможет перевести в разряд уголовных проступков.

В качестве перспективного направления дальнейшего исследования можно назвать соотношение категорий гражданского и уголовного права с точки зрения правоотношений. Немаловажен вопрос о преюдициальности для уголовного права решений по гражданским делам, когда, например, виновным в гражданско-правовом деликте суд признает одно лицо, а осуждается за преступления противоположная (выигравшая гражданское дело) сторона.

Таким образом, в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности необходимо в каждом конкретном случае определять сущность нарушаемых общественных отношений. При разграничении преступлений и гражданско-правовых деликтов в указанной сфере нужно не только опираться на формально определенные в законе характеристики деяния, но и учитывать отсутствие у уголовного права задачи подменять право гражданское.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (Часть четвертая) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
3. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (Часть четвертая) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 17.06.2019) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17.06.2019) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
6. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/
7. О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 199-ФЗ // Российская газета. № 167. 2017. 31 июля.
8. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон № 129-ФЗ от 08 августа 2001 г. // Собрание законодательства РФ. 13.08.2001, № 33 (часть I), ст. 3431.

9. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июля 2015 № 224-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27. ст. 4294.
10. О драгоценных металлах и драгоценных камнях: Федеральный закон от 26 марта 1988 г. № 41-ФЗ // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18254/
11. О крестьянском (фермерском) хозяйстве: Федеральный закон от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42662/.
12. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04 мая 2011 г. № 99-ФЗ // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/
13. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/
14. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма: Федеральный закон от 7 августа 2001 г. // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/
15. О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/
16. О саморегулируемых организациях: Федеральный закон от 01 декабря 2007 г. № 315-ФЗ. // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/
17. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 17.06.2019 № 146-ФЗ. // Российская газета. 2019. 19 июня. № 130.

18. О добыче и использовании драгоценных металлов и алмазов на территории Российской Федерации и усилении государственного контроля за их производством и потреблением: постановление Правительства РФ от 4 января 1992 г. № 10 // СПС Консультант Плюс.
19. Об утверждении порядка отнесения уникальных янтарных образований к драгоценным камням: постановление Правительства РФ от 5 января 1999 г. № 8 // СПС Консультант Плюс.
20. Об опробовании, анализе и клеймении ювелирных и других изделий из драгоценных металлов: постановление Правительства РФ от 06 мая 2016 г. № 394 // СПС Консультант Плюс.
21. Об утверждении Правил учета и хранения драгоценных металлов, драгоценных камней и продукции из них, а также ведения соответствующей отчетности: постановление Правительства РФ от 28 сентября 2000 г. № 731 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28704/
22. О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Положение Банка России от 2 марта 2012 г. № 375-П // URL: http://base.garant.ru/70162622/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/#block_1000 (дата обращения: 14.05.2018).
23. Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства (утв. ФССП России 15 апреля 2013 г. № 04-4). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.03.2018).
24. Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах» [Электронный ресурс] // URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810 (дата обращения: 14.05.2018)
25. Проект федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1187665/> (дата обращения: 14.05.2018).

2. Судебная практика и статистические материалы

26. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О. Е. Недашковского и С. П. Яковлева» // СПС «КонсультантПлюс»
27. Постановление № 28 Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости // Российская газета. 2015. 10 июля № 6721 (150).
28. Постановление № 48 Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности». Российская газета. 2016. 24 ноября. № 7134 (266).
29. Постановление № 14 Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12053266/>
30. Постановление № 23 Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/1353895/#friends#ixzz5FdkpxEuN>
31. Постановление № 25 Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/

32. Постановление № 32 Пленума Верховного Суда РФ от 07 июля 2015 г. (ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем». URL: <https://base.garant.ru/71119624/>
33. Постановление № 42 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2017 г. «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» URL: <https://www.vsrp.ru/files/24307/>
34. Постановление № 22 Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10.04.2008 г. «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ 2008. № 5.
35. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 апреля 2000. № 8051/99 // Вестник ВАС РФ. 2000. № 7.
36. Приговор Индустриального районного суда г. Хабаровска по делу №1-380/2010 от 3 ноября 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gcourts.ru/case/6801630> (дата обращения: 13.05.2019).
37. Приговор Александровского районного суда Оренбургской области по делу № 1-20/2017 от 26 мая 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oon0aFWX86r1/> (дата обращения: 15.05.2019).
38. Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) по делу № 1-41/2018 от 19 января 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-yakutskij-gorodskoj-sud-respublika-saxa-yakutiya-s/act-579805767/> (дата обращения: 14.03.2018).

39. Приговор Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл по делу № 1-253/2018 от 10 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Co1cbX807ONu/> (дата обращения: 13.05.2019).
40. Приговор Калининского районного суда г. Новосибирска по делу № 1-526/2017 от 28 мая 2018 г. по делу № 1-526/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AGmG0bdHhK55/> (дата обращения: 13.05.2019).
41. Приговор Геленджикского городского суда Краснодарского края по делу № 1-202/2018 от 29 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/W9AkbGUAagZf/> (дата обращения: 12.05.2019).
42. Приговор Сусуманского районного суда Магаданской области по делу № 1-22/2018 от 9 июля 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/869lSgcIhA4/> (дата обращения: 13.05.2019).
43. Приговор Ленинского районного суда г. Смоленска по делу № 1-109/2018 от 19 сентября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bRxLpF6ydMW4/> (дата обращения: 13.05.2019).
44. Приговор Ленинского районного суда г. Оренбурга по делу № 1-523/2018 от 19 сентября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/f72g4LeY2ib4/> (дата обращения: 13.05.2019)
45. Приговор Славянского городского суда г. Славянска-на-Кубани по делу № 1-172/2018 от 17 октября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HZGDAX6nY1Zm/> (дата обращения: 13.05.2019)
46. Решение Кавказского районного суда Краснодарского края по делу № 2-1017/2015 от 23 ноября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/l1FPpCdSC9NB/> (дата обращения: 25.02.2019).
47. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> дата обращения: 04.05.2019 г.

3. Монографии, учебники, учебные пособия

48. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды. Том I. М., 2002.
49. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. Учебник. М., 2015.
50. Антимонов Б. С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М., 1950.
51. Асланян Н. П. Основные начала российского частного права. Иркутск, 2001.
52. Белякова А. М. Возмещение причиненного вреда (отдельные вопросы). М., 1972.
53. Болдинов В. М. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности. СПб., 2002.
54. Брагинский М. И. Договорное право: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. М., 1998.
55. Варшавский К. М. Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда. М., 1929.
56. Винокуров В. Н. Объект преступления: аспекты понимания, способы установления и применения уголовного закона. М., 2012.
57. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. СПб., 2002.
58. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2003.
59. Гоббс Томас. Левиафан. Пер. с англ. А. Тутерман; вступ. ст. А. Ф. Филиппов. М., 2018.
60. Гражданское право: учебник в трех частях. Часть первая / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. М., 2010.
61. Гражданское право. Часть первая: Учебник / под ред. А. Г. Калпина, А. И. Масляева. М., 2000.
62. Дорохин С. В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект. М., 2008. С. 41.

63. Евстигнеев Э. А. Императивные и диспозитивные нормы в договорном праве. М., 2017.
64. Епифанова Е. В. Теория преступления в науке уголовного права: исторический аспект и современность. Краснодар, 2006.
65. Жалинский А. Э. Избранные труды: в 4 т. / сост. К. А. Барышева, О. Л. Дубовик, И. И. Нагорная, А. А. Попов; отв. ред. О. Л. Дубовик. Т. 2. Уголовное право. М., 2015. С. 313.
66. Желонкин С. С. Недействительность антисоциальных сделок: Монография. М., 2012.
67. Ибрагимов М. А., Ображиев К. В. Нормативные акты иных отраслей права как источники уголовного права: монография. Ставрополь, 2005.
68. Иванов А. А. Правонарушение и юридическая ответственность. Теория и законодательная практика: учеб. пособие. М., 2004.
69. Иванов С. А., Третьяк М. И. Теоретические основы квалификации преступлений: курс лекций. Ставрополь, 2006.
70. Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика. М., 2014.
71. Калмыков Ю. Х. Об элементах состава гражданского правонарушения // Избранное: труды, статьи, выступления. М., 1998.
72. Калмыков Ю. Х. Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда имуществу. Саратов. 1965.
73. Квалификация преступлений: учеб. пособие / под ред. К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. М., 2016.
74. Кечекьян С. Ф. К вопросу о различии частного и публичного права. Харьков, 1927. 25 с.
75. Кленова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара, 2001.
76. Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005.
77. Корнеева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие / под ред. А. И. Рарога. М., 2009.

78. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. М., 2002.
79. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности // Категории науки гражданского права. Избранные труды. М., 1966.
80. Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005.
81. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2004.
82. Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958.
83. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. В. Н. Кудрявцева. М., 2007.
84. Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. Теоретические проблемы. М., 1981.
85. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009.
86. Лупарев Е. Б., Добробаба М. Б., Мокина Т. В. Общая теория публичных правоотношений. М., 2011.
87. Малеин Н. С. Возмещение вреда, причиненного личности. М., 1965.
88. Малеин Н. С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М., 1968.
89. Мальцев В. В. Учение об объекте преступления. В 2 т. Волгоград, 2010.
90. Марченко М. Н. Теория государства и права: Учебник. М., 2003.
91. Матвеев Г. К. Вина в советском гражданском праве. Киев, 1955.
92. Матвеев Г. К. Основания гражданско-правовой ответственности. М., 1970.
93. Матвеев И. В. Правовая природа недействительных сделок. М., 2002.
94. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учебник. М., 2016.
95. Медведев С. Н. Римское частное право. Учебник. Ставрополь, 2004.
96. Наумов А. В., Новиченко А. С. Законы логики при квалификации преступлений. М., 1978.
97. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М., 1974.

98. Нерсесянц В. С. Философия права: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008.
99. Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах. Т. 3. Отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2001.
100. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 12-е, стереотип. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1978.
101. Ойгензихт В. А. Проблема риска в гражданском праве. Душанбе, 1972.
102. Пиголкин А. С. Теория государства и права. М., 2003.
103. Пикуров Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград, 1998.
104. Поздняков Э. А. Философия государства и права. 2-е издание, исправленное и дополненное. М., 2016.
105. Поливцев А. В., Соловьев А. Н., Ставило С. П. Состав преступления: структура и характеристика элементов. Учебное пособие. Краснодар, 2000.
106. Поляков И. Н. Ответственность по обязательствам вследствие причинения вреда. М., 1998.
107. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. М. Н. Марченко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008.
108. Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых государств. СПб., 2003.
109. Пусторослев П. П. Анализ понятия о преступлении. М., 1892.
110. Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. М., 2015.
111. Рипинский С. Ю. Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателям. СПб., 2002.
112. Российское гражданское право: Учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е. А. Суханов. 4-е изд., стереотип. М., 2014.

113. Российское уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. М., 2014.
114. Российское уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / под ред. В. П. Коняхина и М. Л. Прохоровой. М., 2015.
115. Ругина О. А. Судебное толкование уголовного закона и его роль в законотворческой и правоприменительной деятельности. М., 2014.
116. Сабитов Т. Р. Система уголовно-правовых принципов. М., 2012.
117. Савельева В. С. Основы квалификации преступлений. Учебное пособие. 2-е изд. М., 2012.
118. Самощенко И. С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963.
119. Семенова А. Е. Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и обязательства, возникающие из причинения вреда. М., 1928.
120. Сидоренко Э. Л., Карабут М. А. Частные начала в уголовном праве. СПб, 2007.
121. Слесарев В. Л. Объект и результат гражданского правонарушения. Томск, 1980.
122. Смирнов В. Т. Регрессные иски в обязательствах из причинения вреда. М., 1960.
123. Смирнов В. Т., Собчак А. А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л., 1983.
124. Собчак А. А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве: Учебное пособие. Л., 1983.
125. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. В 2 ч. Часть 1 / Н. С. Таганцев. – М., 2019.
126. Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву Саратов. 1973.
127. Теория государства и права: Курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2003.

128. Толкаченко А. А. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 2004.
129. Толстой Ю. К. Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда // Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 3. – 4-е изд., перераб и доп.; под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 2005.
130. Тузов Д. О. Ничтожность и оспоримость юридической сделки: пандектное учение и современное право. М., 2006
131. Тюнин В. И. Некоторые аспекты толкования, применения и совершенствования уголовного законодательства, охраняющего отношения в сфере экономической деятельности. СПб., 2001.
132. Уголовное право. Словарь-справочник. Автор-составитель: Т. А. Лесниевски-Костарева. М., 2000.
133. Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. В. А. Томсинова. М., 2014.
134. Философия права. Курс лекций: учебное пособие: в 2 т. Т. 2 / А. В. Аверин, И. А. Гобозов, А. Г. Гузнов [и др.]; отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2017.
135. Философия права. Учебник. / Под ред. О. Г. Данильяна. М., 2007.
136. Философия уголовного права / сост. Ю. В. Голика, А. Ю. Голик. СПб., 2004.
137. Философский энциклопедический словарь. Сост: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М., 1983.
138. Хейфец Ф. С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. М., 2001.
139. Шахматов В. П. Сделки, совершенные с целью, противной интересам государства и общества. Томск, 1966.
140. Шварц Х. И. Значение вины в обязательствах из причинения вреда. М., 1939.
141. Шишов О. Ф. Преступление и проступок. М., 1967.
142. Шишко И. В. Экономические правонарушения: вопросы юридической оценки и ответственности. СПб., 2004.

143. Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права. 2-е изд. СПб., 2008.
144. Энциклопедия уголовного права. Т. 3. СПб., 2005.
145. Юридический энциклопедический словарь / под ред. А. В. Малько. 2-е изд. М., 2016.
146. Яичков К. К. Обязательства из причинения вреда. М., 1939.

4. Научные статьи

147. Агибалова Е. Н. Состав гражданского правонарушения как основание деликтной ответственности // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. № 1/3. 2010.
148. Адыгезалова Г. Э. Соотношение частного и публичного права с позиции социологического правопонимания. // Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. II.
149. Алексеев С. С. О составе гражданского правонарушения. // Правоведение. 1958. № 1.
150. Анощенкова С. В. Уголовный проступок и последствия его совершения // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Международной научно-практической конференции. М., 2018.
151. Благов Е. В. Дискуссионные вопросы конструирования норм о преступлениях в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 2.
152. Бочкарев С. А. Философия уголовного права в истории европейских и англо-американских школ // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10).
153. Ведерникова О. Н. Современные уголовно-правовые системы: типы, модели, характеристики // Государство и право. 2004. № 1.
154. Волженкин Б. В. О содержании бланкетных диспозиций статей об экономических преступлениях в УК РФ // Актуальные проблемы юридической

- ответственности за нарушения в сфере экономической деятельности и налогообложения: Материалы третьей научно-практической конференции. Ярославль, 2004.
155. Грошев А. В. Институт юридической ошибки в контексте презумпции знания уголовного закона и защиты прав человека // Современные проблемы уголовной политики: V Международная научно-практическая конференция. Под редакцией А. Н. Ильяшенко. Краснодар, 2014.
156. Иванчин А. В. В поисках сущности состава преступления // Уголовное право и криминология: современное состояние и перспективы развития: сб. науч. трудов. Воронежский государственный университет. Вып. 7. Воронеж, 2011.
157. Иванчин А. В. О некоторых правилах образования уголовно-правовых запретов // Юридическая наука. 2017. № 3.
158. Измоденов А. К., Коростелева К. В. Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании экономических отношений: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 16–17 марта 2017 г.) / Екатеринбург, 2017.
159. Ключко Р. Н. Бланкетность уголовно-правовых норм и критерии определения источников уголовно-правового регулирования // Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 4. Правазнаўства. Псіхалогія. 2007. № 4.
160. Клебанов Л. Р., Трефилова В. В. О перспективах уголовной ответственности юридических лиц в российском законодательстве: некоторые аргументы «contra» // Legal Bulletin. 2018. Т. 3. № 1-2.
161. Коняхин В. П., Жук М. С. Право уголовных проступков как подотрасль российского уголовного права: прогностический анализ // Российский следователь. 2012. № 23.
162. Лескова Ю. Г., Диденко А. А. Незаконное предпринимательство: изменение признаков состава уголовного преступления в свете реформирования гражданского законодательства // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 1.

163. Лопашенко Д. В. Частно-публичный порядок привлечения к уголовной ответственности в случае совершения преступлений, предусмотренных главой 23 Уголовного кодекса Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6.
164. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: о руинах уголовного закона // Законы России: Опыт, Анализ, Практика. 2018. № 2.
165. Лопашенко Н. А. Уголовная политика по принципу «чего изволите?», или уголовный закон как средство решения всех проблем // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 1.
166. Марчук В. В. О философской основе квалификации преступлений // Философия права. 2009. № 1(32).
167. Маркунцев С. А. Генезис подходов к легальному и доктринальному определению уголовного проступка // Право. Журнал высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 112-132.
168. Мерзлякова А. В. Объект незаконного предпринимательства // Экономика, предпринимательство и право. 2016. Т. 6. № 2.
169. Мирошник С. В. Источник права и форма права: соотношение понятий // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5.
170. Наумов А. В. Уголовная ответственность юридических лиц (доктринальные и правотворческие аспекты) // Право и государство. 2017. № 1-2 (74-75).
171. Наумов А. В. Теория уголовного права не должна сводиться к анализу и критике уголовного законодательства // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 1.
172. Нафиков М. М. Основные проблемы квалификации преступлений в сфере экономической и финансовой деятельности // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. 2017. № 13.
173. Огородникова Н. В. Российская уголовная политика на современном этапе: тенденции развития // Современные проблемы уголовной политики:

- материалы III Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2012.
174. Осипов И. В. Актуальные вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности по признакам ущерба, дохода и размера // Сборник научных трудов по материалам V международной научной конференции «Научные тенденции: юриспруденция». 2017.
175. Панченко П. Н. Презумпция знания закона как условие вины и ответственности в уголовном праве и ее трактовка применительно к преступлениям, совершаемым в сфере экономической деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2 (13).
176. Палий В. В. Преступление и проступок: проблемы соотношения // Lex russica. 2017. № 7 (128).
177. Попондопуло В. Ф. Публично-частное партнерство: понятие и правовые формы. URL: <http://m.ppt.ru/news/134718> [Электронный ресурс] дата доступа: 20.10.2017.
178. Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. 1996. № 4.
179. Ситникова А. И. Проблема качества уголовного закона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2014. № 4.
180. Соловьев О. Г., Князьков А. А. Уголовная ответственность за посягательства на законные интересы участников долевого строительства многоквартирных домов: вопросы криминализации и юридической оценки признаков состава преступления // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия гуманитарные науки. 2018. № 4 (46).
181. Тарбагаев А. Н., Тарбагаева Е. Б. Особенность применения бланкетных норм при квалификации преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ // Уголовное право. 2010. № 2.
182. Тарханов И. А., Челышев М. Ю., Хасанов Р. А. Гражданско-правовые конструкции в механизме квалификации преступлений // Криминологический

- журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2003. № 4.
183. Тебряев А. А. Вина причинителя вреда в деликтных обязательствах // Юрист. 2002. № 3.
184. Тихонова С. С. О качестве современного уголовного закона: юридико-технический аспект новеллизации УК РФ // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22.
185. Токарчук Р. Е. Общественная опасность как общий принцип уголовного права и уголовной ответственности // Юридические исследования. 2012. № 1. С. 126-142.
186. Хорунжий С. Н. Правовые основы защиты частных и публичных интересов // Юридическая наука. 2016. № 5.
187. Яичков К. К. Система обязательств из причинения вреда в советском праве // Вопросы гражданского права. Сборник статей. М., 1957. С. 170.
188. Яни П. С. Проблемы уголовной ответственности за экономические преступления // Законность. 2001. № 1.

5. Диссертации и авторефераты диссертаций

189. Асланян Н. П. Основные начала российского частного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.
190. Александрова В. В. Преступления в сфере экономики: проблемы соотношения и разграничения с гражданскими правонарушениями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
191. Александрова В. В. Преступления в сфере экономики: проблемы соотношения и разграничения с гражданскими правонарушениями: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
192. Денисова А. В. Система российского уголовного права: теория, закон, практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.

193. Ибрагимов М. А. Нормативные акты иных отраслей права как источники уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.
194. Идрисов Н. Т. Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблема правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009.
195. Илларионова Т. И. Основания внедоговорной ответственности организаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971.
196. Кириченко В. Ф. Должностные преступления по советскому уголовному праву: автореф. дис... д-ра. юрид. наук. М., 1965.
197. Коновалов С. С. Основание гражданско-правовой ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
198. Корякина Е. А. Жизнь человека как объект уголовно-правовой охраны: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011.
199. Краснопеев В. А. Объект преступления в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2001.
200. Кузнецов А. В. Общие и специальные основания освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности: проблемы теории и практики: дис. ...канд. юрид. наук. Владивосток, 2017.
201. Кулматов Т. Ш. Недействительные сделки по гражданскому праву и деятельность органов Внутренних дел по их пресечению: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996
202. Леонов Р. А. Общественно опасные деяния (проступки), совершаемые лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
203. Лопашенко Д. В. Соотношение частного и публичного в уголовном праве: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2018.
204. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1997.

205. Мотин О. А. Частный интерес в системе объектов уголовно-правовой охраны: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.
206. Новиченко А. С. Логико-методические основы квалификации преступлений: дис. ...канд. филос. наук. М., 1977.
207. Павлов С. Н. Объект и последствия преступления в теории уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011.
208. Параскевова С. А. Понятие и социальная сущность гражданского правонарушения (теоретические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
209. Пайвин Д. М. Влияние норм гражданского законодательства на квалификацию преступлений в сфере экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2005.
210. Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права. дис. ...д-ра юрид. наук. Саратов, 2015.
211. Пикуров Н. И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Волгоград, 1998.
212. Пшипий Р. М. Бланкетная диспозиция уголовно-правовой нормы: доктринальное понимание, законодательные подходы к конструированию и проблемы применения (на примере главы 22 УК): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2015.
213. Семченков И. П. Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
214. Солодков И. А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2013.
215. Софронов Е. П. Уголовно-правовая защита частного интереса в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005
216. Талан М. В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2002.

217. Цветков С. Б. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998.
218. Чельшев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань. 2008.
219. Шишко И. В. Взаимосвязь уголовно-правовых и регулятивных норм в сфере экономической деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург. 2004.
220. Яни П. С. Актуальные проблемы уголовной ответственности за экономические и должностные преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996.

6. Электронные источники

221. Банки против бизнеса: как применяются нормы о противодействии отмыванию средств [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.ru/story/201558/> (дата обращения: 14.05.2018).
222. Заседание коллегии Генпрокуратуры России 15 февраля 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56863> (дата обращения: 16.04.2018).
223. Заседание Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52929> (дата обращения: 14.05.2018).
224. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере на основании Поручения Президента Российской Федерации № ПР-3169 от 28 ноября 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.insor-russia.ru/files/modernUK.pdf> . (дата обращения: 16.05.2019)
225. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 12.05.2018).

226. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 20 февраля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 25.02.2019)

Анкета

Цель настоящей анкеты – изучить мнение практических работников относительно роли норм гражданского права в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности.

Просим Вас ответить на поставленные вопросы в анкете согласно Вашему убеждению. Для этого Вам необходимо выбрать верный, на Ваш взгляд, вариант ответа, обведя соответствующую букву. Возможен выбор нескольких вариантов ответа. Если представленные варианты ответа не отражают Вашу точку зрения, укажите, пожалуйста, свой вариант ответа. Полученная от Вас информация позволит дополнить теоретическую базу исследования.

Заранее благодарим за оказанную помощь!

Вопрос 1.

Должно ли учитываться гражданское законодательство при криминализации деяний в сфере экономической деятельности?

А) Да, поскольку именно гражданское законодательство определяет правовую основу экономической деятельности

Б) Нет, уголовное право независимо от гражданского законодательства в вопросах криминализации

В) Ваш вариант ответа _____

Вопрос 2.

По Вашему мнению, количество составов преступлений в сфере экономической деятельности, предусмотренных главой 22 УК РФ, следует:

А) Значительно увеличить

Б) Незначительно увеличить (укажите, пожалуйста, какие деяния, по Вашему мнению, следует криминализовать) _____

В) Значительно уменьшить

Г) Незначительно уменьшить (укажите, пожалуйста, какие деяния, по Вашему мнению, следует декриминализовать) _____

Вопрос 3.

Как Вы считаете, влияют ли нормы гражданского права на квалификацию преступлений в сфере экономической деятельности?

А) Да, влияют, поскольку для установления ряда составов преступлений главы 22 УК РФ, описанных в уголовном законе бланкетным способом, необходимо обращаться к гражданскому законодательству. Содержание соответствующих гражданско-правовых норм может определить решение вопроса о наличии или отсутствии состава преступления.

Б) Учитывать нормы гражданского права в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности нужно, но оказать влияния на результат квалификации они не могут

В) Нормы гражданского права никак не влияют на квалификацию содеянного

Г) Ваш вариант ответа _____

Вопрос 4

По Вашему мнению, обращение к нормам гражданского законодательства необходимо при установлении содержания таких элементов составов преступлений в сфере экономической деятельности как:

А) Объекта

Б) Объективной стороны

В) Субъективной стороны

Г) Субъекта

Вопрос 5

Как Вы считаете, допустимо ли изменение содержания гражданско-правовой терминологии в уголовном законодательстве или постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности

А) Нет, необходимо единообразное применение терминологии различных отраслей права

Б) Да, уголовное законодательство может с учетом своей специфики сужать или расширять содержание терминологии гражданского права

Вопрос 6

Необходимо ли в мотивировочной части приговора указывать нормы гражданского законодательства, к которым Вы обращались в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности?

А) Да, это обязательно

Б) Нет, поскольку квалификация содеянного осуществляется только на основе уголовного закона

Вопрос 7

Сталкивались ли Вы с трудностями при разграничении преступлений и гражданско-правовых деликтов в сфере экономической деятельности?

А) Да

Б) Нет

Вопрос 8

Если Вы ответили на предыдущий вопрос «Да», укажите, пожалуйста, с чем связаны были эти трудности?

А) С несовершенством уголовного законодательства

Б) С несовершенством гражданского законодательства

В) Ваш вариант ответа _____
